ТПО 1458

20 декабря 1913 года. Печатать разрѣшается. Ректоръ Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи епископъ *Анастасій*.

Православіе по его существу *).

Священной памяти Высокопреосвященнаго Антонія (Вадковскаго), митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго, Первенствующаго Члена Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода, † 1912, XI, 2 (пятница).

Вопросъ о томъ, что̀ такое «православіе» по своему существу, не имѣетъ догматически утвержденнаго отвѣта и по своей всеобъемлемости допускаетъ многообразныя освѣщенія, а относительно инославнаго Запада, кажется, не рискуя неделикатностію, можно утверждать, что тамъ наименѣе знаютъ его, если оно и считается древнѣйшимъ христіанскимъ исповѣданіемъ. Посему умѣстно для православнаго богослова, какъ частнаго лица, разъясненіе даннаго предмета по существенному содержанію и для устраненія предубѣжденій, которыхъ слишкомъ достаточно въ этой области повсюду, особенно же на Западѣ. О богослуженіи, гдѣ проявляется жизнь вѣрующихъ по общенію во Христѣ Іисусѣ, либеральный протестантизмъ устами извѣстнаго профессора Адольфа Гарнака (въ «Das Wesen des Christentums») высказалъ, что тутъ происходитъ лишь простое

---

*) Трактатъ этотъ писанъ спеціально для американскаго журнала „The Constructive Quarterly“, edited by Silas McBee, и помѣщенъ тамъ (Vol. I, No. 2: June 1913, p. 282—305) въ англійскомъ переводѣ маг. бог., профессора Королевской Коллегіи въ Лондонѣ Николая Васильевича Орлова, а здѣсь печатается лишь съ незначительнымъ измѣненіемъ въ началѣ и съ добавленіемъ одного примѣчанія.— Спб. 1913, XII, 1—воскресенье.

бормотаніе (murmeln) стереотипныхъ возгласовъ и молитвъ. Другіе видятъ въ православіи своеобразный католическій ритуализмъ, между тѣмъ католики упорно подозрѣваютъ, что православные совсѣмъ не почитаютъ Богоматери даже наряду со святыми. Православная доктрина сводится къ неподвижному сохраненію разныхъ традиціонныхъ догматическихъ формулъ, символовъ и вѣроопредѣленій, не получившихъ раціональнаго раскрытія и имѣющихъ развѣ подражательную схоластическую обработку, а на практикѣ яко бы господствуетъ суевѣріе чуть не во всѣхъ слояхъ. Частныя учрежденія не менѣе перетолковываются,—и мы доселѣ слышимъ (отъ Rev. T. A. Lacey, Marriage in Church and State. London 1912), будто покатолически бракъ въ православіи нерасторжимъ и разводъ допускается только по диспенсаціи, такъ что новый брачный союзъ разведенныхъ фактически бываетъ собственно двоебрачіемъ. Церковное устройство рисуется либо папистическимъ іерократизмомъ (въ греческой Константинопольской церкви), либо явнымъ цезаризмомъ съ деспотіей свѣтской власти (чрезъ Оберъ-Прокурора Св. Синода въ Россіи). Усиленію подобныхъ недоразумѣній и извращеній въ послѣднее время много способствовала религіозная пропаганда графа Л. Толстого. О немъ на Западѣ склонны думать, что—положительно или отрицательно—это былъ продуктъ русскаго православія, о которомъ и судятъ соотвѣтственнымъ образомъ. При этомъ ему усвояли все худшее въ толстовствѣ, подчеркивая для лучшихъ его сторонъ, что православіе, какъ таковое, само отвергло ихъ, отлучивъ отъ Церкви графа Толстого. Фактически все здѣсь невѣрно,—и православные справедливо могутъ примѣнить къ Толстому слова св. Іоанна Богослова (1 посланіе II, 19) въ такой варіаціи, что онъ «не отъ насъ вышелъ и не былъ нашъ», ибо не зналъ православія въ исторіи и дѣйствительности и не пережилъ его внутреннимъ проникновеніемъ и сердечнымъ подчиненіемъ, а свои религіозныя исканія питалъ грубо-популярнымъ критическимъ либерализмомъ и обосновывалъ на началахъ автономическаго раціонализма. Всѣ стихіи у Толстого чужды православію и нимало не отражаютъ его. Однако въ аспектѣ толстовства и привыкли на Западѣ смотрѣть на православіе, относясь къ нему съ подозрѣніемъ или пренебреженіемъ, иногда же и съ прямымъ осужденіемъ, какъ царству религіознаго мрака и нетерпимой тиранніи.

I.

Описанное положеніе усугубляется тѣмъ, что по многимъ причинамъ оказывается для Запада крайне затрудительнымъ непосредственное изученіе православія, къ чему ничуть не привлекаетъ и плохая его репутація. Для оріентировки обыкновенно ищутъ — по западному масштабу — «православныхъ символическихъ книгъ», но съ этой точки зрѣнія православные догматическіе памятники слишкомъ растяжимы по своей догматической общности и не даютъ точныхъ опредѣленій самой природы православія.

Послѣднее не имѣетъ выработанныхъ и санкціонированныхъ формулъ, выражающихъ его отличительную сущность въ себѣ самомъ и по сравненію съ другими христіанскими исповѣданіями. Поэтому принимаются и утилизируются для характеристики православія разныя ходячія сентенціи, употребляемыя и иногда защищаемыя также и самими православными. На дѣлѣ этимъ вносятся новыя недоразумѣнія, гдѣ внутреннее подавляется внѣшнимъ и искажается отъ подобнаго насилія.

Таково наиболѣе распространенное убѣжденіе, что православіе есть извѣстная національностическая форма христіанства, которое получаетъ въ немъ и національное ограниченіе и національностическую исключительность, когда, замыкаясь въ рамки своей національности, усвояетъ ей особыя права преимущественнаго обладанія и необходимаго посредничества въ полученіи и раздаяніи христіанскихъ благъ. Опорою для этого пониманія служатъ общепринятыя—даже у православныхъ—названія «Греко-Восточное православіе», или «Восточная Греко-Россійская Церковь». Здѣсь эпитеты отмѣчаютъ отличительныя свойства предмета, и о немъ пріобрѣтается такое сужденіе, что православіе представляетъ нѣчто «греко-восточное» или «восточно-греко-россійское». А безспорно, что въ этой комбинаціи національностическій моментъ оказывается если не единственнымъ, то доминирующимъ.

И нельзя отрицать, что для даннаго воззрѣнія отыскиваются историческія оправданія и фактическія подкрѣпленія. Греческая Византійско-Константинопольская церковь имѣетъ величайшія заслуги, что преемственно сохранила православіе во всей типичности и спасла его отъ уничтоженія и погло-

щенія. Ей мы обязаны, что среди тяжелыхъ и страшныхъ историческихъ превратностей православіе не погибло подъ гнетомъ мусульманства и не поддалось напору инославной пропаганды—особенно со стороны католичества, издавна и усиленно стремящагося къ полному владычеству на Востокѣ. Греческій національнзмъ исторически слился съ православіемъ и ограждалъ его самымъ своимъ самосохраненіемъ, въ свою очередь находя въ немъ духовный базисъ для своей самобытности. Православіе и эллинизмъ объединились въ тѣсной взаимности, почему первое стало квалифицироваться вторымъ. И христіанскій эллинизмъ осуществлялъ и развивалъ этотъ союзъ именно въ національностическомъ духѣ. Религіозный момоментъ являлся факторомъ національныхъ стремленій, соподчинялся имъ и вовсе не у однихъ фанаріотовъ обращался на служеніе панэллинистическихъ мечтаній. Послѣднія глубоко вплетались въ религіозно-православную стихію и сообщали ей свой колоритъ, надѣливъ достоинствомъ и правами «этнарха» для всѣхъ христіанскихъ народовъ Востока именно Византійскаго патріарха, который почитался живымъ и одушевленнымъ образомъ Христа (Матѳей Властарь XIV вѣка въ «Синтагмѣ» π 8). Въ результатѣ получалось, что все духовно-христіанское превосходство принадлежитъ эллинизму и можетъ другими лишь вторично восприниматься отъ него. Для православія это значило, что оно всецѣло содержится въ эллинизмѣ и имъ распредѣляется подъ его господствомъ и контролемъ. Въ этомъ отношеніи просвѣщенный Григорій Византіосъ (Βυζάντιος или Византійскій, по мѣсту рожденія въ Константинополѣ, съ 1860 г. митрополитъ Хіосскій, † Ираклійскимъ въ 1888 г.) категорически свидѣтельствовалъ, что «миссія эллинизма—божественная и всемірная». Отсюда исконныя и непрекращающіяся притязанія на исключительное верховенство въ православіи собственно эллинизма, какъ его обладателя и раздаятеля. По словамъ перваго отвѣта (отъ мая 1576 г.) Тюбингенскимъ богословамъ Константинопольскаго патріарха Іереміи II († 1595 г.), говорившаго въ качествѣ «преемника (διάδοχος) Христа» (введеніе),—греческая «святая церковь Божія есть матерь церквей, и, по благодати Божіей, первенствуетъ въ знаніи, неукоризненно хвалится чистотою апостольскихъ и отеческихъ постановленій, и, будучи нова, стара по православію и поставлена во главу», почему «и всякая христіанская церковь должна священнодѣйствовать литургію такъ же, какъ и она», церковь Греческо-

Константинопольская (глава 13 sub fin.). Въ Константинополѣ всегда обнаруживали тенденціи къ церковному абсолютизму въ православіи и вовсе не благоволили развитію національно-автономныхъ церквей, не легко признавая ихъ даже при іерархическомъ равенствѣ. Въ восточныхъ патріархатахъ Византійско-Константинопольскій эллинизмъ нимало не способствуетъ національно-христіанской самобытности и всячески отстаиваетъ свою правительственно-іерархическую гегемонію, борясь противъ національной независимости Дамаска (Антіохіи) и Іерусалима. Въ Константинополѣ далеко не съ полною охотой согласились (въ концѣ XVI в.) на самостоятельность Русской церкви и не совсѣмъ помирились съ автокефаліей Элладской (съ половины XIX в.), а по отношенію къ Болгарской церкви простерли націоналистическую нетерпимость до церковнаго разрыва, объявивъ ее (въ 1872 г.)—во всемъ объемѣ—«подъ схизмою». Достойно великаго удивленія, что поборники крайнаго націонализма въ церковной сферѣ тогда же (въ 1872 г.) признали у другихъ недозволительными національно-церковныя стремленія и даже провозгласили ихъ новоизмышленною ересью подъ именемъ «филетизма»!...

Въ обрисованномъ самыми общими штрихами видѣ націонализмъ эллинскій почти прямо покрываетъ православіе, при чемъ послѣднее и будетъ какъ бы націоналистическимъ исповѣданіемъ. Православіе представляется націоналистическимъ въ качествѣ исповѣданія восточнаго или—частнѣе—греко-россійскаго. Но описанное явленіе есть чисто историческое и обусловленное: — оно не исчерпываетъ православія, а только приспособляетъ его къ извѣстнымъ національно-историческимъ формамъ. Этимъ свидѣтельствуется, что по существу своему православіе выше всякихъ внѣшнихъ комбинацій, хотя не уничтожаетъ ихъ насильственно, но одухотворяетъ и преобразуетъ внутренно. Это всегда и громко провозглашалъ даже самъ византійско-церковный эллинизмъ, потому что свое церковное владычество принципіально оправдывалъ обязательною попечительностію о добромъ устроеніи и нормальномъ развитіи помѣстныхъ національныхъ церквей. Константинопольская патріархія, глава которой со временъ Іоанна IV Постника (582—595 гг.) носитъ титулъ «вселенскаго» (οἰκουμενικός), въ пользу своего верховенства ссылается прямо лишь на свою материнскую заботливость о младшихъ сестрахъ и юныхъ дщеряхъ, не выдвигая напередъ своихъ націоналистическихъ пре-

рогативъ, хотя бы послѣднія фактически и господствовали по-преимуществу или всецѣло. Православіе проникаетъ и вдохновляетъ христіанскій эллинизмъ, но вовсе не принадлежитъ ему на началахъ собственности съ исключительными правами. Поэтому и другіе православные народы не видѣли тамъ нерасторжимаго союза, гдѣ обѣ стороны неразрывны и страдаютъ совмѣстно въ одинаковой степени. Такъ, по случаю исправленія славянскихъ богослужебныхъ книгъ по греческимъ образцамъ, старые церковные русскіе люди, образовавшіе потомъ «расколъ», не стѣснялись (въ XVIII вѣкѣ) твердить, что у грековъ православіе «поистаталось» и стало «нестрымъ», но много послѣ (въ 40-хъ годахъ XIX в.) именно у нихъ искали себѣ архипастыря для образованія своей «Бѣлокриницкой іерархіи».

Выводъ теперь ясенъ, что по своей природѣ православіе не покрывается національзмомъ и не срастается съ нимъ. Оно превышаетъ національстическія обособленія и, водворяясь среди нихъ, бываетъ примиряющею стихіей. Въ этомъ направленіи развивается новое воззрѣніе, которое тѣмъ замѣчательнѣе, что въ немъ конецъ далеко ушелъ отъ своего начала. Идейными творцами и лучшими выразителями этого міросозерцанія въ православной Россіи были такъ называемые «славянофилы». Горячіе, искренніе и просвѣщенные поборники всецѣлой русской самобытности,—они въ настоящемъ случаѣ отправлялись отъ доктринъ Гегеліанской философіи о господствѣ антиномическаго раздвоенія, объединяемаго въ третьемъ принципѣ. И если этотъ законъ дѣйствуетъ во всемірной исторіи вообще, то его вліяніе обязательно и въ сферѣ религіозно-христіанской. Съ этой точки зрѣнія освѣщается далѣе и все положеніе христіанства. Нѣчто основное, покоряя народы, постепенно дифференцируется національстически, пока на Западѣ не слагается окончательно въ двѣ грандіозныя христіанскія группы—католичества и протестантства. Тутъ два взаимно отрицающіе и противодѣйствующіе полюса, въ которыхъ цѣлостное христіанство преломляется въ національстическихъ формахъ и раздвояется соотвѣтственно типическому развитію ихъ. Этотъ раздоръ противоборства вызывается не самымъ единымъ предметомъ, а узко-національстическимъ его воспріятіемъ и потому не можетъ оставаться непримиреннымъ, такъ какъ иначе пришлось бы признать двойственность въ самомъ основоположительномъ факторѣ, чего абсолютно не допускается

уже по всесовершенной божественности христіанства. Для антиноміи католичества и протестантства—объединяющимъ и поглощающимъ ихъ объявляется именно православіе. Въ этомъ своемъ достоинствѣ оно должно бы мыслиться безнаціональнымъ или сверхнароднымъ. Такъ это и есть по идеѣ. Однако тогда православіе будетъ чистою отвлеченностію, между тѣмъ въ исторіи созидаютъ и движутъ лишь конкретныя силы. Посему и православіе можетъ быть историческимъ факторомъ только въ опредѣленномъ конкретномъ воплощеніи, но таковое всегда, вездѣ и непремѣнно бываетъ національнымъ, осуществляясь въ извѣстномъ народѣ, который служитъ носителемъ его духа и распространителемъ его дѣйствія. Нація оказывается вмѣстительницею православія по всему содержанію. Въ «Окружномъ посланіи единой, святой, соборной (каѳолической) и апостольской Церкви ко всѣмъ православнымъ христіанамъ», изданномъ при Константинопольскомъ патріархѣ Анѳимѣ VI-мъ въ маѣ 1848 г. (въ отвѣтъ на энциклику папы Пія IX отъ 6 января 1848 г. съ обращеніемъ къ восточнымъ христіанамъ) и принятомъ въ Россіи, прямо говорится (въ §-фѣ 17) отъ имени православія, что «хранитель благочестія (ὑπερασπιστὴς τῆς θρησκείας) у насъ есть тѣло Церкви, т. е. самый народъ». Но послѣдній для выполненія подобной миссіи долженъ быть не механическимъ конгломератомъ, готовымъ распасться, а цѣлостнымъ комплексомъ съ заправляющимъ центромъ и объединяющимъ главою. Православіе входитъ здѣсь въ союзъ съ національнымъ царствомъ и утверждается на немъ. Отсюда старинная русская формула, что первый Римъ измѣнилъ, второй или новый (Константинополь) палъ, но имъ наслѣдовалъ третій—Москва, четвертому же не бывать. Царство немыслимо безъ царя, который ограждаетъ и символизуетъ его по всѣмъ сторонамъ, включая, конечно, и православіе. Такъ было въ Византіи, гдѣ императоры фактически являлись насадителями и стражами правовѣрія, а принципіально усвояли божественное происхожденіе и церковно-іерархическое достоинство самой своей власти. То же истинно и для Россіи. Здѣсь — по «Духовному Регламенту», нормирующему церковное устройство отъ Петра В. съ 20-хъ годовъ XVIII столѣтія, и по Основнымъ законамъ (статья 42)— «Императоръ, яко Христіанскій Государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры, и блюститель правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочи-

нія». При Павлѣ I (1796—1801 г.г.) даже обнаруживались нѣкоторыя притязанія на церковное главенство для Императора. Единеніе тутъ самое тѣсное, ибо выковано историческою жизнію и спаялось въ ней до монолитности:—Церковь православная исторически создала православнаго царя въ Россіи и обезпечила ему единовластительство, а царь патронировалъ и оберегалъ ее, доставляя внутреннее господство и внѣшнее величіе. Православіе сливалось съ народомъ въ самодержавномъ Помазанникѣ. Такъ въ результатѣ всего процесса на почвѣ славянофильскихъ идеалистическихъ концепцій выросталъ и на практикѣ сложился болѣе конкретный тезисъ, исповѣдуемый многими доселѣ. Это—знаменитая тріада: «Православіе, Самодержавіе и Народность».

Въ этой формулѣ доминирующимъ являются религіозный моментъ, который проникаетъ оба другіе, ибо религіозно санкціонируетъ и дѣлаетъ неприкосновенною свѣтскую власть, сообщая націи вселенское предназначеніе въ ея православно-христіанской миссіи по всей землѣ. Тѣмъ не менѣе православіе по самому своему вліянію фактически посредствуется національностію и вспомоществуется свѣтскимъ властительствомъ. Конечно, это фактически примѣнимо къ православію въ его историческомъ положеніи, какъ вѣрно для католичества и протестантства, если первое носитъ ясный отпечатокъ латинства въ романской своей природѣ и физіономіи, а о второмъ свидѣтельствуется († Eduard von Hartmann), что оно въ «германствѣ» (Germanentum) даже превосходитъ само христіанство. Но столь интимныя сближенія всегда грозятъ отожествленіемъ. Неотразимый примѣръ сему у всѣхъ предъ глазами въ позднѣйшемъ іудействѣ, гдѣ національнизмъ до того возобладалъ въ самой религіи, что здѣсь сначала надо (кровно) пріобщиться къ народу іудейскому (чрезъ обрѣзаніе), чтобы потомъ соучаствовать въ его вѣрѣ и обѣтованіяхъ. Нѣчто подобное неотрицаемо и для вышеуказанной тріады, хотя никогда не выражалось исторически во всемъ масштабѣ и съ совершенною типическою отчетливостію. Въ ней народность не уравнивается безъ остатка съ православіемъ, но все-же служитъ опорой и вмѣстительницей послѣдняго, почему оно дѣйствуетъ и воспринимается подъ формами ея. Здѣсь очевидно національнистическое ограниченіе, которое тѣмъ рѣзче и тѣснѣе, что православіе попреимуществу связывается съ однимъ типомъ государственнаго устройства,—и въ данномъ направленіи еще недавно дѣ-

лались въ Россіи авторитетныя, научно-іерархическія попытки догматическаго оправданія на основаніи истины Пресвятой Троицы, хотя другіе базировались на этомъ въ пользу ограниченной монархіи и даже народовластія. Во всякомъ случаѣ разсматриваемыя доктрины или разрѣшались теоретическою отвлеченностію, или впадали въ узкую національзацію. Первое отличалось совершенною расплывчивостію и не представляло самаго нужнаго, ибо лишь говорило о православіи, но не показывало и не опредѣляло его въ качествѣ конкретной жизненной силы. Второе грѣшило обратнымъ, что выдвигало только извѣстное фактическое обнаруженіе и заслоняло или искажало натуральную сущность, втискивая ее въ національныя рамки. Ни тамъ, ни тутъ не достигалось главнѣйшаго, чтобы выяснить въ православіи его внутреннюю, эссенціальную природу, которая проявляется «многочастно и многообразно», никогда не измѣняясь въ своей глубинѣ и не исчерпываясь въ своей полнотѣ. Въ замѣнъ сего предлагалось собственно простое описаніе историческихъ картинъ пониманія или примѣненія православія, но совсѣмъ не оказывалось опредѣленія его, какъ таковаго.

Сюда относится и третья формула. Она наиболѣе поверхностна, однако требуетъ упоминанія по ея популярности и распространенности, хотя послѣднія пріобрѣтаются собственно примитивностію ея. Разумѣемъ ходячую сентенцію, что православіе есть золотая средина или царскій путь между католичествомъ и протестантствомъ. Нѣтъ нужды аргументировать, что этотъ тезисъ не годится даже съ чисто внѣшней стороны, ибо по сравненію съ примиряемыми крайностями необходимо долженъ быть позднѣйшимъ самъ посредствующій для нихъ моментъ, между тѣмъ онъ почитается и обязательно мыслится раннѣйшимъ и независимымъ, а здѣсь и возникаетъ единственно важный вопросъ: что же такое было православіе тогда—безъ соотношенія съ этими несуществовавшими противоположностями? Если въ данной формулѣ предлагается наглядно-сравнительная характеристика православія, то она ведетъ къ обезличенію его и, пожалуй, къ уничтоженію. Попробуемъ отнять у католичества все, что отрицаетъ въ немъ протестантство, произведя у этого всѣ католическія вычитанія,—и въ итогѣ у насъ почти ничего не останется на долю православія. Выйдетъ, что послѣднее потому и не раздѣляетъ этихъ конфессіональныхъ крайностей, что не имѣетъ собственнаго содер-

жанія, обращаясь въ безпредметную фикцію. Но идейно и фактически православіе претендуетъ на автономную независимость,—и потому въ немъ непремѣнно должна быть доктринальная самобытность, обезпечивающая ему отличительную самостоятельность.

II.

По предшествующему обзору очевидно, что православіе въ равной мѣрѣ превышаетъ и рамки всякаго историческаго національнзма и особенности всѣхъ конфессіональныхъ разновидностей. По этимъ свойствамъ кажется, что, находясь внѣ историческаго движенія реальной жизни и конкретной мысли, православіе будетъ какою-то крайнею отвлеченностію, близкою къ эфемерности. Но фактически оно всегда заявляетъ и выступаетъ живою стихіей въ христіанскомъ историческомъ процессѣ, гдѣ всегда дѣйствуетъ созидающимъ образомъ, не исчерпываясь конкретными формами національнаго воплощенія и конфессіональнаго опознанія. Это совсѣмъ не идеальная, а всецѣло реальная сила, которая функціонируетъ съ самаго возникновенія христіанскаго развитія, держитъ его собою и служитъ животворнымъ регуляторомъ послѣдовательнаго процесса. Никакая иная точка зрѣнія непримѣнима кромѣ той, что православіе чувствуетъ себя и представляется живымъ и жизненнымъ началомъ со строгою индивидуальностію. Теперь и надо найти характеристическія черты этой послѣдней. Но въ общемъ описаніи содержатся всѣ данныя для частныхъ опредѣленій.

Прежде всего, православіе безусловно независимо отъ всѣхъ исторически-національныхъ осуществленій, а—наоборотъ—эти питаются и живутъ имъ, нимало его не истощая и только предуготовляя основу для лучшихъ и болѣе широкихъ примѣненій. Православіе съ этой стороны есть неисчерпаемая христіанская энергія, идущая изъ первоначала съ непрерывностію и никогда не измѣнявшая себѣ и не ослабѣвавшая. Ясно, что по этимъ своимъ качествамъ оно сливается съ самимъ христіанствомъ, какъ благодатно-божественнымъ жизненнымъ факторомъ. Но въ міровой исторіи христіанское теченіе постепенно раздѣлялось на множество ручейковъ, иногда настолько отдалявшихся взаимно, что они совершенно забывали о своемъ общемъ источникѣ. Всѣмъ этимъ обособленіямъ православіе противоставляетъ себя въ достоинствѣ центральнаго

единства, цѣлостнаго въ своемъ существѣ и непреложнаго при всѣхъ историческихъ перипетіяхъ.

Этотъ контрастъ съ христіанскими исповѣданіями рѣшительно утверждаетъ, что въ нихъ имѣются лишь частныя отраженія христіанства, между тѣмъ православіе усвояетъ себѣ всю его полноту по бытію и по содержанію. Однако и въ первомъ случаѣ частичное воспріятіе почитается историческимъ воплощеніемъ цѣлаго и фактически реализуетъ его. Естественно, что тутъ цѣлое принижается до частнаго и оцѣнивается по этой узкой мѣркѣ, совсѣмъ ему не тожественной. Цѣлое не захватывается во всю широту, но постигается въ частичной ограниченности и по тому самому рисуется несоотвѣтственно своему натуральному величію, или неправильно въ объективномъ отношеніи. Предметъ открывается только въ части своей и, поглощаясь въ ней, обнаруживается односторонне и невѣрно. Это есть пониманіе «не—правое» по его частичности, которая необходимо бываетъ ограниченіемъ и даже искаженіемъ цѣлаго, когда старается замѣнять его, являясь въ извѣстный историческій моментъ единственнымъ фактическимъ представителемъ всей христіанской цѣлокупности. Наоборотъ, православіе хочетъ быть полнымъ откровеніемъ христіанства, чтобы послѣднее выражалось въ немъ адекватно и—значитъ—правильно. Въ этомъ смыслѣ православіе есть «правое» исповѣданіе—ὀρθο—δοξία—потому, что воспроизводитъ въ себѣ весь разумѣемый объектъ, само видитъ и другимъ показываетъ его въ «правильномъ мнѣніи» по всему предметному богатству и со всѣми особенностями. Православіе удовлетворяетъ своей «правой» нормѣ именно тѣмъ, что совпадаетъ по всему объему со своимъ предметомъ, какъ онъ данъ фактически и существуетъ независимо. Но таковымъ является подлинное и первоначальное христіанство Господа Спасителя и Его Апостоловъ,—и православіе по преемству сохраняетъ и вмѣщаетъ его, примѣняя и раскрывая среди разныхъ историческихъ условій.

Такъ получаемъ, что по своему внутреннему упованію православіе мыслитъ себя христіанствомъ въ его изначальной полнотѣ и неповрежденной цѣлостности. Оно принципіально разграничивается отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій не какъ истина отъ заблужденій, а собственно въ качествѣ цѣлаго по сравненію съ частями. Послѣднія уже выдѣляются изъ него и для оправданія и обезпеченія своей автономіи вынуждаются настаивать на прямомъ обособленіи съ рѣзкимъ оттѣненіемъ

своихъ отличительныхъ свойствъ и такой несродности, которая исключаетъ смѣшеніе и передачу. По самой своей цѣлостности православіе не чувствуетъ къ сему внутренней надобности, ибо носитъ въ себѣ всѣ части и не имѣетъ ни нужды, ни желанія дифференцироваться отъ нихъ. Въ томъ и спеціальная его природа, что православіе все въ себѣ содержитъ и внѣдряется до тѣснаго гармоническаго единства всѣхъ органовъ церковнаго тѣла. Тогда для него бываетъ нормальною лишь функція внутренняго сплоченія всѣхъ частей съ господствомъ претворяющей центростремительности и съ подавленіемъ всякихъ уклоненій и отпаденій. Тутъ нѣтъ объективной расчлененности, а потому не находится ея и субъективно, или въ самомъ вѣроисповѣдномъ самоопредѣленіи. Съ этой точки зрѣнія въ православіи натуральны собственно вѣроизложенія общаго характера съ откровеніемъ своего подлиннаго апостольскаго содержанія, но ничуть не съ раздробленіемъ въ немъ разныхъ элементовъ. Вѣдь цѣлому никогда и нигдѣ не могутъ противостоять и противоставляться извѣстныя части,—и подобная адверсативность мыслима только среди нихъ самихъ, или со стороны ихъ по отношенію къ цѣлому. Онѣ расходятся между собою именно по своей частичности и для оправданія самаго выдѣленія изъ цѣлаго типически обособляются отъ него. Въ контрастъ сему цѣлое не имѣетъ ни малѣйшей причины и внутренней потребности нарочито различать себя отъ частей—по самой непосредственной очевидности этого факта для всѣхъ зрячихъ. Цѣлое искони было прежде частей и всегда остается больше ихъ, для чего не нужно никакихъ доказательствъ, которыхъ—естественно—и не дается по собственной иниціативѣ ради своего самоопредѣленія.

Въ данномъ свойствѣ заключается источникъ своеобразнаго явленія, недостаточно понятаго и оцѣненнаго въ западномъ инославіи. Послѣднее ищетъ точныхъ «символическихъ книгъ» у православія и даже старается помочь ему собраніемъ и изданіемъ таковыхъ. Но въ этомъ кроется большое недоразумѣніе, которое практически переходитъ уже въ заблужденіе. На самомъ дѣлѣ православіе не имѣетъ «символическихъ книгъ» въ техническомъ смыслѣ, и всякія рѣчи этого рода ведутся лишь крайне условно и приспособительно къ конфессіональнымъ западнымъ схемамъ вопреки природѣ и исторіи православія. Оно почитаетъ себя правымъ или подлиннымъ ученіемъ Христовымъ во всей первоначальности и

неповрежденности, а тогда—какая же можетъ быть у него особая отличительная доктрина кромѣ Евангельско-Христовой?! И сама Церковь православная доселѣ не употребляетъ спеціальныхъ «символическихъ книгъ», довольствуясь общими традиціонными документами вѣроопредительнаго характера. Это мы видимъ при архіерейскомъ посвященіи, гдѣ хиротонисуемый во свидѣтельство своего правовѣрія прочитываетъ только древнѣйшіе символы. Но еще рѣшительнѣе и рельефнѣе эта черта обнаруживается въ «чинѣ православія», понынѣ совершаемомъ на литургіи въ каѳедральныхъ соборахъ въ «недѣлю православія» (ἡ κυριακὴ или ἡ ἑορτὴ τῆς Ὀρθοδοξίας), т. е. въ первое воскресенье великаго поста, въ память «торжества православія» (19 февраля 842 г.) при императрицѣ Византійской Ѳеодорѣ (842—845 гг.). При этомъ священнослуженіи лишь отвергаются и осуждаются ложныя еретическія мнѣнія—съ молитвою объ обращеніи и спасеніи заблуждающихся грѣшниковъ, а исповѣданіемъ вѣры православной бываетъ древнецерковное вѣропложеніе. «Послѣдованіе спасительному откровенію» Божію выражается здѣсь общепринятымъ «Никео-Цареградскимъ» символомъ, и именно по отношенію къ нему громогласно возглашается: «сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди». Далѣе прибавляется: «Еще же соборы святыхъ Отецъ, и ихъ преданія и писанія Божественному откровенію согласная пріемлемъ и утверждаемъ... Якоже убо плѣняющихъ разумъ свой въ послушаніе Божественному откровенію и подвизающихся за оное ублажаемъ и восхваляемъ: тако противящихся сей истинѣ, аще ожидавшему ихъ обращенія и раскаянія Господу не раскаяшася, Священному Писанію послѣдующе, и первенствующія Церкве преданій держащеся, отлучаемъ и анаѳематствуемъ».

Православіе аппеллируетъ къ старымъ исконно-христіанскимъ нормамъ и не указываетъ для себя особыхъ «символическихъ книгъ», потому что не имѣетъ ничего символически новаго въ догматическомъ отношеніи по сравненію съ эпохою до заключенія семи вселенскихъ соборовъ. Этимъ показывается, что православіе сохраняетъ и продолжаетъ изначальное апостольское христіанство по непосредственному и непрерывному преемству. Въ историческомъ теченіи христіанства по вселенной это есть центральный потокъ, идущій отъ самого «источника воды живой» и не уклоняющійся на всемъ своемъ

протяженіи до скончанія міра. Здѣсь корень и объясненіе всѣхъ другихъ принципіальныхъ свойствъ православія. Если въ немъ исповѣдуется достоинство подлиннаго христіанства по соотвѣтствію своему оригиналу, то данное качество производится и обезпечивается тѣмъ, что всегда удерживается тѣснѣйшая неразрывность отъ послѣдняго—съ освобожденіемъ ему собственнаго дѣйствія, которое и образуетъ православіе въ его историческомъ бытіи. Исконное христіанство въ православіи почерпается, доставляется и гарантируется путемъ преемственнаго воспріятія, когда новое пріобрѣтаетъ авторитетъ христіанской изначальности, а она въ самой своей старинѣ обнаруживаетъ непрестанную обновляющую живительность. Матеріальное совершенство сочетавается съ формальнымъ принципомъ традиціонной преемственности, которая способствуетъ тому, что историческое движеніе православія на всѣхъ стадіяхъ соприкасается со своимъ основоположительнымъ началомъ.

Итакъ,—по его внутреннему сознанію и убѣжденію,—православіе является подлиннымъ апостольскимъ христіанствомъ по прямому наслѣдованію, хотя бы въ опредѣленныхъ историческихъ формахъ, какихъ—въ духѣ своей эпохи и условій—не чужды были и первохристіанскія времена. Но по этой сторонѣ, — обезличиваясь совпаденіемъ съ первохристіанствомъ,—православіе, повидимому, не разнится отъ другихъ вѣроисповѣданій и нѣкоторыхъ новѣйшихъ научно-богословскихъ теченій, иногда даже явно раціоналистическихъ. Вѣдь католичество самымъ своимъ именемъ (отъ καθολικός) говоритъ о своемъ божественномъ универсализмѣ, свойственномъ Евангелію Христову. А протестантство мотивировалось при возникновеніи и гордится доселѣ собственно тѣмъ, что, усматривая въ католицизмѣ несомнѣнныя искаженія первоапостольскаго христіанства, хотѣло возвратиться именно къ послѣднему и устранить всѣ позднѣйшія наслоенія и побочныя уклоненія. По своей идеѣ протестантизмъ долженъ бы быть и представляться возстановленіемъ изначальнаго, подлиннаго христіанства противъ католическихъ извращеній его. Къ тому же собственно направлялось и англиканство путемъ протестантскаго своего обновленія въ католичествѣ, принципіально связавъ свою судьбу съ протестантизмомъ. И если не всѣми англиканами признается успѣшность этой попытки, то и у этихъ скептиковъ не теряется одинаковая движущая цѣль, ко-

торая пронизаетъ ихъ критику и вдохновляетъ стремленія. Нѣтъ надобности распространяться объ этомъ, ибо всѣмъ извѣстно, сколь часто, громко и энергично раздавались въ англиканствѣ рѣшительные призывы: «назадъ ко Христу» (Back to Jesus!), хотя бы и чрезъ трупъ Апостола Павла (From Paul!). Протестантская наука давно и усердно культивируетъ эту идею, стараясь раціонально отыскать подлинное христіанство и возвратить къ нему религіозное вниманіе, которое, будто бы, вездѣ омрачено туманомъ церковно-историческихъ модификацій и приращеній.

Всюду проповѣдуются возобновленіе и воспріятіе истиннаго первохристіанства въ его подлинной цѣлостности. Это повидимому вполнѣ сходно съ самоопредѣленіемъ православія, но скрываетъ глубочайшее различіе. Ничуть не для критики, здѣсь неумѣстной и намъ совсѣмъ не любезной, а просто для выясненія дѣла позволимъ себѣ напомнить, что протестантство родилось при активномъ пособіи научнаго знанія и могущественно способствовало его грандіозному прогрессу. Научное западное богословіе является порожденіемъ протестантизма и потому можетъ служить для него самою наглядною характеристикой. И вотъ въ этомъ отношеніи существенно важно, что протестантская раціональная наука ни во всей современной церковности, ни въ предшествующемъ церковно-историческомъ развитіи не находитъ болѣе или менѣе точныхъ воплощеній первоначальнаго христіанства. Оно, яко бы, сразу гдѣ-то затерялось и никогда не имѣло адекватнаго выраженія. Въ историческомъ процессѣ имѣются лишь фрагментарные осколки съ неполными и нечистыми преломленіями подлинныхъ христіанскихъ лучей. Предъ нами оказываются только разрозненные христіанскіе матеріалы, по которымъ и надо возсоздать изначальное цѣлое. Понятно, что для сего требуется работа научно-раціональнаго творчества, чтобы по туманнымъ очертаніямъ черезъ тьму вѣковъ разглядѣть подлинный ликъ Христовъ и зарисовать его съ реалистическою жизненностію. Для нашихъ цѣлей мы получаемъ отсюда, что здѣсь созидающимъ факторомъ бываетъ научный разумъ, дѣйствующій раціональнымъ методомъ. И какъ далеко можно уйти по этому пути,—мы хорошо знаемъ по печальнымъ урокамъ новѣйшей протестантской критики. Въ своихъ крайнихъ фракціяхъ она не принимаетъ ни одного автентичнаго изображенія Господа Искупителя и все усвояетъ таинственному безличному процессу

постепеннаго формированія христіанскихъ преданій, отлагавшихся въ новозавѣтныхъ книгахъ. Частныя индивидуальности не играли тутъ конститутивной роли и для дѣла вовсе ненужны, а наука, какъ и жизнь, не терпитъ ничего излишняго. Но—вѣрное для продолженія процесса—должно быть не менѣе справедливымъ и по отношенію къ началу, что для него столь же мало надобенъ индивидуальный факторъ, который нынѣ прямо устраняется новѣйшимъ «религіозно-историческимъ» знаніемъ отъ всякаго участія въ послѣдовательномъ развитіи, гдѣ дѣйствуютъ лишь общіе законы поступательнаго движенія съ дифференціаціями, переплетеніями, новообразованіями и т. п. Въ концѣ концовъ, при возникновеніи христіанства оказывается совершенная пустота, гдѣ нѣтъ ни Христа, ни Павла, ни Апостоловъ.

Этотъ выводъ, конечно, совсѣмъ не общепринятый въ протестантской наукѣ, но онъ вовсе и не является для нея чудовищнымъ, ибо представляетъ только крайнее примѣненіе основныхъ ея началъ. Тогда для насъ неотразимо, что въ нихъ принципомъ христіанской реставраціи полагается если не прямой раціонализмъ, то непремѣнно чистая раціональность. А при такихъ условіяхъ для всѣхъ ясно безъ всякихъ аргументовъ, что здѣсь мы имѣемъ самый рѣзкій контрастъ православію. Оно рѣшительно и исключительно базируется на традиціонной преемственности непосредственнаго воспріятія и всецѣлаго сохраненія [1]). По православному самосознанію, подлинное христіанство догматически принудительно само по себѣ, исторически же представляетъ нѣчто фактически данное и реально дѣйствующее именно въ православіи. Но искомымъ не можетъ быть наличное существующее. Его нѣчего открывать,

---

[1]) Здѣсь умѣстно вспомнить слова извѣстнаго философа – профессора В. Н. Карпова († 1867, XII. 2), который по случаю пятидесятилѣтія С.-Петербургской Духовной Академіи свидѣтельствовалъ, что „она не сдѣлала ни шагу отъ сокровищницы богооткровеннаго ученія, что этотъ свѣтильникъ православной истины въ продолженіе пятидесятилѣтняго своего свѣтенія не сдвинутъ съ мѣста никакою силою враждебныхъ идей сумудрія или иновѣрія, но твердо стоитъ на незыблемомъ камени исповѣданія своего. И въ настоящій день [—вторникъ 17 февраля 1859 г.—] Академія воздвизаетъ хоругвь торжества не во имя прогресса, а напротивъ—во имя неотступнаго своего пребыванія въ нѣдрѣ православной Церкви, на стражѣ апостольскихъ и отеческихъ вѣроопредѣленій". См. въ сборникѣ: Пятидесятилѣтіе С.-Петербургской Духовной Академіи (Спб. 1859), стр. 36.

а надо только сохранять въ священномъ благоговѣніи, обязательномъ для того, что явлено свыше отъ Бога черезъ Сына въ Духѣ Святомъ. Моментъ раціональности христіанства для православія бываетъ вторичнымъ, какъ разумное постиженіе и научное оправданіе факта, который можетъ быть непосиленъ для человѣческой ограниченности и по своей божественной сущности всегда останется для нея ирраціональнымъ (1 Кор. I, 18 слѣд. 27 сл. II, 11 сл., и мн. др.). Православіе исповѣдуетъ съ Апостоломъ Павломъ (2 Кор. IV, 13): *имуще тойже духъ вѣры, по писанному* [Псал. CXV, 1]: «*вѣровахъ, тѣмъ же возглаголахъ*» (ἐπίστευσα, διὸ ἐλάλησα): *и мы вѣруемъ, тѣмъ же и глаголемъ* (καὶ ἡμεῖς πιστεύομεν, διὸ καὶ λαλοῦμεν). Православіе есть лишь провозглашеніе исконнаго христіанства—воспріятіемъ его, а не обоснованіемъ,—вѣрою, а не разумомъ. Послѣдній познаетъ именно вѣрой (Евр. XI, 3: πίστει νοοῦμεν) и въ самомъ раціональномъ постиженіи христіанства всецѣло подчиняется его фактическому верховенству, только стараясь осмыслить для себя своими недостаточными средствами.

Христіанство рисуется живою дѣйствительностію, независимою по бытію и свойствамъ отъ человѣческаго пониманія. Конечно, здѣсь тоже требуется доктринальная точность, но она создается дѣйствіемъ самого предмета и потому традиціонно передается вмѣстѣ съ нимъ самимъ. Отсюда очевидно, что для православія христіанство является не ученіемъ, а жизнію таинственнаго общенія съ Богомъ во Христѣ и благодатнаго обновленія отъ Духа Святаго въ цѣлокупномъ братствѣ вѣрующихъ, когда всѣ они единеніемъ вѣры съ Сыномъ Божіимъ усыновляются въ Немъ Отцу Небесному и затѣмъ естественно бываютъ по благодати братьями между собою. Вотъ почему въ православіи доминируютъ благодатныя таинства, обнимая все человѣческое существованіе по всѣмъ сторонамъ. Они тутъ не внѣшній символъ, не ритуальный аксессуаръ, устрояемый, расширяемый и сокращаемый по усмотрѣнію, а необходимая стихія самой живительности христіанства, обезпечиваемая іерархическимъ священствомъ по прямому преемству отъ Господа Спасителя.

Но безспорно, что къ жизни нельзя реально примкнуть теоретическимъ зачисленіемъ чрезъ простое раціональное ея признаніе. Обязательно присоединиться фактическимъ погруженіемъ въ нее, какъ общеніе отдѣлившагося ручейка возстановляется лишь сліяніемъ съ центральнымъ потокомъ. Право-

славіе гарантируетъ себѣ подлинную изначальную христіанственность преемственнымъ воспріятіемъ, обезпечивающимъ непрерывное теченіе, и ни для кого не допускаетъ возможности иныхъ путей и связей. Раціональная реституція подлиннаго христіанства принципіально непріемлема для православія, которое въ самомъ корнѣ не согласно съ подобными предпосылками. Въ нихъ христіанство представляется попреимуществу доктриной. если и божественной, то все-таки больше раціональной въ качествѣ особой религіозной концепціи, хотя бы даже «богооткровенной». Въ этомъ у него совершенная аналогія со всѣми другими религіозно-философскими школами и ученіями. А по отношенію къ нимъ всячески допустимо, что можно приходить къ сходнымъ выводамъ и созерцаніямъ вполнѣ независимо, почему мыслимы, напр., пиоагорейцы по убѣжденіямъ, вовсе не знавшіе Пиоагора и его системы по изученію ихъ. Еще проще усвоить по книгамъ извѣстныя религіозно-философскія воззрѣнія и стать исповѣдникомъ ихъ, не будучи въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ съ самими творцами. По существу такъ смотрятъ на христіанство и раціональный протестантизмъ и научный раціонализмъ, для которыхъ не было бы страннымъ принять за христіанина, напр., покойнаго Лихунчана, яко бы читавшаго Новый Завѣтъ, еслибы этотъ «китайскій Бисмаркъ» принялъ послѣдній, но ограничился теоретическимъ согласіемъ съ нимъ, не вступая въ фактическое единеніе ни съ одною христіанскою церковію.

Православіе безусловно отвергаетъ этотъ методъ и въ самой основѣ и въ смягченныхъ модификаціяхъ. Въ первомъ отношеніи предполагается, что какой-нибудь язычникъ, изучивъ новозавѣтныя книги, усвоилъ христіанскія истины и тѣмъ самымъ сдѣлался бы настоящимъ христіаниномъ;—это и неизбѣжно и нормально по раціоналистической логикѣ. Типомъ второго рода былъ бы такой случай, что та или иная еретическая община отвергнетъ свои заблужденія и даннымъ актомъ ео ipso возстановитъ свое истинно-христіанское достоинство. Подобное явленіе опять же вѣроятно по раціоналистическимъ взглядамъ и фактически достаточно иллюстрируется старокатоличествомъ. Послѣднее, доказывая и свидѣтельствуя свою вѣрность догматамъ и канонамъ древней нераздѣльной Церкви семи вселенскихъ соборовъ, желаетъ и домогается отъ православія прямого церковнаго признанія его помимо и внѣ присоединенія къ какой-нибудь изъ существующихъ православ-

ныхъ церквей. Предлагается и требуется не собственно воссоединеніе, какое было, напр., въ 1898 г. въ Россіи съ сирохалдейскими несторіанами (айсорами), присоединившимися въ С.-Петербургѣ (25 марта) въ лицѣ своего главы покойнаго епископа Супурганскаго Мар-Іоны, а лишь взаимообщеніе, столь несоотвѣтственно практикуемое на Западѣ (во всякихъ Intercommunion'ахъ). Доселѣ эти старокатолическія притязанія не имѣли успѣха и вполнѣ справедливо встрѣчали рѣшительный отказъ. И со стороны православія здѣсь не было и нѣтъ ни надменности, ни каприза, ибо это вызывается самымъ существомъ дѣла,—и старокатолики, добиваясь совсѣмъ иного отношенія, обнаруживаютъ наглядно, что они пока не проникли жизненно въ глубину православія и не срослись съ нимъ по духу въ своемъ христіанскомъ настроеніи, которое продолжаетъ оставаться у нихъ раціонально-западнымъ. Немыслимо получить воду изъ недосягаемаго источника, не обратившись къ текущей изъ него рѣкѣ, и безъ ея посредства нельзя войти въ единеніе съ нимъ. Православіе есть благодатно-христіанская жизнь,—и преимуществами послѣдней можно фактически воспользоваться совсѣмъ не теоретическимъ познаніемъ или отвлеченнымъ зачисленіемъ, а исключительно живымъ реальнымъ союзомъ, когда къ ней сначала примыкаютъ и потомъ уже почерпаютъ отсюда всѣ блага.

Необходимое бываетъ для всѣхъ равно обязательнымъ и ни для кого не служитъ къ господству или уничиженію. Въ этомъ отношеніи православіе предъявляетъ лишь свойственное его природѣ, которою и опредѣляются его отношенія ко всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ. По прямой апостольской преемственности оно представляется традиціонно-воспринятымъ и неповрежденно-хранимымъ христіанствомъ въ его изначальной жизненной цѣлостности. Конфессіональныя группы выдѣляютъ въ ней частныя стороны и развиваютъ систематически, но почерпаютъ свою силу именно въ производящемъ цѣломъ и взаимно сближаются между собою чрезъ него. Православіе ничуть не отрицаетъ у нихъ этой родственной связи съ собою и потому вовсе не покушается на ихъ христіанское достоинство. Его отличіе заключается не въ своеобразной обособленности, требующей приспособленія къ себѣ, а во всеобъемлющемъ существѣ, по которому оно, будучи христіански божественнымъ и универсальнымъ, бываетъ каѳолическимъ (καθολικός) или вселенскимъ (οἰκουμενικός). По такимъ своимъ

качествамъ православіе не вытѣсняетъ другія исповѣданія, захватывая у нихъ принадлежащія мѣста, но лишь растворяетъ ихъ въ себѣ постольку, поскольку наравнѣ съ ними само поглощается въ божественномъ океанѣ возрождающей, спасающей и животворящей благодати Христовой. Посему православіе, богатое подвигами апостольскаго миссіонерства, чуждо прозелитической пропаганды и никогда не было энергично-активнымъ на этомъ скользкомъ поприщѣ. Оно возвышалось надъ другими исповѣданіями не по надменію для подчиненія всѣхъ подъ ноги свои, а именно по присущему его природѣ сознанію отношенія основного цѣлаго къ производнымъ частямъ. Православіе призываетъ къ единству съ собою лишь ради своего единства со Христомъ въ преемственно сохраняемой, неповрежденно содержимой и благодатно дѣйствующей истинѣ божественной. И на его знамени сіяютъ одни эти святыя слова:

«Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая,
сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди»!

Профессоръ **Николай Глубоковскій.**

С.-Петербургъ.
1913, III, 3 (16)—1-е воскресенье Великаго поста, „Недѣля Православія“.

Императоръ Константинъ Великій и миланскій эдиктъ 313 года [1]).

Какъ въ исторіи самой христіанской церкви, такъ и въ исторіи государственной жизни культурнаго человѣчества, едва ли можно указать еще другой моментъ, который могъ бы быть сопоставленъ, по очевидной для всѣхъ важности значенія и широтѣ слѣдствій, съ воспоминаемымъ нынѣ событіемъ, видимымъ торжествомъ религіи креста при Константинѣ В. въ враждебномъ ей дотолѣ грекоримскомъ мірѣ, когда не только провозглашена была полная свобода для подвергавшейся ранѣе жестокимъ гоненіямъ со стороны государства христіанской церкви, но церковь была уже прямо принята государствомъ подъ его мощное покровительство.

Въ античномъ мірѣ государство съ его организаціею являлось высшею на землѣ для человѣка силою, участіе въ государственной жизни считалось высшимъ благомъ. Гарантируя для подданныхъ возможность мирнаго житія и пользованія благами культуры, оно требовало и безпрекословнаго за то подчиненія себѣ во всемъ. Все въ концѣ концовъ должно было служить его цѣлямъ. Всецѣло находилась въ его вѣдѣніи и считалась лишь функціею государственной жизни и религія; въ концѣ концовъ государство съ его абсолютизмомъ сдѣлало и само себя, на ряду съ унаслѣдованными отъ ста-

[1]) Рѣчь въ торжественномъ засѣданіи Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи 14 сентября 1913 года по случаю 1600-лѣтняго юбилея торжества христіанства при Константинѣ В. Прочитана съ весьма значительными сокращеніями; при напечатаніи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы дополненія.

рины божествами, предметомъ религіознаго почитанія (культъ dea Roma, обоготвореніе императоровъ).

Когда съ пришествіемъ Христа открылось на землѣ царство не отъ міра сего, съ указаніемъ цѣли земной жизни за земными предѣлами, съ проповѣдью новаго ученія вмѣсто уже изжитыхъ религіозныхъ заблужденій и съ повелѣніемъ—Божіе воздавать Богу и лишь кесарево—Кесарю, на защиту языческой религіи и выступило государство. Борьба съ язычествомъ самимъ по себѣ, какъ религіознымъ заблужденіемъ, для христіанства не представила бы особой трудности. Но она приняла трагическій характеръ и потребовала кровавыхъ жертвъ отъ новой религіи на протяженіи первыхъ трехъ вѣковъ ея существованія потому, что въ дѣло вмѣшалось государство, объявило ея исповѣдниковъ не имѣющими права на существованіе въ своихъ предѣлахъ и приняло затѣмъ рѣшительныя мѣры къ ея уничтоженію.

Теперь, со времени Константина, отношенія правительственной власти къ христіанству совершенно измѣняются. Не только отмѣняются недавнія еще жестокія гоненія на христіанъ, но государство вступаетъ въ союзъ съ церковію, начинаетъ содѣйствовать ей въ осуществленіи ея задачъ всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами. Для церкви открывается самая широкая возможность развитія всѣхъ сторонъ ея жизни и дѣятельности, ея вліяніе можетъ теперь распространяться на всю область человѣческихъ отношеній, подлежавшихъ доселѣ лишь вѣдѣнію государства, христіанскіе принципы вносятся въ строй самой государственной жизни. Начинается новый періодъ въ жизни и церкви и государства, рѣзко отличающійся отъ предыдущаго; теперь создаются въ своей основѣ тѣ формы отношеній церкви и государства, которыя продолжаютъ существовать, именно на востокѣ, во все дальнѣйшее время.

Этотъ столь рѣшительный переворотъ соединяется съ именемъ императора Константина Великаго, является его дѣломъ. Утвержденіе ко времени появленія христіанства въ римскомъ государствѣ вмѣсто республики принципата, перешедшаго затѣмъ въ абсолютную монархію, сдѣлало носителемъ верховной власти единоличнаго правителя (который уже по своему желанію могъ избрать себѣ соправителей, какъ это сдѣлалъ Діоклетіанъ). Отъ воли единоличнаго правителя—или вмѣстѣ и отъ воли раздѣляющихъ съ нимъ власть соправителей—за-

висѣла въ послѣдней инстанціи и судьба христіанъ въ римскомъ государствѣ, и уже Евсевій не безъ основаній излагаетъ исторію христіанской церкви въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ по царствованіямъ языческихъ императоровъ. Уже первое гоненіе въ апостольскія времена въ Римѣ имѣло причиной злую волю одного изъ худшихъ кесарей на римскомъ тронѣ—Нерона. Императорскимъ рескриптомъ (Траяна) опредѣляется затѣмъ вообще безправное положеніе христіанъ въ имперіи, хотя государственная власть пока и не находитъ нужнымъ по своей иниціативѣ преслѣдовать христіанъ, считая ихъ хотя и вредною, но пока не опасною еще для государства сектою, и даже пытается частію оградить христіанъ отъ незакономѣрныхъ нападеній на нихъ толпы (Адріанъ). Предубѣжденіе противъ христіанъ одного изъ лучшихъ императоровъ, когда-либо занимавшихъ римскій престолъ, Марка Аврелія, дѣлаетъ особенно тяжелымъ и положеніе христіанъ въ государствѣ въ царствованіе именно этого императора. Отъ императоровъ исходятъ затѣмъ и систематическія гоненія на христіанъ, направленныя къ совершенному уничтоженію христіанства, гоненія въ собственномъ смыслѣ, поднимавшіяся начиная съ половины III в. (Декія, Валеріана, Діоклетіана), когда представители власти пришли къ убѣжденію въ серьезной опасности для государства отъ церкви, хотя въ массѣ языческаго общества прежнее враждебное отношеніе къ христіанамъ теперь стало уже смѣняться если не всегда дружелюбнымъ, то по крайней мѣрѣ нейтральнымъ отношеніемъ. Но императоры при личномъ благосклонномъ отношеніи къ христіанству могли болѣе или менѣе создавать для христіанъ и иное положеніе, и извѣстны примѣры такихъ императоровъ (Александръ Северъ, Филиппъ Аравитянинъ, Галліэнъ).

Трудно сказать, какія слѣдствія вызвала бы столь же рѣшительная реформа, какая была произведена Константиномъ, если бы она была предпринята въ значительно болѣе раннее время какимъ-либо изъ предшествовавшихъ императоровъ, не вызвала ли бы она тогда слишкомъ сильной реакціи со стороны язычества. Но несомнѣнно, что попытка такой реформы во вторую половину III в., когда стало измѣняться къ лучшему отношеніе языческаго общества къ христіанамъ, была уже возможна, но никѣмъ изъ правителей она не была сдѣлана. Авреліанъ, повидимому, носился даже съ широкимъ планомъ реставраціи язычества, и только смерть его (275) избавила христіанъ отъ

преслѣдованія. Діоклетіанъ свои политическія реформы сопроводилъ, уступая вліянію Галерія, безцѣльнымъ и вреднымъ даже и съ политической точки зрѣнія гоненіемъ на христіанъ.

Личную заслугу Константина составляетъ, такимъ образомъ, то, что именно онъ произвелъ смѣлый и неожиданный переворотъ. Вопросъ о побѣдѣ христіанства — по его внутренней силѣ—надъ язычествомъ былъ, разумѣется, лишь вопросомъ времени; христіанство, рано или поздно, такъ или иначе, утвердилось бы въ имперіи, если бы Константинъ въ свое время и не выступилъ его поборникомъ. Но Константинъ своимъ выступленіемъ и дѣятельностью ускорилъ, такъ сказать, ходъ исторіи въ нормальномъ направленіи и навсегда связалъ свое имя съ фактомъ рѣшительнаго торжества христіанской религіи въ языческомъ дотолѣ мірѣ. Исторія опредѣлила его значеніе, усвоивъ ему эпитетъ «великаго»; церковь восточная отнесла его къ лику святыхъ и именуетъ его «равноапостольнымъ».

Первый христіанскій императоръ нашелъ себѣ, какъ извѣстно, жизнеописателя въ лицѣ самого знаменитаго «отца церковной исторіи», Евсевія кесарійскаго, написавшаго по смерти Константина его біографію. Нельзя назвать время Константина и вообще бѣднымъ памятниками, которые могутъ служить источниками для исторіи этого времени. Тѣмъ не менѣе попытка воспроизвести наглядно и вмѣстѣ съ научною точностію исторію происшедшаго тогда великаго переворота встрѣчаетъ очень много неяснаго и спорнаго [1]).

[1]) Изъ весьма обширной старой (Baronius, Tillemont, Valois, Godefroy) и новой западной литературы о Константинѣ В. (ср. *J. Vogt*, Historia litteraria Constantini magni, plus centum et quinquaginta rerum Constantiniarum scriptores sistens. Hamburgi 1720. *Chevalier*, Bio-bibliographie, 1905². I. 1028—1035) можно указать въ особенности монографіи: *J. S. F. Manso*, Leben Constantins des Grossen. Bresslau 1817 (Wien 1819). *J. Burckhardt*, Die Zeit Constantin's des Grossen. (1853) Lpz. 1880² (1898³). *A. de Broglie*, Histoire du Christianisme — — au IV siècle. Paris 1855. *Th. Keim*, Der Uebertritt Constantins des Grossen zum Christenthum. Zürich 1862 (противъ Буркгардта,—съ весьма содержательными примѣчаніями въ концѣ). Статьи: *J. Wordsworth* въ Smith and Wace Dictionary of Christian Biography, I (1877), 623—649. *V. Schultze* въ Hauck's Real-Encycl. für protest. Theologie und Kirche, X (1901), 757—773 (съ указаніемъ литературы). Важное значеніе имѣютъ изслѣдованія *O. Seeck*'а, статьи и трудъ Geschichte des Untergangs der antiken Welt, и *E. Schwartz*'а, Zur Geschichte des Athanasius, IV, въ Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen.

Какъ обстоитъ въ данномъ случаѣ дѣло, можно видѣть, напр., изъ того, что хотя мы можемъ предположительно указать тѣ мѣсяцы года, когда состоялось въ Миланѣ законодательное постановленіе Константина и Ликинія о христіанской религіи, но точная дата столь важнаго акта, день, остается неизвѣстною. Не только, далѣе, спорнымъ является вопросъ о подлинномъ видѣ закона, но высказывается мнѣніе, что онъ вовсе и не былъ изданъ въ Миланѣ. Въ противоположность этому, другое мнѣніе предполагаетъ существованіе кромѣ «эдикта» 313 г. еще иного, болѣе ранняго, подобнаго же документа, изданнаго Константиномъ въ 312 г. можетъ быть

Philol.-hist. Klasse, 1904, H. 5, и очеркъ Kaiser Constantin und die christliche Kirche. Lpz. 1913. Не безъинтересенъ очеркъ *Tommaso De Bacci Venuti*, Dalla grande persecuzione alla vittoria del Cristianesimo. Milano 1913. Для константиновскаго времени вообще важенъ капитальный трудъ *J. Maurice*, Numismatique constantinienne. I—III. Paris 1908, 1911, 1912. Константина В., его религіозную политику и въ частности милапскій эдиктъ, имѣетъ своимъ предметомъ въ наибольшей части книга православнаго ученаго *V. Sesan*'а, Kirche und Staat im römisch-byzantinischen Reiche seit Konstantin dem Grossen und bis zum Falle Konstantinopels. I. B. Czernowitz 1911; новая литература о Константинѣ (между прочимъ и русская) привлечена авторомъ къ дѣлу въ очень широкихъ размѣрахъ.—Изъ юбилейной литературы 1913 года нужно указать сборникъ, изданный подъ редакціею *F. J. Dölger*'а, Konstantin der Grosse und seine Zeit. Gesammelte Studien. Festgabe zum Konstantins-Jubiläum 1913 und zum goldenen Jubiläum von Mgr. Dr. A. de Waal. In Verbindung mit Freunden des deutschen Campo Santo in Rom. XIX. Supplementheft der Römischen Quartalschrift. Freiburg i. Br. 1913. Затѣмъ, юбилейные №№ журналовъ Roma e l'Oriente. Rivista criptoferratense per l'unione delle chiese, 1913, № 31, и Scuola cattolica, 1913, maio-giugno. Рядъ статей посвященъ Константину въ Civiltà cattolica за 1912 и 1913 гг. Появилось, кромѣ того, не мало разныхъ статей и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, также отдѣльныхъ брошюръ, на разныхъ языкахъ.—Прежняя русская литература о Константинѣ (главнымъ образомъ журнальныя статьи) указана у *Ф. Терновскаго*, Русская и иностранная библіографія по исторіи византійской церкви IV—IX вв. Кіевъ 1885. На русскомъ языкѣ свѣдѣнія о Константинѣ можно находить, между прочимъ, въ трудахъ *А. П. Лебедева* (ср. Христ. Чт. 1912, № 7—8, 843—4), въ Лекціяхъ по исторіи древней церкви *В. В. Болотова*, II, III, Спб. 1910, 1913 См. также рѣчь *А. А. Спасскаго*, Обращеніе императора Константина В. въ христіанство, въ Богосл. Вѣстникѣ 1904, декабрь, и 1905, январь (и отдѣльно). Юбилею событія 313 года посвящена книжка Правосл. Собесѣдника, 1913, сентябрь, гдѣ, между прочимъ, *В. А. Керенскій* даетъ обширный указатель иностранной и русской литературы о Константинѣ (359—386).

тоже въ Миланѣ,—другого миланскаго эдикта. Возбуждаютъ разныя недоумѣнія и сообщенія источниковъ о предшествовавшемъ обращенію Константина въ христіанство чудесномъ знаменіи, при несомнѣнности въ общемъ самаго факта. Если, такимъ образомъ, уже внѣшне-фактическая сторона дѣла имѣетъ много неяснаго, тѣмъ болѣе обнаруживается разногласій въ вопросахъ объ общихъ мотивахъ дѣйствій Константина въ данномъ случаѣ, о смыслѣ самаго изданнаго закона и о значеніи и слѣдствіяхъ созданнаго Константиномъ порядка вещей.

Я предложу здѣсь краткій очеркъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ произошелъ переворотъ, нашедшій выраженіе въ законодательномъ актѣ 313 года, приведу текстъ памятника, съ которымъ обычно соединяется прямо наименованіе «миланскаго эдикта», и коснусь кратко возбуждаемыхъ имъ вышеуказанныхъ вопросовъ.

I.

Явнымъ и рѣшительнымъ послѣдователемъ Христа и поборникомъ христіанской религіи Константинъ выступаетъ послѣ бывшаго ему видѣнія и побѣды затѣмъ надъ Максентіемъ въ 312 г. Для точнаго рѣшенія вопроса о мотивахъ и характерѣ совершившагося тогда обращенія его въ христіанство необходимо бы знать о предшествовавшихъ этому моменту его религіозныхъ воззрѣніяхъ и въ частности объ отношеніи его къ христіанству. Данныя для этого имѣются однако лишь скудныя и неопредѣленныя, и отсюда объясняется возможность неодинаковыхъ въ этомъ случаѣ мнѣній.

Изъ сообщенія Евсевія, что Константинъ послѣ видѣнія креста и явленія во снѣ Господа спрашивалъ христіанскихъ клириковъ, какой это Богъ явился ему и что̀ означаетъ видѣнное знаменіе- крестъ [1]), можно, повидимому, дѣлать выводъ, что Константинъ не имѣлъ тогда еще и самыхъ элементарныхъ представленій о христіанствѣ. По Руфину, наоборотъ, онъ уже до войны съ Максентіемъ былъ покровителемъ христіанской религіи и почитателемъ истиннаго Бога, только не былъ крещенъ,—т. е. онъ былъ еще до 312 г. такимъ же христіаниномъ—оглашеннымъ, какимъ былъ и потомъ до послѣднихъ дней жизни, когда онъ принялъ крещеніе [2]). Заявле-

[1]) V. C. 1, 32. [2]) H. e. IX, 9, 1.

ніе Руфина само по себѣ, безъ подтвержденія другими данными, конечно, не имѣетъ какого-либо важнаго значенія и представляетъ несомнѣнное преувеличеніе. Но едва ли можно признать вѣрнымъ и указанный выводъ изъ сообщенія Евсевія.

Нужно думать, что примѣръ и вліяніе отца, Константія Хлора, хотя не бывшаго христіаниномъ, но весьма расположеннаго къ христіанству, опредѣлили съ раннихъ уже лѣтъ такое же отношеніе къ христіанству и Константина. О годахъ дѣтства его нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній, и вопросъ о самомъ времени рожденія его возбуждаетъ недоумѣнія (по Евсевію, онъ родился въ 274 г., но Зееккъ хочетъ доказывать, что его рожденіе было около 288 г.). О матери его Еленѣ, столь впослѣдствіи содѣйствовавшей ему въ утвержденіи христіанства, Евсевій сообщаетъ, что она была обращена въ христіанство Константиномъ [1]). Сдѣланный въ 293 г. кесаремъ при западномъ августѣ Максиміанѣ, Константій долженъ былъ оставить Елену и вступить въ бракъ съ падчерицей послѣдняго, Ѳеодорой. Эта вторая супруга Константія, какъ нужно заключать изъ самаго ея имени, была христіанкой; на христіанство указываетъ и имя одной изъ дочерей отъ этого брака—Анастасія. Евсевій сообщаетъ, что при дворѣ Константія образовалась какъ бы «церковь Божія», при чемъ были тамъ и «служители Божіи», и онъ готовъ и самого Константія представить христіаниномъ [2]). Но нужно полагать, что на дѣлѣ религіозныя убѣжденія Константія сводились лишь—къ возвышенному, правда,—монотеизму, но не были еще христіанскими. Таковы же были, вѣроятно, въ то время и взгляды Константина. Когда открылось въ 303—4 г. гоненіе на христіанъ, Константій, чтобы не расходиться съ другими прави-

---

[1]) V. C. III, 47, *Heikel* p. 97: ὲν [Κωνσταντῖνον] — — μακαρίζειν ἄξιον, οὕτω μὲν αὐτὴν θεοσεβῆ κατασταθέντα οὐκ οὖσαν πρότερον, ὡς αὐτῷ δοκεῖν ἐκ πρώτης τῷ κοινῷ σωτῆρι μεμαθητεῦσθαι.

[2]) V. C. I, 17, p. 16: ὡς μηδὲν ἀποδεῖν ἐκκλησίας θεοῦ τὴν ἔνδον ἐν αὐτοῖς βασιλείοις συγκροτουμένην πληθύν, ἢ συνῆσαν καὶ λειτουργοὶ θεοῦ. Между прочимъ, подобнымъ же образомъ характеризовалъ нѣкогда Діонисій александрійскій положеніе христіанъ при дворѣ Валеріана, сдѣлавшагося однако потомъ жестокимъ гонителемъ христіанства. Eus. h. e. VII, 10, 3: πᾶς τε ὁ οἶκος αὐτοῦ θεοσεβῶν πεπλήρωτο καὶ ἦν ἐκκλησία θεοῦ. Ср. слова Константина объ отцѣ, V. C. II, 49: ἐν πάσαις ταῖς ἑαυτοῦ πράξεσι τὸν σωτῆρα [al. πατέρα] θεὸν ἐπικαλούμενος. О Константіи ср. *Keim*, Der Uebertritt Constantins des Grossen zum Christenthum. Zürich 1862, S. 78–79.

телями, ограничился дозволеніемъ разрушить мѣста богослужебныхъ собраній христіанъ, но не дозволялъ затрогивать самихъ христіанъ [1]).

Тѣ годы, когда Константій Хлоръ былъ кесаремъ на западѣ (293—305). Константину собственно пришлось провести, въ качествѣ, повидимому, заложника, при дворѣ Діоклетіана въ Никомидіи. Съ отцомъ у него могли быть за это время лишь письменныя сношенія. Но живя и здѣсь, онъ могъ пріобрѣсти болѣе или менѣе близкое знакомство съ христіанствомъ. До гоненія 303 г. христіане пользовались въ имперіи de facto почти полною свободою; не мало было ихъ и на придворной службѣ. Христіанскую вѣру исповѣдывали, или были близки къ ней, даже супруга самого Діоклетіана Приска и дочь Валерія. Самъ Діоклетіанъ, хотя къ христіанству вовсе не былъ расположенъ, но какъ извѣстно, и гоненіе на христіанъ согласился поднять лишь уступая настойчивымъ требованіямъ своего кесаря и зятя Галерія. Маловѣроятно, чтобы, находясь въ такой обстановкѣ, Константинъ не обнаружилъ никакого интереса къ вопросу, въ чемъ состоятъ религіозныя убѣжденія христіанъ, по крайней мѣрѣ въ то время, когда на нихъ поднято было гоненіе и вопросъ о нихъ обсуждался при дворѣ [2]).

Къ своему отцу Константинъ прибылъ въ Галлію съ востока и могъ здѣсь вступить въ расположенную къ христіанству, частію прямо христіанскую сферу его двора, въ 305 г., когда, по сложеніи власти Діоклетіаномъ и Максиміаномъ, его отецъ сдѣлался (1 мая) августомъ запада, Галерій въ то же время—августомъ востока. Послѣ смерти Констанція, вскорѣ послѣдовавшей въ 306 г. 25 іюля, Константинъ, обойденный ранѣе Галеріемъ, подобно находившемуся въ Римѣ сыну Максиміана Максентію, при избраніи новыхъ кесарей (назначены были тогда Максиминъ Дайя для востока и Северъ для запада),—провозглашенъ былъ войскомъ прямо августомъ. Галерій вынужденъ былъ признать его хотя бы въ званіи кесаря, отказавшись признать въ томъ же достоинствѣ Максентія, и

---

[1]) Lact. de mort. pers. 15, 7. По Евсевію, h. e. VIII, 13, 13, онъ не разрушалъ и церквей.

[2]) О своихъ впечатлѣніяхъ отъ этого гоненія и о своемъ отношеніи къ гонителямъ Константинъ сообщаетъ въ своемъ περὶ τῆς πολυθέου πλάνης διάταγμα, Euseb. V. C. II. 49—52 (о Галеріи), ср. λόγος τῷ τῶν ἁγίων συλλόγῳ, 25 (о Діоклетіанѣ).

Константинъ вошелъ такимъ образомъ въ рядъ признанныхъ правителей имперіи.

По словамъ Лактанція, первымъ дѣломъ Константина, когда онъ принялъ власть, было—возвратить христіанамъ свободу богопочтенія: «это было первое распоряженіе его по возстановленію святой религіи» [1]). Повидимому, это сообщеніе указываетъ на формальную отмѣну Константиномъ для своей области эдикта о гоненіи на христіанъ, который нѣкогда долженъ былъ подписать и его отецъ, какъ одинъ изъ тетрарховъ. Но каково бы ни было при этомъ его дѣйствительное отношеніе къ языческому политеизму, внѣшнихъ связей съ языческой религіей онъ не порвалъ, и считался, напр., находящимся подъ особымъ покровительствомъ бога Аполлона; послѣдняго легко было сблизить съ богомъ солнца Миорою, почитаніе котораго было особенно распространено тогда въ войскѣ. Языческій риторъ Евменій въ обращенной къ Константину въ 310 г. въ Трирѣ рѣчи говоритъ о посѣщеніи императоромъ храма Аполлона и его богатыхъ дарахъ туда и выражаетъ желаніе, чтобы онъ посѣтилъ посвященныя Аполлону мѣста и въ родномъ городѣ Евменія, Отенѣ (Augustodunum), и поддержалъ своею щедростью находящіяся тамъ общественныя зданія и храмы, какъ сдѣлалъ онъ это для Трира [2]). Когда императоръ вскорѣ прибылъ туда, какъ сообщаетъ тотъ же риторъ въ рѣчи 311 г., на встрѣчу ему были вынесены изображенія всѣхъ почитавшихся тамъ боговъ [3]). При всемъ расположеніи къ христіанамъ, самъ онъ, очевидно, христіаниномъ тогда еще не былъ. Но нужно имѣть въ виду, что оказывать покровительство язычеству и принимать участіе въ языческихъ церемоніяхъ могло обязывать его уже внѣшнее положеніе, необходимость считаться съ языческими убѣжденіями своихъ подданныхъ и особенно войска. Вообще, при оцѣнкѣ подобныхъ фактовъ изъ періода жизни Константина до 312 г. нужно всегда помнить, что онъ и послѣ этого года, будучи уже

---

[1]) 24, 9.

[2]) Panegyr. VII, 21—22. *Baehrens* (1874), 21, p. 177 9—10: Vidisti— — Apollinem t u u m. 22, 178: numinis t u i sedem, объ Аполлонѣ. Но 22, 178 20, 23, 179 1, 15, также въ VIII, 1, 180 15, 7, 186 12, 9, 187 12, „numen tuum“ — о самомъ Константинѣ, котораго панегиристъ впрочемъ самого сопоставляетъ съ Аполлономъ, VII, 21. Ср. также о Константинѣ, VII, 22, 177 26: praesentissimus hic deus.

[3]) Panegyr. VIII, 8.

вполнѣ убѣжденнымъ христіаниномъ, напр. не слагалъ съ себя званія pontifex maximus.

На востокѣ гоненія на христіанъ продолжались и послѣ 305 г., если безъ особой энергіи въ области самого Галерія, зато съ усиленной ревностью въ предѣлахъ владѣній его кесаря Максимина Дайи. Когда, пораженный тяжкою болѣзнію, Галерій въ 311 г., не задолго до смерти, издалъ въ Сердикѣ эдиктъ (въ Никомидіи онъ былъ опубликованъ 30 апрѣля) о вѣротерпимости по отношенію къ христіанамъ, подписанный также и Константиномъ и Ликиніемъ—нужно думать—и Максиминомъ, въ этомъ могло сказаться вліяніе Константина, или можетъ быть, какъ полагаетъ Швартцъ, даже прямое его воздѣйствіе [1]), хотя эдиктъ былъ составленъ именно въ духѣ Галерія: правительство не хочетъ здѣсь сознаваться въ своемъ несправедливомъ отношеніи къ христіанамъ въ прежнее время и самая свобода христіанъ въ будущемъ времени обставляется стѣснительными условіями [2]). Къ Максимину затѣмъ, который даже не опубликовалъ эдикта въ своихъ владѣніяхъ, ограничившись лишь устнымъ сообщеніемъ о его содержаніи своему префекту Савину, а потомъ, спустя шесть мѣсяцевъ, открылъ опять гоненія на христіанъ, Константинъ обращался съ энергичнымъ требованіемъ поступать согласно эдикту, и Максиминъ долженъ былъ нѣсколько умѣрить свой языческій фанатизмъ [3]).

Смерть Галерія (311 мая 5) вызвала столкновеніе и борьбу за власть между оставшимися правителями. Максиминъ вступилъ въ союзъ съ ранѣе уже враждебно настроеннымъ въ отношеніи къ Константину Максентіемъ, Константинъ завязалъ сношенія съ Ликиніемъ. Война съ Максентіемъ и союзъ съ Ликиніемъ являлись, повидимому, необходимостью для Константина, въ виду враждебныхъ отношеній къ нему Максентія,

---

[1]) *Schwartz*, Zur Gesch. des Athanasius, IV (1904), 528.

[2]) Объ этомъ эдиктѣ ср. *K. Bihlmeyer*, Das Toleranzedikt des Galerius von 311, въ Theol. Quartalschrift, XCIV, 1912, S. 411—427, 527—589. Бильмейеръ (583) не находитъ возможнымъ согласиться съ предположеніемъ Швартца о прямомъ воздѣйствіи Константина въ виду молчанія объ этомъ Лактанція.

[3]) Lact. de mort. pers. 37: Haec ille moliens Constantini litteris deterretur, dissimulavit ergo. Высказываютъ, впрочемъ, предположеніе (Hülle), что это сообщеніе Лактанція должно относиться ко времени уже послѣ побѣды Константина надъ Максентіемъ.

если онъ хотѣлъ сохранить за собою власть въ будущемъ [1]). По своей первоначальной задачѣ война, такимъ образомъ, не имѣла религіознаго характера. Правленіе Максентія въ Римѣ опиравшагося на военную силу, преторіанцевъ, было, правда, таково, что сенатъ имѣлъ полное основаніе благодарить потомъ Константина за освобожденіе города отъ тиранна и его приспѣшниковъ. Но какъ прямо сообщаетъ Евсевій, утвердившись въ Римѣ (306), Максентій съ самаго уже начала прекратилъ гоненіе на христіанъ, чтобы расположить къ себѣ населеніе [2]); вѣроятно, имѣлъ при этомъ значеніе и примѣръ Константина. И если онъ вмѣшивался потомъ въ дѣла римской церкви (ссылка папъ Маркелла 309 и Евсевія 310), то поводомъ были безпорядки и волненія въ самой же этой церкви; папѣ Мильтіаду въ 311 г., имѣя, вѣроятно, въ виду эдиктъ Галерія, онъ возвратилъ даже конфискованное раньше церковное имущество [3]). Римскіе христіане, такимъ образомъ, можетъ быть, имѣли не болѣе побужденій стремиться къ освобожденію отъ тиранна, чѣмъ и другіе жители Рима; но и имъ не менѣе другихъ приходилось терпѣть отъ его тиранніи и необузданной распущенности, да и самое благосклонное отношеніе его къ нимъ, вызванное особыми соображеніями, не могло быть прочнымъ, при его чисто языческомъ настроеніи; союзъ его съ Максиминомъ во всякомъ случаѣ не предвѣщалъ христіанамъ ничего добраго. Въ дѣйствительности война очень скоро получила религіозный характеръ.

Предъ отправленіемъ Константина изъ Галліи въ походъ весною 312 г., если не самъ онъ, то окружавшія его лица, обра-

---

[1]) По Зосиму, II, 14, Максентій съ своей стороны уже замышлялъ войну съ Константиномъ; по Евсевію h. e. IX, 9, 2. V. C. I, 26, Константинъ отправился въ походъ противъ Максентія, чтобы освободить Римъ отъ его тиранніи.

[2]) h. e. VIII, 11, 1: ἀρχόμενος μὲν τὴν καθ' ἡμᾶς πίστιν ἐπ' ἀρεσκείᾳ καὶ κολακείᾳ τοῦ δήμου Ῥωμαίων καθυπεκρίνατο ταύτῃ τε τοῖς ὑπηκόοις τὸν κατὰ Χριστιανῶν ἀνεῖναι προστάττει διωγμόν, εὐσέβειαν ἐπιμορφάζων.

[3]) *Schwartz*, IV, 530—532. Ср. объ отношеніи Максентія къ христіанамъ у *Tommaso De Bacci Venuti*, Dalla grande persecuzione alla vittoria del Cristianesimo. Milano 1913, p. 134—135, 310—311. Извѣстно, что когда карѳагенскій діаконъ Феликсъ затронулъ тиранна въ направленномъ противъ него памфлетѣ и епископъ Менсурій, взявшій его подъ свое покровительство, вызванъ былъ въ Римъ для отвѣта, Максентій удовлетворился его объясненіями и не нашелъ нужнымъ карать христіанъ (135).

щались, между прочимъ, и къ языческимъ гаруспиціямъ: предзнаменованія получились неблагопріятныя [1]). По обычнымъ соображеніямъ, дѣйствительно, трудно было ждать успѣха: Константинъ выступалъ въ походъ съ незначительнымъ войскомъ—около 25 тысячъ—противъ гораздо сильнѣйшаго противника [2]), находившагося къ тому же въ крѣпкихъ стѣнахъ Рима. Приближенные къ Константину лица изъ его войска считали предпріятіе его совершенно почти безнадежнымъ. Константинъ не обратилъ однако вниманія на гаруспиціи и на мнѣнія окружающихъ. Онъ рѣшилъ стать подъ покровительство Бога христіанъ и въ надеждѣ на Его содѣйствіе выступилъ на борьбу съ Максентіемъ.

Несомнѣнно, уже въ Галліи имѣло мѣсто то чудесное видѣніе, о которомъ впослѣдствіи самъ Константинъ разсказывалъ Евсевію кесарійскому. Оно именно и утвердило его рѣшимость возложить надежду въ предстоявшемъ походѣ на помощь христіанскаго Бога и заставило съ недовѣріемъ отнестись къ языческимъ предзнаменованіямъ. Къ другому уже моменту, нужно думать, относится обычно сопоставляемое съ разсказомъ объ этомъ событіи сообщеніе Лактанція.

Событіе это въ ученой литературѣ встрѣчало и встрѣчаетъ весьма разнообразное отношеніе со стороны историковъ, въ зависимости обычно отъ тѣхъ или иныхъ общихъ воззрѣній и религіозныхъ убѣжденій,—начиная отъ признанія чудеснаго факта во всей силѣ, какъ объективнаго явленія, продолжая попытками истолковать событіе какъ естественное само по себѣ явленіе, получившее, однако, характеръ чуда для Константина, съ его субъективной, такъ сказать, точки зрѣнія, и оканчивая совершенно отрицательнымъ отношеніемъ къ достовѣрности всѣхъ разсказовъ о фактѣ. Но какія бы при этомъ сужденія ни высказывались историками, какъ отраженіе ихъ общихъ воззрѣній и настроеній, — исходнымъ пунктомъ и основою для всякихъ выводовъ будутъ всегда оставаться тѣ показанія, какія сохранились о событіи отъ древности [3]).

---

[1]) Paneg, IX, 2.

[2]) По Зосиму, II, 15, у Константина было 90 тысячъ пѣхоты и 8 тысячъ конницы. у Максентія—170 тысячъ пѣхоты и 18 тысячъ конницы. Но paneg. IX, 3, 5, Константинъ взялъ въ походъ только четвертую часть своего войска; число непріятельскаго войска указывается 100 тысячъ.

[3]) Еще Балюзъ, напр., жаловался въ своемъ изданіи De mortibus persecutorum Лактанція (1679) на отрицательное отношеніе къ разсказу о

Изъ христіанскихъ писателей о торжествѣ Константина надъ Максентіемъ разсказываютъ Лактанцій, въ сочиненіи De mortibus persecutorum, написанномъ, вѣроятно, во вторую по-

---

видѣніи креста Константиномъ у *Jac. Oiselius*, Thesaurus selectorum numismatum antiquorum (1677). Возраженія противъ этого разсказа были затѣмъ изложены *Chaussepié* въ дополненіи къ Bayle, Dictionnaire historique et critique, также Мосгеймомъ. Энциклопедисты повторили ихъ въ статьѣ о видѣніи Константина. Въ защиту достовѣрности сказанія писалъ особое сочиненіе аббатъ *J. B. Duvoisin*, Dissertation critique sur la vision de Constantin. Paris 1774. (Ср. *Carbone*, L'editto di Milano. 1913, p. 77). Объяснить естественнымъ способомъ явленіе креста Константину, не отвергая и дѣйствія въ этомъ случаѣ Промысла, пытался еще *J. A. Fabricius*, Dissertatio de cruce Constantini M., qua probatur eam fuisse phaenomenon in halone solari quo Deus usus sit ad Constantini M. animum promovendum. Hamburgi 1706 (перепечатывалось въ его Biblioth. graeca и въ патрологіи Миня съ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ).—Въ XIX—XX в. отрицательное отношеніе къ сказанію, какъ вымыслу или Евсевія, или самого Константина, заявляютъ очень многіе ученые, особенно протестантскіе, напр., Manso (1817), Burckhardt (1853, 1880), Boissier (1891), Seeck (1895, 1910: „natürlich erlogen"), Schwartz (1913), Tommaso De Bacci Venuti (1913); болѣе остороженъ въ своихъ сужденіяхъ Keim (1862). Объективное значеніе факта, какъ чуда, во всемъ объемѣ, изъ католическихъ авторовъ отстаиваютъ, напр., *A. Knöpfler*, Konstantins Kreuzesvision, въ Historisch-Politische Blätter, B. 141 (1908), S. 183—199 (ср. у Schrörs, 4: „die gründlichste Untersuchung"), и *F. Savio*, въ статьяхъ въ Civiltà cattolica (1913). Естественное явленіе усматриваетъ въ основѣ видѣнія Константина *F. X. Funk*, Konstantin der Grosse und das Christentum (въ Kirchengesch. Abh. u. Unters. II. Paderborn 1899) (надписи, по нему, на небѣ не могло быть). Гораздо рѣшительнѣе судитъ другой католическій ученый, *H. Schrörs*, Konstantins des Grossen Kreuzerscheinung. Eine kritische Untersuchung. Bonn 1913. Ставя вопросъ: чудо или иллюзія (Kap. 4. Wunder oder Illusion?) было видѣніе Константина, онъ увѣренно отвѣчаетъ, что это была именно лишь иллюзія, иллюзіей, или же галлюцинаціей, было и явленіе Константину Христа въ ночномъ видѣніи (S. 67): трудно предположить, чтобы Богъ отвѣтилъ чудомъ язычнику, обратившемуся съ молитвой къ солнцу (?!), и чтобы крестъ ему указанъ былъ какъ волшебное средство для цѣлей войны (S. 60—65, ср. Schalf, Zahn).—По отзыву J. Wordsworth'a (Smith and Wace, Dict. of Chr. Biogr. I, 647), у *J. H. Newmann*, Essay on Ecclesiastical Miracles, сказано, „можетъ быть, все, что можно сказать въ пользу Евсевія"; тутъ же приводятся, по вопросу о томъ, можно ли разсматривать видѣніе Константина, какъ чудо, соображенія Ньюмана, между прочимъ, объ умѣстности чуда въ данный моментъ въ виду исключительной исторической важности этого момента.—Изъ русскихъ ученыхъ *В. В. Болотовъ* въ своихъ лекціяхъ (1899), защищая Евсевія отъ обвиненій въ измышленіи, допускаетъ, что онъ не во всемъ вѣрно понялъ разсказъ Константина ему о видѣніи и могъ перетолковать его, чѣмъ и объясняются нѣко-

ловину 313 года [1]), чрезъ годъ послѣ событія, и Евсевій кесарійскій, въ IX книгѣ своей церковной исторіи, составленной можетъ быть въ то же время и во всякомъ случаѣ не позже 315 года [2]). Оба они жили на востокѣ [3]).

Живший въ Никомидіи Лактанцій имѣлъ возможность получить болѣе или менѣе достовѣрныя извѣстія о томъ, что происходило во время похода Константина, отъ лицъ, которыя въ 313 г. вскорѣ послѣ 30 апрѣля прибыли въ Никомидію съ Ликиніемъ и которыя передъ этимъ въ Миланѣ могли видѣться и съ самими участниками похода. Это, именно, повидимому, и должно придавать цѣнность его сообщеніямъ въ данномъ случаѣ.

Краткій разсказъ Лактанція сводится къ тому, что, непосредственно почти предъ рѣшившимъ дѣло сраженіемъ при мульвійскомъ мостѣ, когда приблизилось 27 октября, «Константинъ получилъ во время сна внушеніе изобразить на щи-

---

торыя недоразумѣнія въ его сообщеніи (Лекціи по исторіи древней церкви. III. Спб. 1913, стр. 8—14). *А. А. Спасскій*, Обращеніе имп. Константина В. въ христіанство, 1905, принимая и эту защиту Евсевія и это мнѣніе о немъ, самъ съ своей стороны не находитъ возможнымъ рѣшить вопросъ: нужно ли принимать разсказъ Лактанція о ночномъ только видѣніи, или нужно довѣрять и сообщенію Константина Евсевію о предшествовавшемъ болѣе дивномъ явленіи знаменія на солнцѣ (стр. 37). Возраженія А. А. Спасскому сдѣланы были *А. П. Лебедевымъ*, Константинъ великій, первый христіанскій императоръ (Христ. Чт. 1912, іюнь и іюль—августъ).

[1]) *В. В. Болотовъ*, Отзывъ о сочиненіи проф. А. И. Садова „Древнехристіанскій церковный писатель Лактанцій (1895 г.)", въ журналахъ Совѣта Спб. дух. Академіи за 1895/6 г., стр 142 (отд. оттискъ 46): „начато вскорѣ послѣ 13 іюня 313 г. и къ концу 313 г. было уже закончено".

[2]) *E. Schwartz*, Eusebius Kirchengeschichte. III (Einleitungen). Lpz. 1909, S. LVI—LIX, относитъ написаніе I—VIII книгъ исторіи Евсевія ко времени отъ начала 312 до лѣта 313 г., второе изданіе ея съ присоединеніемъ IX книги—къ 315, третье — съ X книгой — къ 317, четвертое — послѣ переворота 323 [324] года. *H. J. Lawlor*, Eusebiana. Essays on the ecclesiastical History of Eusebius, bishop of Caesarea. Oxford 1912 (ср. P. de Labriolle въ Bulletin d'ancienne litterature et d'archéologie chrétiennes, 1913, № 4, p. 314), полагаетъ, что I—VII книги написаны еще до эдикта Галерія 311 г., VIII—въ 311 г. отъ мая до ноября. IX—въ 313 послѣ іюня, изданіе съ X книгой вышло въ концѣ 324 или началѣ 325 г.

[3]) Тексты изъ Лактанція и Евсевія объ этомъ событіи имѣются, между прочимъ, въ *J. B. Aufhauser*, Konstantins Kreuzesvision in ausgewählten Texten. Bonn 1912.

тахъ небесное знаменіе Божіе» (caeleste signum Dei), и императоръ выполнилъ это повелѣніе, начертавъ на щитахъ воиновъ знакъ имени Христа такимъ именно образомъ, что онъ представлялъ подобіе буквы X, пересѣченной вертикальной линіей, верхній конецъ которой былъ или согнутъ (въ видѣ P), или прикрытъ другой, нѣсколько согнутой, линіей [1]).

О видѣніи Константиномъ «небеснаго знаменія» наяву, до сновидѣнія, Лактанцій не говоритъ; что хотѣлъ Лактанцій сказать выраженіемъ «caeleste signum», можно ли здѣсь усматривать указаніе на видѣніе креста на небѣ Константиномъ хотя бы во снѣ (какъ предполагалъ это Руфинъ), остается неяснымъ. Крестъ начертанъ былъ въ видѣ монограммы имени Христа, представлявшей соединеніе буквъ X и P, или же I и X. Изображеніе креста въ видѣ монограммы въ той или иной формѣ и было у христіанъ обычнымъ въ тѣ времена, и лишь съ начала V в. получаетъ распространеніе неприкровенное его изображеніе, замѣняя монограмму окончательно только уже въ VI [2]). Вполнѣ естественно поэтому, что Константинъ, по-

---

[1]) De mort. pers. 44, 4—6, *Brandt* (1897) p. 223: imminebat dies quo Maxentius imperium ceperat, qui est a. d. sextum Kalendas Nouembres [= 27 октября], et quinquennalia terminabantur. commonitus est in quiete Constantinus, ut caeleste signum dei notaret in scutis atque ita proelium committeret. facit ut iussus est et transuersa X littera, summo capite circumflexo, Christum in scutis notat. quo signo armatus exercitus capit ferrum. О неправильныхъ показаніяхъ—27 октября вмѣсто 28 и quinquennalia вмѣсто шестилѣтія, ср. *Tillemont*, IV, 633—4.

[2]) Ср. *F. Piper* † (Hauck) Art. „Monogramm Christi“ въ RE³ XIII (1903), S. 368—9. Выраженіе Лактанція: „transuersa X littera, summo capite circumflexo“ здѣсь (S. 367) понимается, какъ „повернутая буква X (= +) съ согнутымъ верхнимъ концомъ“, такъ что должна получаться извѣстная монограмма имени Христа въ видѣ буквы P, пересѣкаемой горизонтальной линіей. Такъ понимаетъ эти слова и *P. Franchi de' Cavalieri*, Il labaro descritto da Eusebio, въ Studi romani, 1913, II—III, 161—188. Противъ такого пониманія возражаетъ *P. Batiffol* въ замѣткѣ объ этой статьѣ въ Bulletin d'ancienne littérature et d'arch. chrétiennes, 1913, № 4, 304. Батиффоль не допускаетъ, чтобы „summo capite circumflexo“ могло указывать на подобіе буквы P, а не просто лишь на прикрытіе вертикальной линіи еще другой согнутой линіей. Но повидимому нужно допустить и эту возможность, тѣмъ болѣе, что монограмма послѣдняго вида (съ вертикальной линіей, надъ которой находится другая изогнутая линія) повидимому вообще на изображеніяхъ не встрѣчается, и упоминаемый у Батиффоля знакъ на монетахъ, чеканенныхъ въ 317 г. въ Siscia, представляетъ X, пересѣченное вертикальной линіей лишь съ утолщеніемъ или точкой на верхнемъ концѣ ея. *Maurice*, II, p. L, впро-

лучивъ внушеніе начертать знакъ креста, повелѣваетъ изобразить именно монограмму.

Отъ кого и какимъ образомъ получилъ Евсевій сообщаемыя имъ въ церковной исторіи свѣдѣнія о побѣдѣ Константина надъ Максентіемъ, неизвѣстно. Но живя на отдаленномъ востокѣ, онъ, если даже писалъ нѣсколько позже Лактанція, едва ли могъ быть тогда освѣдомленъ во всемъ относительно западныхъ происшествій лучше, нежели латинскій, находившійся въ Никомидіи, риторъ. Поэтому, если онъ не упоминаетъ въ исторіи не только о небесномъ знаменіи, но и объ откровеніи Константину во снѣ и монограммѣ на щитахъ, это само по себѣ еще не свидѣтельствуетъ о недостовѣрности этихъ фактовъ. Повидимому, онъ не имѣлъ случая собрать къ данному моменту, когда онъ писалъ IX книгу исторіи, точныя и достовѣрныя свѣдѣнія о всѣхъ обстоятельствахъ войны Константина съ Максентіемъ, о которой могли ходить тогда разные разсказы на западѣ и на востокѣ.

Евсевій говоритъ въ своей исторіи только о призваніи Константиномъ, при отправленіи въ походъ, на помощь «небеснаго Бога и Слова Его, Самого Спасителя всѣхъ Іисуса Христа», о троекратномъ успѣхѣ императора, возложившаго надежду на Бога, при взятіи находившихся подъ властію Максентія городовъ на пути въ Римъ, наконецъ, объ оказанной ему явно чудесной помощи въ гибели тиранна, котораго «самъ Богъ какъ бы какими-то цѣпями» извлекъ изъ стѣнъ Рима и который погибъ въ водахъ Тибра, какъ нѣкогда фараонъ въ Чермномъ морѣ [1]). О полученной божественной

чемъ, полагаетъ, что и Лактанцій говоритъ прямо объ этой послѣдней формѣ монограммы. Что касается выраженія „caeleste signum“, то по Краусу, это выраженіе могло обозначать крестъ и помимо какого-либо отношенія къ видѣнію креста Константиномъ. *F. X. Kraus*, Art. „Kreuz“ въ его Real-Encycl. der christl. Alterthümer. II. Fr. i. Br. 1886, S. 226. Но въ Lact. div. inst. IV, 27 (написано въ 304—311) употребляется лишь выраженіе immortale signum. У Павлина нольскаго, ep. 32, caeleste signum могло явиться уже подъ вліяніемъ Лактанція. Встрѣчается оно также у P. Optatianus Porfyrius (ок. 325—6), по *Wordsworth* въ Dict. of. Chr. Biography I, 647. По Батиффолю (304), „небесное“ есть лишь синонимъ „возвышеннаго“, „славнаго“.

[1]) H. e. IX, 9, 2, 4, *Schwartz* (1908) p. 828: —— Κωνσταντῖνος τῶν ἐπὶ Ῥώμης κατατυραννουμένων φειδὼ λαβών, θεὸν οὐράνιον τόν τε τούτου λόγον, αὐτὸν δὴ τῶν πάντων σωτῆρα Ἰησοῦν Χριστόν, σύμμαχον δι᾽ εὐχῶν ἐπικαλεσάμενος, πρόεισιν πανστρατιᾷ, Ῥωμαίοις τὰ τῆς ἐκ προγόνων ἐλευθερίας προμνώμενος. —— Εἶτ᾽

помощи Константинъ открыто заявилъ, тотчасъ же повелѣвъ изображать себя съ знаменіемъ креста въ правой рукѣ (τοῦ σωτηρίου τρόπαιον πάθους), а на своей статуѣ, поставленной тогда въ Римѣ на форумѣ тоже съ спасительнымъ знаменіемъ (τὸ σωτήριον σημεῖον) въ правой рукѣ, повелѣлъ сдѣлать надпись: «симъ спасительнымъ знаменіемъ (τῷ σωτηριώδει σημείῳ), истиннымъ доказательствомъ мужества (ἀνδρείας=virtutis) я освободилъ вашъ городъ, избавивъ отъ ига тиранна, и возстановилъ, давъ свободу, и сенатъ и народъ римскій, въ прежней славѣ и блескѣ» [1]). Если и предположить, что какіе-либо слухи о видѣніи или о сновидѣніи Константина, дошли и до Кесаріи, то, очевидно, нужно думать, что Евсевій не придалъ имъ тогда особаго значенія и, какъ точный историкъ, затруднился внести ихъ въ свой трудъ именно потому, что не имѣлъ средствъ убѣдиться въ ихъ достовѣрности, а ограничился лишь такими несомнѣнными данными, какъ фактъ поставленія статуи императора съ крестомъ въ рукѣ и приведенная надпись на ней.

На западѣ свѣдѣнія о побѣдѣ Константина изъ его современниковъ сохранили лишь западные языческіе писатели, галльскій панегиристъ, обращавшійся къ Константину съ рѣчью въ 313 году,—вѣроятно, упомянутый уже выше Евменій [2]),—и другой риторъ, Назарій, выступавшій съ панегирикомъ Константину въ 321 году.

Первый изъ нихъ, панегиристъ 313 года, говоря о сверхъестественной помощи Константину, употребляетъ лишь общія, довольно неопредѣленныя выраженія, обращаясь иногда какъ бы за разъясненіемъ съ вопросами къ самому Константину. Походъ Константина, вопреки совѣтамъ приближенныхъ лицъ и показаніямъ гаруспиній, и успѣхъ его ораторъ хочетъ объяснить особымъ внушеніемъ и покровительствомъ Константину верховнаго Божества, которое его лишь удостоиваетъ своихъ откровеній, предоставивъ заботу о другихъ людяхъ

ὡς μὴ τοῦ τυράννου χάριν Ῥωμαίοις πολεμεῖν ἀναγκάζοιτο, θεὸς αὐτὸς δεσμοῖς τισιν ὥσπερ τὸν τύραννον πορρωτάτω πυλῶν ἐξέλκει.

[1]) IX, 9, 10—11. Въ V. C. I, 40, то же съ нѣкоторыми дополненіями: φωνῇ τε μεγάλῃ καὶ στήλαις ἅπασιν ἀνθρώποις τὸ σωτήριον ἀνεκήρυττε σημεῖον; о видѣ креста въ рукѣ статуи: ὑψηλὸν δόρυ σταυροῦ σχήματι.

[2]) Съ Евменіемъ отождествляютъ его Зеекъ и В. В. Болотовъ. Объ особенностяхъ paneg. IX въ сравненіи съ paneg. X (Назарія) ср. *W. S. Teuffel*, Geschichte der römischen Literatur. 6 Aufl. neu bearbeitet von W. Kroll und F. Skutsch. III. Lpz. 1913, S. 214.

низшимъ богамъ; увѣренный въ обѣщанной свыше Божествомъ побѣдѣ, Константинъ и выступилъ съ столь небольшимъ войскомъ противъ имѣвшаго всѣ видимыя преимущества врага. Что Константину оказалъ помощь именно христіанскій Богъ, этого риторъ язычникъ, конечно, не говоритъ. Къ разсказамъ въ христіанскомъ духѣ о чудесномъ событіи и о побѣдѣ силою креста, хотя бы они и были ему извѣстны, онъ, оставаясь язычникомъ, долженъ былъ отнестись отрицательно, и восхваляя императора, съ своей языческой точки зрѣнія долженъ былъ объяснять его успѣхъ [1]).

Другой риторъ, Назарій, передаетъ разсказъ о божественномъ содѣйствіи Константину, какъ его можно было слышать, по его словамъ, всюду въ Галліи. Видны были посланныя съ неба войска съ наводившими страхъ своимъ сіяніемъ щитами и оружіемъ и слышны были голоса: «къ Константину направляемся, къ Константину идемъ на помощь»; вождемъ ихъ, думаетъ самъ авторъ, былъ отецъ императора Константій. Назарій заявляетъ о полной своей вѣрѣ въ это чудо, подобнаго которому не можетъ представить и славящаяся своею святостью древность. Божественная сила, непріязненный къ Максентію Богъ, побудилъ послѣдняго выйти съ войскомъ изъ Рима для сраженія съ Константиномъ. Во время битвы небесное войско должно было, предполагаетъ авторъ, стоять конечно съ Константиномъ, ограждая его, такъ какъ онъ шелъ впереди всѣхъ, не боясь опасности. О какомъ-либо видѣніи или откровеніи самому Константину здѣсь не говорится. Нѣтъ ничего и о начертаніи какихъ-либо знаковъ на щитахъ или о лабарумѣ, говорится лишь о сіяніи драгоцѣнныхъ камней на шлемѣ

[1]) Panegyr. IX, 2. *Bährens* p. 193—4: quisnam te deus, quae tam praesens hortata est maiestas ut, omnibus fere tuis comitibus et ducibus non solum tacite mussantibus, sed etiam aperte timentibus, contra consilia hominum, contra haruspicum monita ipse per temet liberandae urbis tempus venisse sentires? habes profecto aliquod cum illa mente diuina, Constantine, secretum, quae delegata nostri dis minoribus cura nil se tibi dignatur ostendere. 3, p. 194: nix enim quarta parte exercitus contra centum milia armatorum hostium Alpes transgressus es, ut appareret penitus considerantibus (id quod nos fugit tui amore trepidantes) non dubiam te, sed promissam diuinitus petere victoriam. 4, 195: die, quaeso, quid in consilio nisi diuinum numen habuisti? 196: in tam diversa causarum ratione diuino consilio, imperator, hoc est tuo, non militum multitudinem, sed partium merita numerasti. О понятіяхъ, какія этотъ авторъ имѣлъ о числѣ Божествъ, ср. 26, p. 212.

императора и о блескѣ золота на его щитѣ и оружіи. Несомнѣнные факты съ христіанскимъ характеромъ въ языческой традиціи были, такимъ образомъ, опущены [1]). Нужно думать, что языческій риторъ сообщаетъ здѣсь, какъ самъ онъ говоритъ, тотъ разсказъ о чудесной помощи Константину, который именно и вращался тогда въ языческомъ еще въ преобладающей массѣ населеніи Галліи, причемъ дополняетъ его частію и собственными догадками (о Константіи, какъ вождѣ небеснаго войска, о томъ, что войско это было близъ Константина во время сраженія).

Всѣ писавшіе о событіи въ ближайшее къ нему время авторы, и христіанскіе и языческіе, такимъ образомъ, говоритъ о божественной помощи Константину. Но лишь Лактанцій говоритъ о внушеніи Константину во снѣ изобразить крестъ на щитахъ воиновъ. Евсевій или оказался менѣе освѣдомленнымъ касательно того, что было съ Константиномъ, или же скептически отнесся къ дошедшимъ до него слухамъ. Отъ язычниковъ риторовъ едва ли и можно ожидать большаго въ сравненіи съ тѣмъ, что они сообщаютъ, при ихъ языческой точкѣ зрѣнія.

Самыя точныя и достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что касалось лично Константина, могъ, конечно, сообщить въ данномъ случаѣ самъ Константинъ. Когда Евсевій впослѣдствіи сдѣлался близкимъ къ нему человѣкомъ, онъ, повидимому, обратился къ нему съ особымъ вопросомъ объ этомъ предметѣ, и въ «Жизни Константина», написанной уже по

---

[1]) Panegyr. X, 14, p. 223—4: In ore denique est omnium Galliarum exercitus uisos qui se diuinitus missos prae se ferebant. — — flagrabant uerendum nescio quid umbones corusci et caelestium armorum lux terribilis ardebat: tales enim uenerant ut tui crederentur. haec ipsorum sermocinatio, hoc inter audientes serebant: Constantinum petimus, Constantino imus auxilio. — — ducebat hos, credo, Constantius pater qui terrarum triumphis altiori tibi cesserat, [dum] diuinas expeditiones iam diuus agitabat. 15, p. 225: credimus facta [= чудо, о которомъ разсказываютъ анналы] qui maiora nunc sensimus. — — stat argumento duplici fides nixa: sic Constantinus iuuari meruit, sic debuit Roma seruari. 27, p. 234: illum [Максентія] — — ex assuetis latebris uis d i u i n i t a t i s excussit. 28, p. 234: — — nisi animum [Максентія] iam metu denium i n f e s t i o r d e u s et pereundi maturitas perpulisset. 29, 235: quem tenuisse locum caelestis exercitus dicam? quamquam illos non arbitror stetisse nisi tecum. difficillimam enim pugnae partem tibi deligis. — — fulget nobilis galea et crusca luce gemmarum diuinum uerticem monstrat. auro clipeus, auro arma collucent.

смерти императора († 337), передалъ слышанное отъ него. Замѣчаніе, которое онъ предпосылаетъ своему разсказу, что «не легко было бы принять» столь чудесный фактъ, какъ θεοσημία, если бы самъ императоръ даже съ клятвою не завѣрилъ его дѣйствительность, едва ли не имѣетъ цѣлію прежде всего оправдать допущенное имъ въ исторіи умолчаніе о столь важномъ фактѣ, или даже можетъ быть проявленный нѣкогда скепсисъ къ слухамъ о немъ, показавшимся ему не вполнѣ достовѣрными.

По этому позднѣйшему, по основанному на словахъ самого Константина, повѣствованію Евсевія, когда императоръ, сравнивая несчастный конецъ правителей, служившихъ многимъ богамъ, и благополучное царствованіе своего отца, чтителя Бога всяческихъ, обратился къ этому Богу съ молитвою— явить ему Себя и оказать помощь, онъ получилъ удивительнѣйшее знаменіе отъ Бога (θεοσημία τις ἐπιφαίνεται παραδοξοτάτη). «Въ полуденные часы, когда солнце уже склонялось къ западу, онъ, по его словамъ, увидѣлъ собственными очами на небѣ находившееся надъ солнцемъ знаменіе креста, составленное изъ свѣта, съ надписью: «симъ побѣждай». Это зрѣлище поразило и его и всѣхъ тѣхъ воиновъ, которые сопровождали его однажды въ пути и сдѣлались свидѣтелями чуда». Когда Константинъ въ недоумѣніи размышлялъ о значеніи видѣнія, ночью «во снѣ ему явился Христосъ Божій съ явленнымъ на небѣ знаменіемъ и повелѣлъ, сдѣлавъ подобіе видѣннаго на небѣ знаменія, употреблять его для защиты при нападеніяхъ враговъ» [1]). Утромъ Константинъ, сообщивъ близкимъ къ нему

[1]) V. C. I, 27—29. 28, *Heikel* p. 21: εὐχομένῳ δὲ ταῦτα καὶ λιπαρῶς ἱκετεύοντι τῷ βασιλεῖ θεοσημία τις ἐπιφαίνεται παραδοξοτάτη, ἣν τάχα μὲν [ἂν] ἄλλου λέγοντος οὐ ῥᾴδιον ἦν ἀποδέξασθαι, αὐτοῦ δὲ τοῦ νικητοῦ βασιλέως τοῖς τὴν γραφὴν διηγουμένοις ἡμῖν μακροῖς ὕστερον χρόνοις, ὅτε ἠξιώθημεν τῆς αὐτοῦ γνώσεώς τε καὶ ὁμιλίας, ἐξαγγείλαντος ὅρκοις τε πιστωσαμένου τὸν λόγον, τίς ἂν ἀμφιβάλοι μὴ οὐχὶ πιστεῦσαι τῷ διηγήματι; μάλιστ' ὅτε καὶ ὁ μετὰ ταῦτα χρόνος ἀληθῆ τῷ λόγῳ παρέσχε τὴν μαρτυρίαν. ἀμφὶ μεσημβρινας ἡλίου ὥρας, ἤδη τῆς ἡμέρας ἀποκλινούσης, αὐτοῖς ὀφθαλμοῖς ἰδεῖν ἔφη ἐν αὐτῷ οὐρανῷ ὑπερκείμενον τοῦ ἡλίου σταυροῦ τρόπαιον ἐκ φωτὸς συνιστάμενον, γραφήν τε αὐτῷ συνῆφθαι λέγουσαν· τούτῳ νίκα. θάμβος δ' ἐπὶ τῷ θεάματι κατεῖχε αὐτόν τε καὶ τὸ στρατιωτικὸν ἅπαν, ὃ δὴ στελλομένῳ ποι πορείαν συνείπετό τε καὶ θεωρὸν ἐγίνετο τοῦ θαύματος. 29: Καὶ δὴ διαπορεῖν πρὸς ἑαυτὸν ἔλεγε, τί ποτε εἴη τὸ φάσμα. Ἐνθυμουμένῳ δ' αὐτῷ καὶ ἐπὶ πολὺ λογιζομένῳ νὺξ ἐπῆει καταλαβοῦσα. Ἔνθα δὴ ὑπνοῦντι αὐτῷ τὸν Χριστὸν τοῦ θεοῦ σὺν τῷ φανέντι κατ' οὐρανὸν σημείῳ ὀφθῆναί τε καὶ παρακελεύσασθαι, μίμημα ποιησάμενον τοῦ κατ' οὐρανὸν ὀφθέντος σημείου τούτῳ πρὸς τὰς τῶν πολεμίων συμβολὰς ἀλεξήματι χρῆσθαι.

людямъ о ночномъ откровеніи и получивъ отъ христіанскихъ учителей наставленіе о явившемся ему Богѣ—Христѣ, какъ единородномъ Сынѣ Божіемъ, и о крестѣ, какъ знаменіи побѣды Его надъ смертью, для чего Онъ и нисходилъ на землю, приказалъ устроить знамя въ видѣ креста. Оно состояло, какъ видѣлъ его въ послѣдующее время Евсевій, изъ древка (δόρυ) и поперечнаго бруска (κέρας ἐγκάρσιον, πλάγιον), къ которому прикрѣпленъ былъ платъ (σθόνη), украшенный драгоцѣнными камнями и золотомъ; надъ этимъ платомъ находилось золотое изображеніе императора и сыновей его; на верхнемъ концѣ древка, кромѣ того, помѣщена была окруженная вѣнкомъ изъ драгоцѣнныхъ камней и золота монограмма имени Христа, начертаніе которой императоръ потомъ носилъ всегда и на своемъ шлемѣ. Монограмма имѣла видъ соединенныхъ вмѣстѣ буквъ X и P [1]). Наученный христіанскими учителями и прежде всего уже самымъ видѣніемъ, Константинъ пожелалъ послѣ того внимать чтенію божественныхъ писаній (т. е. сталъ присутствовать при христіанскомъ богослуженіи на положеніи оглашеннаго—«слушающаго»), и приблизивъ къ себѣ «іереевъ Божіихъ», считалъ своимъ долгомъ всячески чтить явившагося ему Бога. Затѣмъ, утвердившись въ благихъ на Него надеждахъ, онъ и устремился противъ тирана, занялъ послѣ троекратнаго пораженія его войскъ большую часть Италіи и приблизился къ Риму. Далѣе Евсевій сообщаетъ о гибели Максентія и о прославленіи Константиномъ силы креста по вступленіи въ Римъ, о статуѣ съ крестообразнымъ копьемъ въ рукѣ и о надписи на ней [2]).

---

[1]) I, 30—31. 31, p. 22: τῆς σωτηρίου ἐπηγορίας τὸ σύμβολον, δύο στοιχεῖα τὸ Χριστοῦ παραδηλοῦντα ὄνομα διὰ τῶν πρώτων ὑπεσήμαινον χαρακτήρων. χιαζομένου τοῦ ῥῶ κατὰ τὸ μεσαίτατον. Выраженіе χιαζομένου должно означать, что къ буквѣ P присоединена буква X такъ, что линіями, составляющими послѣднюю, P пересѣкается посрединѣ, κατὰ τὸ μεσαίτατον, и получается извѣстная монограмма имени Христа. Но возможно, кажется, пониманіе χιαζομένου и въ смыслѣ указанія просто на пересѣченіе P одною лишь линіею посрединѣ, такъ что сама буква P дѣлается чрезъ это подобною болѣе или менѣе буквѣ X. Такъ склоненъ былъ понимать слова Евсевія о монограммѣ еще *Tillemont*, Hist. des empereurs. IV (1732), p. 127. Heikel слова „διὰ τῶν πρώτων ὑπεσήμαινον χαρακτήρων“ считаетъ вставкою. На монетахъ константиновскаго времени засвидѣтельствованъ однако для лабарума первый видъ монограммы.

[2]) I, 32, 37—40. Что выраженіе 32, p. 22: καὶ αὐτὸς δ' ἤδη τοῖς ἐνθέοις ἀναγνώσμασι προσέχειν ἤθελεν, указываетъ на включеніе императора въ разрядъ „слушающихъ“, на это обращаетъ вниманіе *Schwartz*, Kaiser Constantin, 68. Ср. Dölger, 439; Schrörs, 33.

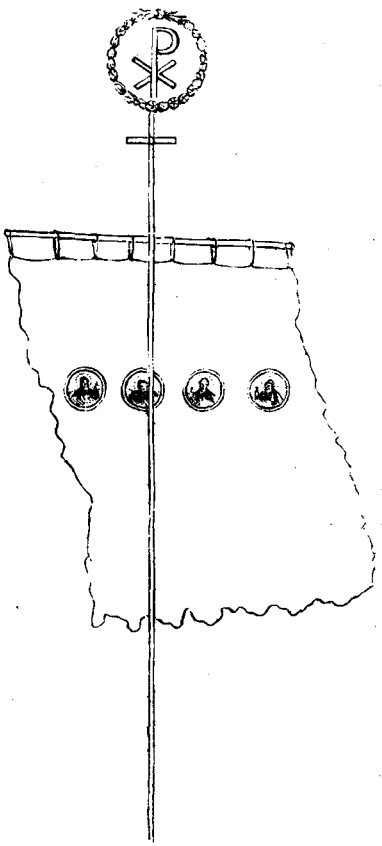
Таковъ разсказъ Евсевія. Если Христосъ повелѣваетъ Константину устроить подобіе видѣннаго знаменія—креста, Константинъ же устрояетъ не крестъ, а знамя съ монограммой Христова имени, такъ называемый labarum, то въ этомъ едва ли нужно усматривать какое-либо несоотвѣтствіе того, что сдѣлано было Константиномъ, полученному повелѣнію, или несообразность въ передачѣ Евсевія [1]). Изображеніе креста въ неприкровенномъ видѣ, какъ было выше замѣчено, вообще не было въ употребленіи у христіанъ до начала V вѣка. Устроенное указаннымъ образомъ знамя и могло быть понято, какъ подобіе креста. Извѣстно, что ранѣе апологеты (Минуцій Феликсъ, Тертулліанъ) усматривали символъ креста и въ языческихъ знаменахъ; увѣнчивавшее labarum имя Христа въ видѣ монограммы, которая и сама по себѣ въ то же время означала крестъ, должно было теперь указывать ясно для христіанъ на этотъ заключавшійся здѣсь христіанскій символъ. [2]).

---

[1]) Ср. *В. В. Болотовъ*, Лекціи, III, 13. *Спасскій*, 31—33. Что въ рукѣ статуи Константина былъ не лабарумъ (у Руфина: vexillum dominicae crucis), ср. *Batiffol*, l. c. 303, *В. В. Болотовъ*, III, 10.

[2]) Названіе знамени labarum встрѣчается въ латинскомъ переводѣ Acta Archelai 51, 9 (первой половины IV в.), у Амвросія (ер. 40), у Пруденція (in Symmachum). Въ Vita Constantini Евсевія оно имѣется лишь въ надписаніи 31 главы I книги: Ἔκφρασις σταυροειδοῦς σημείου, ὅπερ νῦν Ῥωμαῖοι λάβαρον καλοῦσιν. У Григорія Назіанзина оно передается въ формѣ λάβωρον (in Jul. III), такъ же у Созомена (I, 4). Происхожденіе этого слова неясно. Григорій сопоставляетъ его съ латинскимъ labor. У *H. Stevenson* въ Kraus, Real-Encyclopädie der christl. Alterthümer, II. Fr. i. Br. 1886. S. 262, указывается, что у басковъ „labarra" и нынѣ означаетъ знамя. *B. Schreemmer*, Labarum und Steinaxt. Tübingen 1911, сопоставляетъ это слово съ лидійскимъ λάβρυς = πέλεκυς, и думаетъ, что это было названіе для знака, сходнаго съ монограммой (изображеніе обоюдоострой сѣкиры), употреблявшагося будто бы въ войскахъ еще ранѣе. *Maurice*, I, cv—cvii, II, lix—lx, 331—2, 506—513, полагаетъ, что лабарумъ былъ устроенъ только въ 317 г., такъ какъ на монетахъ (326 г.) встрѣчается лабарумъ съ изображеніями трехъ лицъ; между тѣмъ именно лишь въ 317 г. 1 марта два сына Константина, Криспъ и Константинъ, были возведены въ достоинство кесарей и могли быть изображены на лабарумѣ. Съ Морисомъ соглашается и *Batiffol*, l. c. 262. Но это соображеніе не является убѣдительнымъ, потому что Евсевій даетъ описаніе деталей лабарума, какъ онъ видѣлъ его уже въ позднѣйшее время, и первоначально могло быть, напр., изображеніе только одного Константина. Между прочимъ, судя по монетамъ 326 г. (Maurice, II, 506), изображеніе правителей находилось на самомъ платѣ. Такъ и думаетъ Морисъ (ср. также помѣщаемый здѣсь рисунокъ

Евсевій не говоритъ прямо, гдѣ и когда было разсказанное ему Константиномъ событіе. Но предполагая, что разныя подробности въ его сообщеніи имѣютъ основу въ разсказѣ самого же императора, необходимо придти къ выводу, что оно было не непосредственно предъ битвою съ Максентіемъ и даже вообще не во время похода, а еще до выступленія изъ Галліи. Призваніе Константиномъ «изъяснителей словесъ» христіанскаго Бога — Христа, для наученія о Христѣ и Его символѣ—крестѣ, заявленіе о желаніи вступить въ число «слушающихъ» чтеніе писаній, приближеніе къ себѣ «іереевъ Божіихъ», все это могло быть еще въ Галліи, но не во время похода въ Италію и тѣмъ болѣе не наканунѣ битвы. Весь вообще ходъ повѣствованія Евсевія въ данномъ случаѣ ясно показываетъ, что, по нему, чудесное событіе имѣло мѣсто именно въ Галліи. Не довѣрять Евсевію, или предполагать, будто онъ, разсуждая съ императоромъ, совсѣмъ и не интересовался вопросомъ, гдѣ и когда было описываемое происшествіе, мы не имѣемъ основаній.



Но такъ какъ, съ другой стороны, и Лактанцій съ совершенною опредѣленностью говоритъ о начертаніи монограммы имени Христа на щитахъ, въ силу полученнаго Константиномъ во снѣ внушенія, непосредственно предъ сраженіемъ съ

изъ Лекцій *В. В. Болотова*, III, 11, представляющій воспроизведеніе рисунка самого В. В. Болотова). Но еще *Tillemont*, IV, 126, обращалъ вниманіе на то, что, по описанію Евсевія, эти изображенія, повидимому, должны находиться не на платѣ, а прикрѣплены къ древку особо. Ср. также напр. *Schaff*, KG², 461. Такъ именно понимаетъ устройство лабарума и *Franchi de' Cavalieri*, l. c. (Batiffol, 301).

Максентіемъ, и скептическое отношеніе къ его разсказу, въ виду возможности для него полученія болѣе или менѣе достовѣрныхъ свѣдѣній указаннымъ путемъ, также нужно признать несправедливымъ, то остается сдѣлать выводъ, что онъ говоритъ не о томъ фактѣ, о которомъ разсказывалъ Евсевію Константинъ, а о другомъ, относящемся къ позднѣйшему моменту. Если Константинъ еще въ Галліи пришелъ къ рѣшимости опереться на помощь христіанскаго Бога, тамъ устроенъ былъ для него лабарумъ, и уже въ первыхъ побѣдахъ надъ непріятелемъ онъ могъ усматривать божественное содѣйствіе себѣ, то это не исключало для него необходимости внушать увѣренность въ побѣдѣ при содѣйствіи высшей силы и въ своихъ воинахъ и поддерживать эту увѣренность въ дальнѣйшее время. Но самымъ критическимъ моментомъ въ его предпріятіи было именно предстоявшее ему предъ стѣнами Рима сраженіе съ Максентіемъ. Неудивительно, что именно непосредственно предъ этою опасною минутою, имѣя уже при себѣ лабарумъ, онъ прибѣгнулъ для воодушевленія своихъ воиновъ еще и къ той мѣрѣ, о которой сообщаетъ Лактанцій. Вопросъ можетъ возникать въ этомъ случаѣ развѣ лишь о томъ, было ли «внушеніе во снѣ», о которомъ говоритъ Лактанцій, новымъ внушеніемъ, или же Константинъ дѣйствовалъ руководясь бывшимъ еще ранѣе въ Галліи сновидѣніемъ, касавшимся только лабарума и монограммы на немъ, и теперь по собственной иниціативѣ повелѣлъ изобразить монограмму и на щитахъ,—но въ передачѣ у Лактанція это бывшее еще ранѣе сновидѣніе оказалось поставленнымъ въ непосредственную близость къ этому распоряженію относительно щитовъ. Но нѣтъ рѣшительныхъ основаній и въ этомъ случаѣ отступать отъ буквальнаго смысла его разсказа [1]).

---

[1]) Вопросъ о томъ, гдѣ и когда было видѣніе Константину, съ давнихъ поръ рѣшается неодинаково. Такъ, Бароній и Тильмонъ высказывались за Галлію, Балюзъ и Паджи за Италію. Особо важное значеніе онъ получаетъ потому, что въ связи съ нимъ обычно рѣшаютъ вопросъ о самой достовѣрности двухъ имѣющихся столь несходныхъ сказаній о побѣдѣ Константина надъ Максентіемъ—Лактанція и Евсевія,—то довѣряя одному изъ нихъ, то другому, то заподозрѣвая или совсѣмъ отрицая достовѣрность обоихъ. Въ дѣйствительности еще *Тильмонъ* (IV, 632, cf. 128), съ свойственными ему внимательнымъ отношеніемъ къ источникамъ и вѣрностью сужденія, отмѣтилъ, что изъ текста Евсевія никоимъ образомъ нельзя вывести убѣжденія, будто онъ полагалъ видѣніе бывшимъ уже наканунѣ гибели Максентія, и поэтому нужно или

Такимъ образомъ, если обычно обращаетъ на себя особое вниманіе видимое несогласіе разсказа Евсевія съ сообщеніемъ Лактанція и является одной изъ причинъ скептическаго отно-

---

допустить, что кто-либо, или Евсевій, или Лактанцій, ошибается, или же признать, что это—двѣ совершенно различныя исторіи; самъ Тилльмонъ не видитъ никакихъ препятствій къ принятію послѣдняго мнѣнія.—Въ литературѣ новѣйшаго времени попытка доказать, что видѣніе было подъ стѣнами Рима (хотя бы и не наканунѣ сраженія съ Максентіемъ, какъ говоритъ Лактанцій), сдѣлана въ довольно длинномъ разсужденіи *Sesan*'омъ (340—348). — Обстоятельное разъясненіе, что это было—по Евсевію—еще предъ походомъ, въ Галліи, можно читать въ изслѣдованіи *Schrörs*'а (29—35). Но отстаивая достовѣрность разсказа Евсевія, Schrörs въ то же время пытается (14—19, 36—37) безъ всякой нужды всячески, per fas et nefas, дискредитировать сообщеніе Лактанція, какъ совершенно будто бы легендарное (хотя, нужно замѣтить, изслѣдованіями послѣдняго времени устанавливается значеніе вообще показаній Лактанція, какъ историческаго источника, ср. *Bihlmeyer* въ Theol. Quartalschrift, 1912, 427). Между прочимъ, Schrörs (18—19) полагаетъ, что принятіе Лактанціемъ „басни" о явленіи Ликинію, предъ его сраженіемъ съ Максиминомъ 30 апрѣля, ангела, сообщившаго ему особую молитву (c. 46: „tunc proxima nocte Licinio quiescente adsistit angelus dei monens" etc.), роняетъ цѣну и параллельнаго извѣстія о Константинѣ (c. 44). Но можно, наоборотъ, думать, что весь разсказъ у Лактанція о побѣдѣ Ликинія надъ Максиминомъ, идущій, очевидно, съ своими подробностями, отъ участниковъ похода Ликинія, подтверждаетъ болѣе или менѣе достовѣрность сообщеній Лактанція и о войнѣ Константина. Дѣло въ данномъ случаѣ вовсе не въ томъ, что язычнику Ликинію не могъ явиться ангелъ и сообщить молитву, не заключавшую притомъ ничего специфически христіанскаго и составленную въ духѣ лишь самаго неопредѣленнаго монотеизма („summe, sancte deus"), но въ томъ, что Лактанцій приводитъ буквально — конечно неизмышленный имъ — самый текстъ продиктованной Ликиніемъ нотарію молитвы и съ совершенно правдоподобной конкретностью описываетъ дальнѣйшія происшествія („scribuntur haec in libellis pluribus et per praepositos tribunosque mittuntur, ut suos quisque milites doceat" etc.). Явленіе во снѣ ангела и Христа могли засвидѣтельствовать только сами Ликиній и Константинъ, и никакой провѣркѣ ихъ увѣренія не могли подлежать уже и въ то время. Но какъ бы ни относиться къ ихъ увѣреніямъ, нѣтъ основаній отвергать чисто внѣшніе факты, фактъ изданія особой молитвы Ликиніемъ и фактъ распоряженія Константина о монограммѣ на щитахъ (Schrörs, 17, преувеличиваетъ техническія трудности при выполненіи этого распоряженія). При этомъ, что касается вопроса о разсказѣ самаго Ликинія о явленіи ему ангела, то если не признавать по отношенію къ нему „визіонерства" (о его языческомъ суевѣрномъ настроеніи въ послѣдующее время ср. V. C. II, 4), почему не допустить со стороны хитраго старика и намѣреннаго измышленія? И если для Константина Schrörs не хотѣлъ бы допускать еще второго сновидѣнія, какъ другого чуда (37), то

шенія къ достовѣрности этихъ сказаній, то въ дѣйствительности это различіе можно объяснить именно тѣмъ, что эти авторы не только имѣютъ разные источники для своихъ повѣствованій, но и говорятъ о двухъ разныхъ фактахъ, бывшихъ въ разное время. Лактанцій говоритъ о монограммѣ на щитахъ солдатъ, но умалчиваетъ о лабарумѣ; Евсевій, наоборотъ, говоритъ только о лабарумѣ и не упоминаетъ о монограммѣ на щитахъ. Но Евсевій передаетъ слышанное отъ самого Константина, для Лактанція же источникомъ послужили извѣстія, шедшія, можетъ быть, лишь отъ офицеровъ, или и просто рядовыхъ воиновъ—участниковъ похода Константина. У Константина и Евсевія рѣчь была именно о видѣніи Константину въ Галліи и только объ этомъ событіи разсказывалъ Евсевію Константинъ. Для Константина лично интересъ вообще сосредоточивался именно на лабарумѣ. Но помимо устройства лабарума могло быть сдѣлано еще и распоряженіе о начертаніи монограммы, какъ христіанскаго знака, на щитахъ непосредственно предъ битвой съ Максентіемъ [1]). Объ этой подробности Константинъ не сообщилъ Евсевію, такъ какъ она относилась уже къ дальнѣйшему времени. Но въ памяти и начальниковъ отрядовъ, и каждаго отдѣльнаго солдата, она должна была въ свое время отпечатлѣться тверже, чѣмъ фактъ устройства царскаго знамени [2]).

онъ могъ бы для этого случая вспомнить то, что сказано у него же вообще о „визіонерствѣ“ Константина и „мистическомъ настроеніи (Zug), которое могло при случаѣ возвышаться до религіозной экзальтаціи“ (52—58, 57; ср. *Keim*, Uebertritt, 89).—Достовѣрными признаетъ и разсказъ Евсевія о видѣніи креста и явленіи Спасителя во снѣ Константину еще въ Галліи, и разсказъ Лактанція о начертаніи монограммы на щитахъ предъ сраженіемъ, *F. Savio*, La guerra di Constantino contro Massenzio e le apparizioni miracolose della Croce e del Salvatore, въ Civiltà cattolica, 1913, II, 27—8. Лактанцій, по нему, неправильно лишь перенесъ бывшее въ Галліи чудесное событіе—откровеніе, о которомъ онъ зналъ лишь по неопредѣленнымъ слухамъ, въ Италію (Schrörs, 37_1, совершенно въ обратномъ смыслѣ передаетъ мнѣніе Savio, когда говоритъ о двухъ — по Savio — различныхъ видѣніяхъ съ чудеснымъ характеромъ).

[1]) Если признавать, что по Лактанцію монограмма на щитахъ имѣла одинъ видъ, по Евсевію же монограмма на лабарумѣ оказывается уже иного вида, то и это обстоятельство едва ли должно возбуждать какія-либо недоумѣнія. Въ употребленіи были объ формы ея, какъ это могли разъяснить Константину христіанскіе учители, и объ могли быть поэтому примѣнены въ разныхъ случаяхъ.

[2]) Изъ болѣе позднихъ писателей Руфинъ въ своемъ переводѣ исторіи Евсевія на латинскій языкъ (403—410) замѣняетъ краткое со-

Что Константинъ самъ не находилъ нужнымъ въ свое время выступать съ открытымъ разъясненіемъ, въ чемъ состояло бывшее ему видѣніе и какъ онъ самъ понимаетъ его, и пре-

---

общеніе Евсевія, IX, 9, 1—3, своимъ совершенно особымъ разсказомъ (ed. *Mommsen*, p. 827. 829). Когда императоръ выступилъ въ походъ, онъ былъ уже (erat quidem iam tunc), по Руфину, покровителемъ христіанской религіи и почитателемъ истиннаго Бога, только не получилъ еще крещенія. Во время похода онъ въ смущеніи размышлялъ о предстоящей войнѣ и часто поднималъ очи къ небу, прося божественной себѣ помощи, и онъ „видитъ во снѣ на небѣ, въ восточной части, знаменіе креста, сіяющее огненнымъ блескомъ (cum — — iter ageret — — , videt per soporem ad orientis partem in caelo signum crucis igneo fulgore rutilare). Когда онъ былъ устрашенъ такимъ видѣніемъ и смущенъ необычайностью зрѣлища, онъ видитъ вблизи себя ангеловъ, обращающихся къ нему съ словами: „Константинъ, τούτῳ νίκα“. т. е. „симъ побѣждай“ (adstare sibi videt angelos dicentes: „Constantine, τούτῳ νίκα“, quod est: in hoc vince). Тогда, обрадованный и увѣренный уже въ побѣдѣ, онъ знаменуетъ на своемъ челѣ видѣнное имъ на небѣ знаменіе креста (signum crucis quod in caelo viderat, in sua fronte designat); и такимъ образомъ, призванный къ вѣрѣ съ неба (caelitus), онъ, мнѣ кажется, не ниже того, кому также съ неба (de caelo) было сказано: *Савлъ, Савлъ, что ты гонишь Меня? Я Іисусъ Назорей* (Дѣян. 22, 7. 8), съ тѣмъ лишь различіемъ, что онъ призывается не какъ еще преслѣдователь, но какъ уже послѣдователь. Поэтому знаменіе, которое было явлено ему на небѣ, онъ дѣлаетъ образцомъ при устройствѣ военныхъ знаменъ, и такъ называемый лабарумъ устрояетъ въ видѣ креста Господня (signum — — in militaria vexilla transformat ac labarum, quem dicunt, in speciem crucis dominicae exaptat), и такимъ образомъ, снабженный оружіемъ и знаменами религіи, выступаетъ противъ оружія нечестивыхъ. Но сверхъ того передаютъ, что и въ правой своей рукѣ онъ имѣлъ сдѣланное изъ золота знаменіе креста (sed et in dextera sua manu signum nihilominus crucis ex auro fabrefactum habuisse perhibetur)“. Дальнѣйшее изложеніе, о гибели Максентія, о вступленіи Константина въ Римъ, о статуѣ съ крестомъ въ рукѣ и надписью (832: ubi imagines sibi ob honorem triumphanti senatus erexit, vexillum dominicae crucis in dextera sua iubet depingi et subter adscribi. etc.) въ общемъ соотвѣтствуетъ тексту Евсевія. Неизвѣстно, откуда Лактанцій заимствовалъ данныя, частію несогласныя съ сообщеніями Лактанція и Евсевія въ „Жизни Константина“ и потому довѣрія не заслуживающія, частію лишь дополняющія ихъ (о видѣніи креста на небѣ во снѣ, объ ангелахъ, о начертаніи на челѣ крестнаго знаменія, о крестѣ въ рукѣ Константина).—У Филосторгія въ церковной исторіи (425—433) сообщалось, что знаменіе креста явилось на востокѣ и занимало большое пространство, было образовано изъ поразительнаго сіянія и окружено надписью изъ звѣздъ, расположенныхъ въ видѣ радуги и составившихъ слова (на латинскомъ языкѣ): „симъ побѣждай“. I, 6, *Bidez* (1913) p. 7, ap. Photium: τὸ τοῦ σταυροῦ σημεῖον κατὰ ἀνατολὰς ἐπὶ μήκιστον ὤφθη διῆκον, αὐγῆς αὐτὸν καταπληττούσης διατοπου-

доставлялъ обращаться въ языческой средѣ, можетъ быть, и христіанской, разнымъ легендамъ по этому поводу и лишь въ позднѣйшія уже времена сообщилъ о немъ подробнѣе напр. Евсевію, какъ особо приближенному къ нему лицу, это можетъ находить объясненіе въ томъ, что событіе это имѣло особое значеніе лично для самого императора; убѣдить язычниковъ открытымъ разсказомъ о немъ, какъ чудѣ, разумѣется, не было возможно, и для императора, въ его тогдашнемъ положеніи въ языческой средѣ, было, можетъ быть, даже удобнѣе окружить этотъ фактъ болѣе или менѣе таинственностью [1]).

Успѣшныя, хотя потребовавшія не мало искусства и усилій, военныя дѣйствія въ сѣверной Италіи должны были болѣе или менѣе ободрить смѣлаго полководца и его воиновъ. Но главная трудность борьбы была еще впереди, при приближе-

---

μένης, καὶ ἀστέρων αὐτὸν κύκλῳ περιθεόντων ἴριδος τρόπῳ καὶ πρὸς γραμμάτων χαρακτῆρα ῥυθμιζομένων· τὰ δὲ ἄρα Ῥωμαίων ἔλεγε φωνῇ· „ἐν τούτῳ νίκα". Сообщеніе и Руфина и Филосторгія, что знаменіе креста видимо было на восточной сторонѣ неба, очевидно, несогласно съ извѣстіемъ у Евсевія, что Константинъ видѣлъ его вскорѣ послѣ полудня надъ солнцемъ (ὑπερκείμενον τοῦ ἡλίου). Въ Artemii Passio, 45, Іоанна родосскаго (до X в.), пользовавшагося исторіей Филосторгія, этой несообразности уже нѣтъ (*Bidez*, 7). Артемій, по этому памятнику, между прочимъ, заявляетъ въ своей рѣчи къ Юліану Отступнику, что и онъ, какъ участникъ похода, видѣлъ знаменіе, и въ войскѣ Юліана имѣется много и другихъ свидѣтелей его.—Сократъ, I, 2, повторяетъ вообще разсказъ Евсевія въ „Жизни Константина". Но ср. I, 2, 4, *Hussey*, I, p. 5: εἶδεν ἐν τῷ οὐρανῷ στύλον φωτὸς σταυροειδῆ, ἐν ᾧ γράμματα ἦν λέγοντα, Ἐν τούτῳ νίκα. Знамя Константина, по Сократу, хранилось и въ его времена во дворцѣ (I, 2, 7).—Созоменъ, I, 3, сначала приводитъ сообщеніе Руфина (не называя его имени) о видѣніи Константиномъ знаменія креста во снѣ и обращенныхъ къ нему словахъ ангеловъ. *Hussey*, I, p. 23: ὄναρ εἶδε τὸ τοῦ σταυροῦ σημεῖον ἐν τῷ οὐρανῷ σελαγίζον. Τεθηπότι δὲ αὐτῷ πρὸς τὴν ὄψιν, παραστάντες θεῖοι ἄγγελοι, ᾧ Κωνσταντῖνε, ἔφησαν, ἐν τούτῳ νίκα. Но вслѣдъ затѣмъ онъ передаетъ съ подробностью и разсказъ Евсевія о видѣніи креста наяву и о явленіи ночью во снѣ Христа, и самъ не высказывается прямо ни за то, ни за другое повѣствованіе.—У Θеодорита, I, 2, имѣется лишь общее замѣчаніе о призваніи Константина свыше, подобно ап. Павлу.

[1]) Ср. соображенія у *Schrörs*'а, 68—9. Константинъ, по Евсевію, послѣ сновидѣнія только друзьямъ разсказываетъ тайну (I, 30: τοῖς φίλοις ἐξηγόρευε τὸ ἀπόρρητον) и обращается за разъясненіями къ христіанскимъ учителямъ. Τὸ στρατιωτικὸν ἅπαν у Евсевія I, 28, не означаетъ непремѣнно все войско, а очевидно лишь свиту, отрядъ, сопутствовавшій императору при какомъ-то переходѣ (στελλομένῳ ἡμῖν πορείαν) въ Галліи. Ср. *В. В. Болотовъ*, Лекціи, III, 12. *Schrörs*, 30.

ніи къ Риму. Все сдѣланное доселѣ имѣло очень мало значенія, пока Максентій имѣлъ въ своихъ рукахъ Римъ и держался въ немъ, такъ какъ Константинъ не располагалъ нужными для осады силами и, кромѣ того, осаду Максентій, въ виду сдѣланныхъ запасовъ, могъ выдерживать очень долго. Благодаря пассивному способу сопротивленія, не выходя изъ Рима, онъ уже ранѣе одержалъ верхъ сначала надъ Северомъ, потомъ надъ Галеріемъ. И въ данномъ случаѣ болѣе всего можно было бояться того, что онъ, если и вышлетъ часть своихъ силъ для сраженія, самъ однако, какъ онъ дѣлалъ это прежде, будетъ пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ въ укрѣпленномъ городѣ.

Максентій, бывшій, не смотря на прекращеніе имъ гоненія на христіанъ, ревностнымъ язычникомъ и постоянно прежде обращавшійся къ языческимъ гадателямъ, и теперь рѣшился ввѣрить свою судьбу тѣмъ же руководителямъ и дѣйствовать по ихъ указанію. Оба противника, такимъ образомъ, искали помощи въ религіи, одинъ обращался къ Богу христіанъ, другой хотѣлъ найти поддержку для себя въ язычествѣ. Побѣда одного изъ нихъ должна была быть какъ бы свидѣтельствомъ истинности той религіи, которой онъ держался.

Сивиллины книги дали Максентію отвѣтъ, что въ день вступленія его во власть (28 октября) погибнетъ врагъ римлянъ. Въ сновидѣніи онъ, кромѣ того, получилъ внушеніе оставить мѣсто своего тогдашняго жительства, такъ что 26 числа онъ изъ дворца перешелъ въ частный домъ. Чтобы оправдать предсказаніе о гибели врага римлянъ, т. е., какъ думалъ Максентій, Константина, и уничтожить его, въ означенный день онъ, вопреки всякимъ ожиданіямъ и прежнимъ собственнымъ намѣреніямъ, вышелъ съ войскомъ изъ Рима, при Мульвійскомъ мостѣ перевелъ его чрезъ Тибръ и повелъ къ Rubra Saxa противъ Константина по Фламиніевой дорогѣ между Тибромъ и рядомъ холмовъ. Константинъ искуснымъ маневромъ немедленно обошелъ непріятеля, пришелъ къ Мульвійскому мосту, такъ что войско Максентія оказалось запертымъ въ тѣснинѣ, и далъ рѣшительное сраженіе при самомъ неудобномъ положеніи для непріятеля, который долженъ былъ обратиться тыломъ къ Тибру, при чемъ задніе ряды были тѣснимы въ бурную рѣку при малѣйшемъ отступленіи переднихъ [1]). Побѣда была самая бле-

[1]) Ср. *O. Seeck*, Geschichte des Untergangs der antiken Welt. I³. Berlin 1910. S. 131—134. Нѣсколько иначе представляетъ ходъ сраженія

стящая; самъ Максентій погибъ въ Тибрѣ, подобно фараону съ его воинствомъ, по сравненію Евсевія.

И самъ Константинъ и его современники приписывали эту побѣду божественной помощи. Сенатъ воздвигъ чрезъ нѣсколько лѣтъ (315) въ честь Константина арку за то, что онъ «внушеніемъ Божества (instinctu Divinitatis) и величіемъ духа» освободилъ государство отъ тиранна.

Пробывъ въ Римѣ лишь недолгое время, Константинъ отправился въ Миланъ [1]). Сюда прибылъ и Ликиній, союзъ котораго съ Константиномъ скрѣпленъ былъ отпразднованнымъ здѣсь бракомъ его съ сестрою Константина Констанціею. Приглашенъ былъ въ Миланъ по случаю этого торжества и Діоклетіанъ изъ его уединенія въ Салонѣ въ Далматіи, но, ссылаясь на старость, отказался пріѣхать. Во время пребыванія августовъ въ Миланѣ, продолжавшагося не далѣе апрѣля, послѣ взаимнаго совѣщанія, сдѣлано было законодательное постановленіе, которымъ опредѣлялось положеніе христіанъ въ имперіи. Можетъ быть, еще ранѣе этого Константинъ обращался къ проконсулу Африки Анулину съ рескриптомъ о возвращеніи христіанамъ («каѳолической церкви») отобранныхъ у нихъ ранѣе имуществъ.

Увѣдомленіе о побѣдѣ надъ Максентіемъ и новый законъ посланы были и Максимину. Но тотъ вовсе не былъ расположенъ принять его и въ рескриптѣ своему префекту съ одобреніемъ отзывался о попыткахъ Діоклетіана и Максиміана такъ или иначе привлечь къ почитанію боговъ отступниковъ-христіанъ, только признавалъ, что нужно дѣлать это безъ жестокихъ мѣръ, къ которымъ однако и самъ постоянно обращался. Вскорѣ онъ напалъ на владѣнія Ликинія, осадивъ Византію. Послѣдовавшая затѣмъ война съ нимъ Ликинія являлась дальнѣйшимъ продолженіемъ борьбы двухъ религій. Ликиній распространилъ даже въ войскѣ предъ битвою особую молитву къ высочайшему Богу, какъ открытую ему, по сообщенію Лак-

---

K. R. von Landmann, Konstantin der Grosse als Feldherr, въ сборникѣ, изданномъ подъ редакціей Dölger'a, S. 147—150.

[1]) Обычно полагаютъ, что Константинъ оставался въ Римѣ до 1 января, до провозглашенія его и Ликинія консулами. *P. Batiffol*, Les étapes de la conversion de Constantin, въ Bulletin d'ancienne littérature et d'arch. chrétiennes, 1913, № 4. 241, изъ словъ Лактанція (c. 45): „hieme proxima Mediolanum concessit“ дѣлаетъ выводъ, что онъ отправился изъ Рима еще до 1 января.

танція, во снѣ ангеломъ. 30 апрѣля Максиминъ потерпѣлъ пораженіе въ мѣстности Campus Serenus. И въ бывшихъ его владѣніяхъ послѣ этого вошло въ силу опубликованное въ Никомидіи 13 іюня Ликиніемъ миланское постановленіе. Самъ Максиминъ, казнивъ предсказывавшихъ ему побѣду жрецовъ и прорицателей, теперь поспѣшилъ тоже издать указъ о полной свободѣ для христіанъ и даже о возвращеніи имъ отобранныхъ имуществъ. Но попытка его продолжать борьбу съ Ликиніемъ не могла имѣть успѣха, и вскорѣ самъ онъ погибъ.

Вѣрнымъ принятому подъ вліяніемъ Константина и провозглашенному на востокѣ закону не оказался потомъ, какъ извѣстно, и Ликиній, по воззрѣніямъ и настроенію всегда остававшійся язычникомъ. Константину, поэтому, и съ нимъ затѣмъ пришлось вступить въ борьбу за свободу и права христіанства, и только съ утвержденіемъ потомъ въ 324 г. власти Константина и въ восточной половинѣ имперіи могли найти всюду осуществленіе провозглашенные въ Миланѣ въ 313 г. принципы.

А. Брилліантовъ.

Воспоминанія стараго профессора

(съ 1847 по 1913 г.).

СТАРОСТЬ любитъ вспоминать старое доброе время, живя, можно сказать, болѣе прошлымъ, чѣмъ настоящимъ. А потому читатели, вѣроятно, не особенно удивятся появленію моихъ «Воспоминаній».

Долженъ, однако, сказать, что эти «Воспоминанія» вызваны не столько внутренней моей потребностью подѣлиться впечатлѣніями изъ прошлаго, можетъ быть не безъинтересными для читателей, сколько внѣшними возбужденіями, именно настойчивыми просьбами моихъ дорогихъ сослуживцевъ по с.-петербургской духовной Академіи, чтобы я подѣлился своими воспоминаніями изъ многихъ лѣтъ моей академической службы, сначала въ московской духовной Академіи (4 года), а потомъ въ петербургской (29 лѣтъ) и кромѣ того тѣмъ, что мною пережито во времена моего студенчества (1859—1863 г.).

Означенныя настойчивыя просьбы моихъ бывшихъ коллегъ особенно усилились предъ столѣтнимъ юбилеемъ нашей с.-петербургской Академіи въ 1909 г. и во время празднованія его. Но сначала я рѣшительно отклонялъ эти просьбы, стѣсняясь, по свойству своего характера, выдвигать свою личность, если не на первый планъ, то во всякомъ случаѣ на весьма видное мѣсто, что неизбѣжно, въ большей или меньшей степени во всякихъ мемуарахъ. Однако, въ день моего 50-лѣтняго юбилея (18 ноября 1913 г.) моя рѣшимость значительно поколебалась. Съ одной стороны, въ этотъ знаменательный для меня день съ особенною силою нахлынулъ на меня потокъ воспоминаній и отчасти вылился въ моихъ рѣ-

чахъ предъ делегатами отъ петербургской Академіи (заслуж. проф. и директоръ спб. Археолог. Инст. Н. В. Покровскій и проф.-прот. П. И. Лепорскій), почтившими меня посѣщеніемъ въ Гатчинскомъ моемъ уединеніи и привезшими тронувшій меня до глубины души адресъ отъ моей дорогой матери—Академіи. Съ другой стороны, среди дружеской бесѣды по этому случаю, опять начались рѣчи на прежнюю тему о воспоминаніяхъ съ усиленнымъ настаиваньемъ на ихъ составленіи. Все начало клонить меня въ сторону противную первоначальному моему рѣшенію.

Послѣдній толчекъ въ этомъ направленіи далъ многоуважаемый редакторъ «Христ. Чтен.», потребовавшій отъ меня какой-либо статьи для этого журнала «по случаю моего юбилея». Справедливости его требованія я не могъ отрицать и рѣшился его исполнить. Но все-таки сначала я думалъ представить въ редакцію нѣчто изъ моихъ академическихъ чтеній по догматическому богословію. Однако, подъ конецъ, меня взяло раздумье: не лучше ли подѣлиться съ читателями этого старѣйшаго академическаго журнала моими воспоминаніями, преимущественно изъ академической жизни и чрезъ то удовлетворить и редакцію академическаго журнала и желаніе моихъ дорогихъ коллегъ по Академіи. Нѣчто, думалъ я, изъ академическихъ моихъ лекцій, заслуживающее напечатанія, можетъ, если будетъ то угодно Богу, сохраниться въ моихъ рукописяхъ и не пропасть для читателей и послѣ моей смерти, а мои воспоминанія, если я буду медлить, да раздумывать, могутъ сойти со мною въ могилу, которая во всякомъ случаѣ, при 77-лѣтнемъ моемъ возрастѣ (1836—1913 г.), отъ меня недалека. При этомъ приходили мнѣ на мысль слѣдующія соображенія. Быть можетъ, краткая лѣтопись моей жизни для пожилыхъ читателей нашего духовнаго журнала представитъ нѣчто небезынтересное въ томъ отношеніи, что напомнитъ достолюбезную многимъ старину, а для молодого поколѣнія дастъ еще и нѣчто нелишенное поучительности. А затѣмъ лѣтопись человѣка, прожившаго всю сознательную жизнь въ тѣсной, неразрывной связи съ духовною школою, можетъ оказаться небезполезною и вотъ еще въ какомъ отношеніи. Въ настоящее время, когда поднятъ вопросъ о коренномъ преобразованіи духовной школы, не послужитъ ли она въ качествѣ какъ бы своего рода исторической справки изъ прошлаго нашей духовной школы. Всѣ

эти соображенія окончательно склонили меня къ составленію моихъ воспоминаній.

Вотъ, благосклонные мои читатели, исторія происхожденія моихъ «воспоминаній».

Да простятъ они: 1) неточность нѣкоторыхъ хронологическихъ данныхъ, ибо я никогда не велъ дневниковъ и даже хотя бы краткихъ записей, о чемъ теперь очень сожалѣю; 2) что я невольно ставлю себя въ центрѣ совершающагося вокругъ меня, чего всячески хотѣлъ бы избѣжать, но, какъ увидятъ они, далеко не всегда могъ; 3) ошибки памяти и свойственныя человѣческой слабости пристрастія относительно лицъ и событій, встрѣчавшихся на моемъ жизненномъ пути, хотя старался въ этомъ отношеніи быть объективнымъ и безпристрастнымъ, насколько могъ, наконецъ 4) множество мелочей изъ обыденной жизни, которыя попали въ мои воспоминанія и которыхъ я не избѣгалъ, полагая, что они иногда служатъ лучшей иллюстраціей событій и лицъ, чѣмъ голословныя ихъ характеристики.

Гатчина, 29 ноября 1913 г.

1. Дѣтство и нижегородское духовное училище.

Начинаю съ первыхъ дней моей жизни, стараясь, однако, быть краткимъ относительно перваго ея періода, до поступленія въ Академію, чтобы поболѣе посвятить мѣста и времени второму періоду—ученія въ Академіи и третьему періоду—академической моей службы, что составляетъ главную цѣль моихъ «Воспоминаній».

Родился я въ 1836 г., 19 ноября, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ приходѣ преп. Сергія, гдѣ мой отецъ съ 1834 г. былъ діакономъ этой церкви (Сергіевской, какъ она и называлась офиціально). И замѣчательное совпаденіе: началъ я жизнь подъ покровомъ преп. Сергія и вступилъ въ дѣйствительную, какъ говорятъ, жизнь, т. е. началъ службу, также въ обители преп. Сергія, въ московской духовной Академіи, находящейся, какъ извѣстно, въ оградѣ Троицко-Сергіевой Лавры. Сюда же можно отнести слѣдующій случай: у моего отца былъ знакомый діаконъ, имѣвшій модель Троице-Сергіевой Лавры, разбиравшуюся и складывавшуюся, въ видѣ отдѣльныхъ кубиковъ. Маленькимъ мальчикомъ не разъ я видалъ эту модель, которую этотъ діаконъ приносилъ къ намъ въ домъ и старался

обратить на нее мое особенное вниманіе, вѣроятно какъ на игрушку, интересную для маленькаго мальчика. Думалъ ли я тогда, что это было какъ бы предзнаменованіемъ моей дальнѣйшей судьбы. Чрезъ много лѣтъ потомъ, во время моей службы въ московской Академіи, совершенно неожиданно, встрѣтилъ я упомянутаго діакона среди братіи Троице-Сергіевой Лавры, уже въ санѣ іеромонаха. Подивились мы тогда совпаденію настоящаго съ давно прошедшимъ.

Помню себя въ маленькомъ, принадлежавшемъ моему отцу, собственномъ домикѣ, недалеко отъ церкви, состоявшемъ всего изъ двухъ комнатъ, включая сюда и кухню, съ довольно большимъ фруктовымъ садомъ, по преимуществу вишневымъ, круто спускавшимся въ оврагъ,—мѣстоположеніе нелишенное красоты. И въ этомъ-то крохотномъ домикѣ, стоявшемъ на церковной землѣ [1]), конечно деревянномъ, довольно уже ветхомъ, ухитрялись помѣщаться четверо хозяевъ, а подъ конецъ даже пять человѣкъ [2]), да еще *иногда* прислуга (далеко не всегда она у насъ была) и кромѣ того, насколько помню, всегда два или три человѣка изъ семинаристовъ, по большей части нашихъ близкихъ родственниковъ (трехъ родныхъ братьевъ моего отца [3]), впрочемъ неодновременно; изъ чужихъ помню только одного).

---

[1]) Что еще болѣе понижало и безъ того малую его цѣнность, такъ что, при продажѣ его (по случаю переѣзда нашего семейства въ церковный домъ), въ 1853—4 году, за него получено было всего 500 р. ассигнаціями. Тогда былъ еще въ маломъ ходу счетъ на серебро, по крайней мѣрѣ въ провинціи, дешевизна на все была необычайная.

[2]) Съ рожденіемъ, на моей уже памяти, моей младшей сестры, все наше семейство состояло изъ 6 человѣкъ: отца, матери, меня и трехъ сестеръ, изъ которыхъ старшая, старше меня на годъ, не жила съ нами, а со дня рожденія и до замужества воспитывалась у дѣдушки, сельскаго священника. Такимъ, по количеству, наше семейство осталось до конца жизни нашихъ родителей.

[3]) Всего было ихъ четыре брата: отецъ мой, старшій братъ, по фамиліи Катанскій, второй—Иванъ Гер. Садовъ, третій Петръ Гер. Елеонскій, четвертый—Ѳедоръ Гер. тоже Елеонскій. Откуда такая разница въ фамиліяхъ, читатель увидитъ далѣе. Всѣ три брата вышли, можно сказать, изъ подъ крыла моего отца, почти все время ученія въ училищѣ и семинаріи жили у него, воспитались подъ его вліяніемъ и подъ конецъ жизни онъ имѣлъ рѣдкое утѣшеніе видѣть плоды воспитанія своихъ близкихъ родныхъ: оказалось цѣлое гнѣздо не безъизвѣстныхъ его выводковъ, что видно будетъ изъ дальнѣйшаго нашего разсказа.

Мой отецъ (Левъ Герасимовичъ Катанскій) [1]) былъ далеко небогатый человѣкъ, принужденный, по недостатку средствъ, самолично много работать по дому, въ особенности надъ его ремонтомъ, даже иногда капитальнымъ [2]), но онъ былъ богатъ другимъ, — крѣпкою, непоколебимою вѣрою въ Бога и глубокою религіозностью. Былъ онъ очень кроткаго, незлобиваго характера и строгой жизни, усиленно боролся съ своими недостатками и грѣховными склонностлми, по временамъ и надолго предаваясь чисто аскетическимъ подвигамъ (посту, молитвѣ и др.), которымъ мы всѣ удивлялись. При этомъ былъ еще необыкновенно ревностнымъ проповѣдникомъ, не опускавшимъ ни одного праздничнаго дня безъ проповѣди собственнаго сочиненія, что въ то время было далеко необычнымъ явленіемъ,—даже и въ средѣ городскихъ священниковъ и протоіереевъ нижегородскихъ, не говоря уже о діаконахъ, каковымъ въ ту пору, какъ сказано выше, былъ мой отецъ,— и что сдѣлало его извѣстнымъ всему городу и мѣстному епархіальному начальству, — въ особенности преосвященнымъ Іакову и Іереміи. Въ виду того, что моему отцу не всегда было удобно и даже возможно представлять свои проповѣди мѣстному цензору (которому обыкновенно носилъ ихъ я), когда напримѣръ скоплялось нѣсколько праздниковъ подрядъ, онъ нерѣдко произносилъ непроцензурованныя проповѣди. За это

---

[1]) Изъ воспитанниковъ нижегор. дух. семинаріи. Окончилъ онъ полный ея курсъ въ 1834 г., но выпущенъ съ аттестатомъ 2-го разряда, что считалъ несправедливостью и объяснялъ лишеніе его 1-го разряда интригою своего товарища, всесильнаго, по его словамъ, любимца тогдашняго ректора семинаріи Иннокентія, оставившаго, какъ видно изъ исторіи нижегор. сем., недобрую о себѣ память. Зная необыкновенную правдивость моего родителя и его дѣятельность, какъ проповѣдника (см. далѣе), не могу въ этомъ ни на минуту усумниться.

[2]) Живо помню, какъ отецъ задумалъ однажды поднять весь домъ, вынуть старыя, сгнившія бревна и замѣнить ихъ новыми и осуществилъ это, нанявъ плотниковъ, но самъ болѣе всѣхъ ихъ работая; какъ затѣмъ, по доносу сосѣда, въ самый разгаръ работы нагрянула къ намъ полиція, съ полицмейстеромъ во главѣ, и какъ смущенъ былъ отецъ, не испросившій разрѣшенія на эти работы, вѣроятно потому, что не надѣялся его получить, въ виду ветхости дома (дѣло, однако, обошлось благополучно); далѣе, какъ онъ вырылъ землянку и самъ устроилъ въ ней баню, которую полиція по лѣтамъ иногда запрещала топить (вѣроятно изъ опасенія пожаровъ); какъ онъ занимался разными подѣлками для домашняго обихода, смастерилъ даже цѣлый комодъ, правда, нужно признаться, не отличавшійся изяществомъ, но зато очень крѣпкій и удобный.

однажды даже подвергся (вѣроятно по чьему-либо доносу) наказанію, довольно правда легкому (кажется, сколько помнится, денежному штрафу—рубл. въ 3—5). Это было при преосв. Іереміи, благоволившемъ къ отцу за ревностное проповѣдничество и потому смягчившемъ наказаніе, при какой-то характерной по этому дѣлу резолюціи (какой—не помню).

Посвященный въ санъ діакона (1834 г.) преосв. Амвросіемъ (Моревымъ) [1])и прослуживъ 18 лѣтъ (1834—1853 г.) въ этомъ санѣ при епископахъ Іоаннѣ (Доброзраковѣ), Іаковѣ (Вечерковѣ) и Іереміи (Соловьевѣ), мой отецъ посвященъ былъ этимъ послѣднимъ во священника при слѣдующихъ замѣчательныхъ обстоятельствахъ. Къ 50-мъ годамъ у скромнаго діакона накопилась масса проповѣдей не только на воскресные и праздничные дни, но и поученій другого рода—катихизическихъ и о христіанскихъ добродѣтеляхъ и порокахъ. Своими проповѣдническими трудами мой родитель очень охотно дѣлился съ сельскими священниками, нерѣдко приходившими къ нему, какъ извѣстному проповѣднику, въ трудныя минуты жизни, когда нужно было представлять епарх. начальству проповѣди, а ихъ не было. По вызову преосвященныхъ Іакова и Іереміи, обращенному къ нижегородскому духовенству, представлять сборники проповѣдей на разсмотрѣніе, онъ нѣсколько разъ подавалъ этимъ преосвященнымъ свои объемистыя тетради проповѣдей и поученій. Преосвященные одобряли и оказывали видимые знаки вниманія, а діаконъ проповѣдникъ, извѣстный всему городу и даже далеко за его предѣлами, все оставался діакономъ. Между тѣмъ домашніе, мать и ея отецъ, мой дѣдъ, въ виду немалаго нашего семейства и скудости доходовъ, падавшихъ на діаконскую долю отъ нашего небогатаго прихода,—настаивали, чтобы онъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его на мѣсто священника въ Нижнемъ. Но мой отецъ низачто не хотѣлъ этого сдѣлать, считая такую

---

[1]) 1807 г. кандид. (?) богосл. Александро-Невской сем., 1813 г.—префектъ Новгор. сем., 1816 г.—архим. Новгор. Антоніева монаст., 1822 г.—ректоръ Орловск. сем., 1823—еписк. Оренбургскій, 1828—Волынскій, 1832—Нижегор., 1835—Пензенскій, сконч. 1854 г. Хронологическія данныя въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, заимствую изъ труда Ю. В. Толстого, бывшаго тов. оберъ-прокур. Св. Синода: „Списки архіереевъ, архіер. каѳедръ іерархіи всероссійской (1721—1871 г.). Почему авторъ назвалъ пр. Амвросія „*канд.*“ Александро-Невской сем., неизвѣстно. Тогда такихъ степеней ученыхъ еще не было.

просьбу несовмѣстимою со своими взглядами на полученіе благодати священства, которая не выпрашивается. а сама избираетъ для себя достойный органъ. «Уже не думаешь ли ты, что архіерей самъ позоветъ тебя и спроситъ, не желаешь ли ты быть священникомъ; вотъ тебѣ мѣсто», иронически замѣчали ему домашніе. «А отъ чего же и не быть такъ, если на то будетъ воля Божія. Я вѣрую, что такъ и будетъ. Да, позоветъ и предложитъ. Вотъ увидите». «Дожидайся. Вотъ еще какой пророкъ нашелся», говорили ему домашніе. И вотъ, въ одинъ изъ дней апрѣля 1853 г., случилось именно то, что предсказывалъ отецъ: преосв. Іеремія посылаетъ къ нему своего келейника съ приглашеніемъ къ себѣ и, когда тотъ явился, предлагаетъ ему мѣсто второго священника при Георгіевской церкви въ Нижнемъ, въ помощь заслуженному, но ослабѣвшему силами старцу протоіерею (І. А. Граціанову). Въ санѣ священника, а потомъ протоіерея и долгое время духовника градского духовенства Л. Г. прослужилъ еще 32 года, въ 1884 г. отпраздновавъ 50-лѣтній юбилей своей службы, въ 1887 г. поступилъ въ заштатъ по болѣзни и въ 1889 г. скончался. Въ концѣ своей жизни, окруженный общимъ уваженіемъ, онъ имѣлъ еще особенное утѣшеніе—насчитать изъ своихъ ближайшихъ родныхъ, по истинѣ его питомцевъ, выросшихъ подъ его вліяніемъ и руководствомъ, 5 человѣкъ съ академическимъ образованіемъ и учеными степенями и званіями: 2 ординарныхъ профессоровъ спб. дух. Академіи и докторовъ богословія (сына А. Л. К—го, роднаго брата Ѳ. Г. Е—го), 2 магистровъ (А. И. Садова [1]) и Ѳ. П. Елеонскаго—преподавателя нижегор. дух. семинаріи—родныхъ племянниковъ) и 1 кандидата богословія (Ѳ. И. Садова, преподавателя харьковской семинаріи—также роднаго племянника [2]). Дочери его всѣ были устроены, выданы замужъ за лучшихъ изъ студентовъ мѣстной семинаріи, бывшихъ въ Нижнемъ-Новгородѣ священниками. Мать моя, женщина очень

[1]) Въ то время А. И. Садовъ былъ еще магистромъ и экстраорд. спб. Акад. профессоромъ, но чрезъ нѣсколько времени и онъ получилъ степень доктора церковной исторіи и званіе ординарнаго профессора, а потомъ и заслуженнаго профессора.

[2]) Оба брата Садовы также жили нѣсколько времени въ нашемъ семействѣ. Ѳ. П. Елеонскій, хотя у насъ не жилъ (онъ какъ сирота жилъ въ бурсѣ), но и онъ не лишенъ былъ попеченія и надзора со стороны нашего семейства.

добраго сердца и религіозно-настроенная, но другого характера, чѣмъ отецъ, очень даровитая, но довольно бойкая и рѣзкая въ обращеніи, скончалась ранѣе его, за два года до его кончины.

Все дѣтство, отрочество и юношескіе годы провелъ я въ городѣ—Нижнемъ. Городской житель, я мало зналъ деревню. О ней получилъ понятіе только тогда, когда навѣщалъ, съ самыхъ впрочемъ малыхъ лѣтъ, своего дѣда, отца матери, священника въ одномъ большомъ и богатомъ селѣ Пурехѣ, въ 70 верстахъ отъ Нижняго, вверхъ по Волгѣ. Въ этомъ селѣ, бывшемъ когда-то вотчиною князя Пожарскаго, находится древняя церковь (съ реликвіями отъ знаменитаго князя), въ два этажа, изъ которыхъ нижній очень напоминаетъ собою древнія монастырскія церкви (очевидно, она нѣкогда была монастырскою), съ двумя высокими колокольнями и множествомъ колоколовъ (300, 200 и т. д. пудовъ) [1]). Этотъ мой дѣдъ, Е. А. Бардовъ, одинъ изъ трехъ священниковъ этого села, былъ воспитанникомъ еще старой, дореформенной (1809 г.) школы, не окончивъ полнаго курса семинаріи, вышелъ изъ нея за годъ до окончанія курса (1811—1812 г.), по предложенію тогдашняго преосвященнаго [2]) занять мѣсто священника. Мой дѣдъ очень любилъ разсказывать и о старой школѣ, съ ея фарой, инфимой, поэзіей и т. д., и о преосвященныхъ его времени, въ особенности о пр. Моисеѣ Близнецовѣ-Платоновѣ [3]), этой превосходной, приближающейся къ оригиналу копіи съ знаменитаго Платона, митроп. московскаго (такъ же, какъ и онъ, величественной, красивой наружности), прекрасномъ ораторѣ и краснорѣчивомъ проповѣдникѣ. Этотъ мой дѣдъ очень любилъ пересыпать свою рѣчь латинскими пословицами и изреченіями и писать стихи (на русск. языкѣ). Стихотворцемъ онъ былъ положительно неутомимымъ и даже всѣ письма (напр. ко мнѣ, во время моего студенчества и службы въ моск. и петерб. Академіяхъ)

[1]) Тогда. Теперь есть уже въ 1000 пуд.

[2]) Вѣроятно, пр. Моисея. Тогда это было въ обычаѣ, даже и въ позднѣйшее время; въ 1828 г. такихъ лицъ было—8 чел., въ 1830—22 чел., 1832—18 чел., 1833—33 чел. (см. „Нижег. дух. сем. въ 1818—1840 годахъ", стр. 98).

[3]) 1792 г. изъ Троице-Лаврской сем., 1795 г.—префектъ ея, 1796—префектъ Славяно-грекс-латин. Акад., 1804—ректоръ ея, 1808—епископъ Пензенскій, 1811—Нижегородскій, 1825—сконч. и погребенъ въ нижегородскомъ каѳедр. соборѣ.

писалъ не иначе, какъ стихами. Передавъ мнѣ (чрезъ мою мать) много чертъ своей наружности, онъ, однако, не передалъ своего поэтическаго дара; я рѣшительно не имѣлъ способности писать стихи, что и обнаружилось въ низшемъ классѣ семинаріи (такъ наз. «словесности»). Скончался 86 лѣтъ.

Другой мой дѣдъ, со стороны отца, былъ въ другомъ родѣ. Окончивъ полный семинарскій курсъ и, даже кажется хорошо, онъ (Герасимъ Яковл. Владимірскій) былъ однако только діакономъ въ довольно бѣдномъ и отдаленномъ отъ Нижняго (въ 200 верстахъ слишкомъ) селѣ Успенскомъ, на Ветлугѣ, въ этомъ санѣ прожилъ тамъ всю свою жизнь и скончался также въ глубокой старости, свыше 80 лѣтъ. Среди нечастыхъ своихъ посѣщеній нашего дома (у него, въ селѣ, я никогда не бывалъ) онъ поражалъ меня очень кроткимъ выраженіемъ лица и въ высшей степени задумчивыми глазами, смотрящими куда-то вдаль, да еще своими разговорами съ моимъ отцемъ на религіозныя темы. Особенно живо помню ихъ бесѣду о причинахъ воплощенія Сына Божія. Дѣдъ не понималъ, почему оно было нужно, почему наше спасеніе не могло совершиться какъ-либо иначе. Отецъ старался выяснить, почему нужно было именно воплощеніе самого Сына Божія. Но дѣдъ все повторялъ: «не понимаю, не могу понять». Я былъ тогда очень малъ и, конечно, не могъ войти въ сущность спора и доводовъ той и другой стороны.

Подъ такими вліяніями я росъ и развивался. Но болѣе всѣхъ имѣлъ на меня вліянія мой отецъ.

Отецъ мой имѣлъ огромное на меня вліяніе, на мой характеръ, склонности и на складъ всей моей жизни—и своею личностью, примѣрами его жизни и принятою имъ системою воспитанія. А его система, съ которою согласна была вполнѣ и моя мать, состояла вотъ въ чемъ.

Прежде всего, онъ систематически удалялъ меня отъ всякаго рода товарищей, даже въ этихъ видахъ не позволялъ мнѣ прислуживать въ церковномъ алтарѣ (чего желалъ мѣстный священникъ), все изъ опасенія нравственной для меня порчи отъ сверстниковъ, прислуживавшихъ при богослуженіяхъ и подпадавшихъ, по его наблюденіямъ, разнымъ искушеніямъ отъ попадавшихъ въ ихъ руки, разными путями, денегъ. А денегъ въ моихъ рукахъ онъ боялся больше всего, почему до моего отправленія въ Академію у меня безусловно не было ни одной копѣйки въ личномъ моемъ распоряженіи,

на что я въ свое время, конечно, ропталъ, но за что теперь, оглядываясь на всю мою прошедшую жизнь, не могу не быть ему глубоко благодарнымъ.

И росъ я одинъ, безъ товарищей, проводя время въ играхъ только съ сестрами; не было у меня и дѣтскихъ игрушекъ, кромѣ самодѣльныхъ; въ этомъ отношеніи, какъ и вообще, меня не баловали, а можетъ быть, не было и средствъ. Характеръ выработался у меня сосредоточенный, а можетъ быть здѣсь сказалась и наслѣдственность—отъ отца. Неудивительно поэтому, что какъ только подросъ и научился читать и достаточно понимать прочитанное, я скоро пристрастился къ чтенію сначала житій святыхъ Св. Димитрія Ростовскаго—изъ церковной библіотеки, а потомъ и свѣтскихъ книгъ, историческихъ (напр. огромной римской исторіи—соч. Ролленя въ варварскомъ—уже и тогда мнѣ такъ казалось—переводѣ Третьяковскаго) и другихъ—до романовъ тогдашняго времени включительно,—изъ довольно большой библіотеки одного купца, нашего прихожанина [1]).

А что удаляли меня отъ алтаря, и это сказалось важными послѣдствіями для всего склада моей жизни. Постоянно посѣщая и по собственному желанію и по настоянію родителей богослуженія, но не примыкая къ клиру, всегда стоялъ я среди мірянъ, да такъ и остался мірянином на всю жизнь, хотя и родители и всѣ родные очень желали, чтобы я, состоя на должности, принялъ священный санъ, да и обстоятельства

---

[1]) „Римская исторія“ Ролленя представляла 9 огромныхъ томовъ. Его же есть „Древняя исторія“—13 томовъ. Не помню, читалъ ли послѣднюю, но первую читалъ долго и усердно, хотя и съ пропусками полнаго текста рѣчей разныхъ полководцевъ, въ родѣ Суллы, Помпея и др., которыя мнѣ надоѣдали.—Кстати,– о нашихъ прихожанахъ. Былъ у насъ одинъ очень замѣчательный человѣкъ, гроза нашего клира, въ особенности низшаго, Н. Ѳ. В-въ, богатый человѣкъ и въ чинахъ (кажется, над. сов.), имѣвшій большой каменный домъ какъ разъ противъ алтаря нашей церкви. Это былъ бывшій причетникъ, отданный въ солдаты за кражу чего-то (какъ самъ онъ разсказывалъ), попавшій въ войска путейскаго вѣдомства, дослужившійся здѣсь до чиновъ и даже орденовъ и составившій себѣ хорошее состояніе. Онъ былъ очень богомоленъ, внимателенъ къ нашему клиру и щедръ въ платѣ за требы и въ другихъ случаяхъ (напр. въ праздники дѣлалъ подарки свящ., діакону), но строго слѣдилъ за порядкомъ богослуженія и нерѣдко дѣлалъ выговоры, особенно причетникамъ. Его вообще очень побаивались, но уважали и цѣнили, какъ самаго важнаго и главнаго нашего прихожанина.

моей службы не разъ складывались такъ, что казалось невозможнымъ уклониться отъ священства, но всегда что-то меня отъ него удерживало, кромѣ сложившагося у меня необыкновенно высокаго взгляда на священство. Если тутъ нѣсколько виноватъ мой родитель, то, думаю, только въ очень малой степени. Мнѣ кажется, это дѣло Промысла Божія, ведущаго насъ по назначенному каждому изъ насъ пути. Меня Онъ предназначилъ, повидимому, для *безраздѣльнаго* служенія богословской наукѣ. И вотъ что замѣчательно: благодать Божія, отъ принятія которой въ таинствѣ священства я уклонялся, заставила меня все-таки поработать именно для нея въ моихъ наиболѣе значительныхъ сочиненіяхъ («О семи церковныхъ таинствахъ» и «О благодати Божіей», сюда же можно отнести и статьи «О церкви»).

Въ 1847 году поступилъ я въ Нижегородское духовное училище во II классъ, имѣя отъ роду 10 лѣтъ (поздненько, почему и окончилъ семинарію 21 года). Тогда духовныя училища состояли изъ четырехъ классовъ (I, II, III и IV). Первый былъ, такъ сказать, приготовительнымъ, въ немъ учили только читать и писать и, можетъ быть, самымъ первымъ правиламъ грамматики [1]). Первый и второй классъ имѣли курсъ годичный, а третій и четвертый—двухгодичный. Первые два класса составляли приходское училище, третій же и четвертый—уѣздное.

Поступилъ я во II кл. вмѣстѣ съ своимъ сверстникомъ и одногодкомъ Ѳ. Г. Елеонскимъ (былъ онъ старше меня только на полгода), роднымъ моимъ дядей, братомъ моего отца, бывшимъ послѣдніе годы заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ и почетнымъ членомъ С.-Петербургской духовной Академіи (сконч. въ 1906 г.). Привезенъ онъ былъ его отцомъ, а моимъ дѣдомъ изъ села Успенскаго, гдѣ его отецъ, былъ также діакономъ, какъ и мой. Живо помню, какъ мой отецъ и дѣдъ привели насъ съ Ѳ. Г. Ел—мъ къ ректору нижегор. дух. училища, прот. Лебединскому, бывшему въ то же время каѳедральнымъ протоіереемъ, но кажется еще не старшимъ [2]). Привели насъ въ большой ка-

---

[1]) Впрочемъ, хорошо этого не помню и не знаю, хотя и посылали меня иногда, какъ хорошаго ученика, изъ IV кл. въ I-й замѣнять тамъ учителя, въ его отсутствіе.

[2]) Тогда еще живъ былъ его тесть, протоіерей Фіалковскій, вмѣстѣ съ которымъ, въ одной квартирѣ, жилъ и нашъ училищный ректоръ о. Лебединскій (магистръ московской дух. Академіи IV курса 1820—

менный домъ соборнаго духовенства и поставили въ одной изъ прекрасныхъ, высокихъ и богато обставленныхъ комнатъ протоіерейской квартиры. Мы оба сильно трусили и отъ непривычной намъ обстановки, а главное отъ предстоящаго намъ, при поступленіи въ училище экзамена, но оказывается—совершенно напрасно, такъ какъ экзамена совсѣмъ не было. Предложенъ былъ нашимъ родителямъ только вопросъ, чему насъ учили и что мы знаемъ, а затѣмъ зашла рѣчь о томъ, подъ какими фамиліями насъ записать въ списокъ. На это отецъ мой заявилъ, что желалъ бы дать мнѣ фамилію «Невскій» по имени моего ангела, св. Александра Невскаго. Но тутъ о. ректоръ съ живостью замѣтилъ, повысивъ голосъ: «ну ужъ, нѣтъ, довольно мѣнять фамиліи; только что вышелъ указъ Св. Синода, запрещающій давать дѣтямъ произвольныя фамиліи. Пусть фамилія твоего сына будетъ Катанскій,—т. е. твоя фамилія». Но затѣмъ тутъ же самъ о. ректоръ совершилъ нарушеніе синодскаго указа. Когда мой дѣдъ, самъ по фамиліи Владимірскій, имѣя трехъ сыновей съ различными фамиліями (Катанскій, Садовъ и Елеонскій), заявилъ въ свою очередь, что желалъ бы своему четвертому сыну, Ѳедору Герасимовичу, дать фамилію «Ѳаворскій», о. ректоръ пришелъ въ негодованіе, воскликнувъ: «что же это такое? что за пестрота? Я знаю, что твой третій сынъ учится въ семинаріи (П. Г. Елеонскій, отецъ Ѳ. П. Ел—го, нынѣшняго преподавателя нижегор. дух. сем., магистра Спб. Академіи,—былъ онъ, кажется, тогда въ словесности или въ философскомъ классѣ, какъ тогда называли низшій и средній классы семинаріи), такъ пусть будетъ твой четвертый сынъ также Елеонскій. Почему же не «Владимірскій» по имени отца его, моего дѣда?—о ректоръ этого не объяснилъ [1]), а возразить ему, конечно, не посмѣли смиренные оо. діаконы. Въ заключеніе, а можетъ быть и въ самомъ началѣ аудіенціи у о. ректора (не помню) вручены были ему почтительно: моимъ родителемъ 1 р., а дѣдомъ, какъ болѣе бѣднымъ сельскимъ діакономъ, 50 к., что въ то время было въ общемъ обычаѣ и никого не смущало [2]).

1824 г., по выпускному списку значащійся подъ № 16). Онъ назывался именно „ректоромъ", а не „смотрителемъ", какъ уже и тогда назывались начальники училищъ—Печерскаго и Арзамасскаго.

[1]) Вѣроятно, во избѣжаніе упомянутой пестроты.

[2]) О. прот. Лебединскій, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, имѣвшій вѣсъ даже у пр. Іереміи, не глушался, какъ говорили, даже очень

Вступилъ я въ училище, какъ сказано выше, въ 1847 г. (конечно осенью, въ сентябрѣ), въ годъ перемѣны епархіальнаго начальства.

Въ этомъ году весною оставилъ нижегородскую каѳедру, назначенный архіепископомъ донскимъ, нашъ землякъ, нижегородецъ, епископъ Іоаннъ Доброзраковъ, 11-й магистръ II курса Спб. дух. Академіи, на которомъ первенцемъ оказался также нашъ землякъ, нижегородецъ Иванъ Михайловичъ Скворцовъ, впослѣдствіи профессоръ Кіевской дух. Академіи и университета, сначала магистръ, а потомъ докторъ богословія, авторъ многихъ капитальныхъ сочиненій и учебника по каноникѣ, который мы изучали въ семинаріи. Пр. Іоаннъ [1]) былъ также докторомъ богословія за свою свящ. герменевтику (напечатанную въ 1828 г.), и мы нижегородцы гордились ими обоими. Пр. Іоанна я никогда не видалъ [2]), но много слышалъ о немъ отъ отца, нашихъ родныхъ и знакомыхъ [3]). Пр. Іоаннъ, судя

малыми приношеніями, добродушно приговаривая при этомъ: „годится на горшки?“.

[1]) Окончилъ курсъ спб. Акад. въ 1817 г., 11-мъ магистромъ по списку; 1824—ректоръ спб. семинаріи, 1826—ректоръ спб. акад., 1830—епископъ Пензенскій, 1835—Нижегородскій, 1847—архіеп. Донской, 1867—уволенъ на покой въ Кременецкій Вознесенскій монастырь, съ пенсіею 1,500 р.—какъ почему-то о немъ одномъ замѣч. въ „Списк. архіер. и архіерейск. каѳ.“ Ю. В. Толстого,—вѣроятно потому, что это была усиленная тогда пенсія.

[2]) Помню только, какъ теперь, раздавшійся въ одинъ дѣйствительно прекрасный день, кажется раннею весною, звонъ во всѣхъ церквахъ, по случаю, какъ мнѣ сказали, отъѣзда пр. Іоанна на Донъ.

[3]) Между прочимъ, не мало намъ разсказывалъ о немъ его товарищъ по семинаріи, нашъ довольно близкій родственникъ (родной дядя моей матери и родной братъ нашей бабушкѣ), И. С. Бѣляевъ, діаконъ села Павлова—весьма замѣчательная личность. Первенецъ того семинарскаго курса, на которомъ состоялъ Михаилъ Добозраковъ (пр. Іоаннъ), окончившій семинарію кажется 5 или 6 студентомъ, И. С. Б-въ почему-то не попалъ въ академію, а посвященъ въ діакона богатаго села Павлова и здѣсь прожилъ всю жизнь. У насъ въ родствѣ считали его чуть не геніальнымъ, и дѣйствительно онъ производилъ на всѣхъ насъ впечатлѣніе человѣка необыкновенно умнаго, съ весьма выразительнымъ лицемъ, нѣсколько саркастическаго склада. Когда пр. Іоаннъ сдѣлался нижегородскимъ епископомъ, онъ вызвалъ къ себѣ бывшаго своего товарища и предложилъ ему мѣсто священника, но И. С. Б--въ не принялъ этого предложенія и на всю жизнь остался сельскимъ діакономъ. Не принялъ потому (какъ я понялъ изъ разговоровъ родныхъ,—я былъ тогда очень малъ), что не хотѣлъ одолжаться бывшему своему това-

по портрету, очень красивый лицемъ (чисто русскаго типа), по разсказамъ, очень краснорѣчивый и остроумный, добродушный, веселаго характера и очень общительный, любившій посѣщать гражданъ, даже купцовъ [1]), пользовался въ Нижнемъ большою любовію и уваженіемъ. Къ сожалѣнію, его одолѣвали родные, которыхъ было немало на его родинѣ и которымъ онъ покровительствовалъ поневолѣ, въ силу извѣстной пословицы, и только это одно падало нѣкоторою тѣнью на его блестящій образъ, сохранившійся доселѣ такимъ именно въ воспоминаніяхъ нижегородцевъ.

Его преемникъ, преосв. Іаковъ Вечерковъ—кандидатъ Спб. дух. Академіи слѣдующаго за пр. Іоанномъ III курса [2]), представлялъ совершенную противоположность своему предшественнику. Высокій ростомъ, брюнетъ, еще безъ особенно большой сѣдины, очень худощавый, аскетическаго вида, онъ производилъ впечатлѣніе древняго отшельника греческаго Востока, и былъ очень почитаемъ нижегородцами за свою строгую жизнь. При немъ я поступилъ въ духовное училище.

Онъ любилъ посѣщать семинарію и училище. Былъ однажды и въ моемъ II кл. и попалъ къ намъ на урокъ по ариѳметикѣ. Вошелъ онъ въ нашъ классъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я былъ вызванъ къ доскѣ. Помню, самъ онъ задалъ мнѣ рѣшить нетрудную задачу на сложеніе и вмѣстѣ вычитаніе, и я вѣрно ее рѣшилъ, за что послѣ ухода Архіерея похвалилъ меня учитель (В. В. В—ій), замѣтившій при этомъ, что онъ очень боялся, справлюсь ли я съ заданною мнѣ работою. Пр.

рицу. Объ этомъ сельскомъ діаконѣ разсказывалъ мнѣ, уже когда я служилъ въ петерб. Академіи, нашъ также родственникъ, Н. И. Розовъ (родной его племянникъ, докт. медиц., бывшій директ. медиц. департ.) вотъ какой случай: „заѣзжаю я въ с. Павлово навѣстить своего дядю и застаю его, уже старца, лѣтомъ, въ мѣховой шубѣ, за чтеніемъ французскаго романа въ подлинникѣ, т. е. на французскомъ языкѣ, чѣмъ конечно, я былъ крайне удивленъ?" Вотъ какіе въ старину были сельскіе діаконы!

[1]) Разсказывали, что и въ нашъ приходъ онъ пріѣзжалъ къ одному купцу въ гости и привозилъ съ собою своихъ архіерейскихъ пѣвчихъ, для пѣнія концертовъ во время трапезы, даже иногда и вечерней.

[2]) У Чистов. („Истор. спб. Акад.") „съ правомъ на магистра" поставленъ, однако, подъ № 20, среди магистровъ; 1819 г.—ректоръ екатериносл. сем., 1832—еписк. Саратовск., 1847—Нижегор., скончъ. 1850 г. мая 20, въ санѣ архіеп., въ С.-Петербургѣ, во время присутствованія въ Св. Синодѣ.

Іаковъ очень любилъ также, чтобы ему представляли работы учениковъ нашего низшаго класса по каллиграфіи, почему въ числѣ прочихъ представляли и мои, хотя онѣ и не выдавались особеннымъ изяществомъ; нѣкоторые мои товарищи писали красивѣе меня. Кромѣ борьбы съ расколомъ пр. Іаковъ обращалъ особенное вниманіе на усиленіе проповѣдничества въ мѣстномъ духовенствѣ и поощрялъ ревностныхъ проповѣдниковъ, въ томъ числѣ моего отца, который ему, кажется, первому изъ преосвященныхъ представлялъ собраніе своихъ поученій. Проповѣдывалъ и самъ пр. Іаковъ и проповѣди его напечатаны, но я ихъ не слыхалъ въ его произношеніи съ каѳедры.

Въ училищѣ я сразу же началъ учиться хорошо къ великому удивленію моего отца, который никакъ этого не ожидалъ, полагая, что его сынъ совершенный тупица. Такое заключеніе онъ вывелъ изъ рѣдкихъ, нужно признаться, случаевъ провѣрки моихъ знаній по русской грамматикѣ, которую я постоянно таскалъ съ собою и дома и въ прогулкахъ по саду, такъ что совершенно ее истрепалъ, но не изучалъ. Строго слѣдя за моимъ поведеніемъ, мои родители мало обращали вниманія на мои учебныя занятія, почему-то—вѣроятно по недостатку времени, такъ какъ у нихъ было очень много хлопотъ по дому и хозяйству. Во II кл. насъ учили: русской грамматикѣ, катихизису, ариѳметикѣ, чистописанію на русскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ, вѣроятно и церк. пѣнію. Не помню, подъ какимъ № по списку перешелъ я изъ II класса въ III, но во всякомъ случаѣ стоялъ очень высоко, однимъ изъ первыхъ.

Въ III кл. преподавались: латинскій и греческій языки, россійская и славянская грамматика, катихизисъ, ариѳметика, церковный уставъ и нотное пѣніе. Въ III кл. у насъ было два параллельныхъ отдѣленія, и тутъ мы разлучились съ Ѳ. Г. Ел—ъ; онъ попалъ въ одно, я въ другое. Я былъ счастливѣе Ѳ. Г. У насъ, въ нашемъ отдѣленіи, былъ прекрасный, можно сказать, идеальный учитель катихизиса, латинскаго языка и ариѳметики—С. П. Модератовъ [1]). Онъ пробудилъ въ насъ особенную любовь къ латинскому языку, который зналъ пре-

[1]) Окончившій семинарію первымъ студентомъ, но почему-то не поступившій въ академію (вѣроятно, по слабости здоровья). Онъ былъ очень уважаемъ не только въ училищѣ его коллегами, но и корпораціею семинарскихъ наставниковъ.

красно, и заложилъ въ насъ прочный фундаментъ знанія этого языка. Отношенія его къ ученикамъ во многомъ отличались отъ обычныхъ тогда, довольно грубоватыхъ пріемовъ. Относился онъ къ намъ, можно сказать, по-отечески, рѣдко прибѣгая къ обычнымъ тогда розгамъ, всячески поощряя лучшихъ учениковъ, приглашая ихъ къ себѣ, напр. по случаю своихъ именинъ, и раздавая имъ заранѣе приготовленныя небольшія связочки гостинцевъ (пряниковъ и т. п.) и—это изъ крайне скуднаго тогда учительскаго жалованья [1]). Мы его очень любили и уважали. Въ III кл. я былъ, кажется, несомнѣнно уже первымъ по списку. Былъ, впрочемъ, тогда обычай, такъ называемый certo de loco, т. е. заявленій учениковъ на высшее мѣсто, съ пересаживаніемъ съ одного мѣста на другое высшее. Не помню, были ли случаи сверженія меня съ занимаемаго мною мѣста; вѣроятно, дѣло безъ того не обошлось.

Въ IV кл. преподавались: латинскій и греческій языки, катихизисъ, свящ. исторія, географія и ариѳметика. Въ IV кл. не было параллельныхъ отдѣленій, въ него перешли ученики изъ обоихъ отдѣленій, почему мы снова соединились съ Ѳ. Г. Ел—мъ, который учился также прекрасно, занимая одно изъ первыхъ мѣстъ по списку. Въ IV кл., помню, первымъ сидѣлъ я на первой правой партѣ, ближайшей къ учителю, т. е. первымъ ученикомъ, но въ этомъ же классѣ (кажется подъ конецъ двухлѣтняго въ немъ курса) произошла и потеря мною перваго мѣста: у меня явился сильный конкуррентъ въ лицѣ сидѣвшаго первымъ на лѣвой партѣ И. Ф. Спасскаго, перешедшаго изъ другого отдѣленія III класса.

Въ IV кл. у насъ было два или даже три учителя (хорошо не помню): греческаго языка—свящ. І. П. Ф—въ (онъ же и инспекторъ), уступавшій въ знаніи своего предмета нашему любимцу С. П. М—ву; еще учитель русскаго языка, ариѳметики и географіи (г. Р—въ) и перешедшій вмѣстѣ съ нами, или немного позднѣе, вышеупомянутый С. П. М—въ, учитель латинскаго языка, катихизиса и свящ. исторіи. За точность распредѣленія между ними предметовъ, впрочемъ, не ручаюсь и даже за количество учителей: можетъ быть ихъ было только

[1]) Вотъ жалованье учителей съ 1836 г.: въ приходскомъ учил. (I и II кл.) 250 р. *ассигн.*, въ уѣздномъ (III и IV кл.) 525 р. тоже *ассигн.*, т. е. въ первыхъ двухъ 6 р., а въ послѣднихъ 17 р. *на серебро* въ мѣсяцъ (Нижег. дух. сем. въ 1818—40 г. Н.-Новг. 1905 г. стр. 156).

два; не замѣнилъ ли г. Р—ва С. П. М—въ? Главными у насъ предметами считались древніе языки—греческій и особенно латинскій.

С. П. Модератовъ по прежнему ревностно занимался обученіемъ насъ латинскому языку и мы попрежнему глубоко его уважали и любили [1]). Предъ окончаніемъ IV кл. онъ давалъ лучшимъ ученикамъ даже сверхъурочныя занятія, на каникулы (помнится, рождественскія), переводить съ латинскаго языка на русскій сочиненія латинскихъ писателей: мнѣ напр. далъ онъ переводить соч. De natura deorum. Въ этихъ переводахъ и вообще во всѣхъ письменныхъ работахъ я всегда былъ сильнѣе, чѣмъ въ устныхъ отвѣтахъ, а мой конкурренть—наоборотъ, что учитель разъ и замѣтилъ въ присутствіи всего класса [2]). Какъ бы то ни было, мой конкурренть, С. Ф. С—скій, къ концу курса IV кл., отбилъ у меня первое мѣсто и я окончилъ училище вторымъ ученикомъ.

Въ 1850—1852 годахъ, въ бытность мою въ IV кл. училища, Нижегородскимъ епископомъ былъ пр. Іеремія (Соловьевъ, 1850—1857 г.), преемникъ пр. Іакова и его постриженникъ по монашеству. Пр. Іеремія [3]) весьма замѣчатель-

[1]) Степень нашего уваженія къ нему показываетъ слѣдующій случай. Какъ-то мы съ Ѳ. Г. Е—мъ шли изъ класса домой по довольно пустынному мѣсту и дорогой шалили, толкали другъ друга и т. п. и не замѣтили, что сзади насъ шелъ С. П. Окликнувъ насъ, онъ укоризненно покачалъ головой и сказалъ: „какъ не стыдно, а еще хорошіе ученики". Этого было довольно, чтобы, чрезъ нѣсколько часовъ, мы добровольно явились къ нему, расплакались и попросили у него прощенія, не изъ боязни, впрочемъ, наказанія, котораго и не ожидали, а просто потому, что намъ стыдно было предъ уважаемыхъ учителемъ за наше уличное поведеніе.

[2]) „Если бы С—кій писалъ „задачки" такъ же хорошо, какъ К—ій, а К—ій такъ же хорошо отвѣчалъ на устные вопросы, какъ С—кій, то это было бы совершенство"—сказалъ С. П. Кстати замѣчу, что то же самое явленіе наблюдалось въ теченіе всей моей жизни, зависящее отъ моей застѣнчивости, ненаходчивости, а можетъ быть и не особенно сильной памяти.

[3]) Изъ воспитанниковъ Орловской сем., товарищъ и другъ знаменитаго Иннокентія херсонскаго, окончилъ курсъ спб. Акад. (VII кур.) въ 1827 г., но *не принялъ никакой ученой степени*. Это фактъ общеизвѣстный и несомнѣнный. Въ спискѣ этого курса (И. А. Чистов. „Истор. спб. дух. Акад.") іеродіаконъ Іеремія Соловьевъ поставленъ (въ слѣдъ за 3 студентами, которымъ присвоено право на полученіе степени кандид. черезъ одинъ годъ съ одобреніемъ по должности и поведенію) послѣднимъ *безъ всякой прибавки*. Въ 1827 г.—законоучитель 2-го ка-

ная личность. Не былъ онъ ни церковнымъ ораторомъ, хотя владѣлъ хорошимъ даромъ слова и высоко цѣнилъ и поощрялъ ревностныхъ проповѣдниковъ; не былъ онъ и замѣчательнымъ ученымъ богословомъ. Но онъ былъ человѣкъ высокой духовной жизни и непреклоннаго характера, проникнутый идеею величія епископской власти. Необыкновенно, неподражаемо величественный при совершеніи богослуженія, любившій благолѣпную его торжественность и вообще пышность обстановки и въ храмѣ и у себя дома, онъ былъ однако въ душѣ аскетъ, что и обнаружилось съ особенною ясностью при удаленіи его на покой (1857 г.). Впрочемъ, о пр. Іереміи еще много придется мнѣ говорить впослѣдствіи, при обозрѣніи семинарскаго періода (1852—1858) моей жизни, который почти вполнѣ совпадаетъ со временемъ его пребыванія на нижегородской епископской каѳедрѣ.

При немъ насъ, учениковъ училища, нерѣдко посылали въ каѳедральный соборъ и крестовую церковь присутствовать при архіерейскомъ служеніи. Эти богослуженія производили необыкновенно сильное впечатлѣніе, чему всего болѣе содѣйствовала личность самого преосвященнаго, его величественная осанка, высокій ростъ, очень благообразное лицо, проницательный взглядъ и крайне симпатичный голосъ, высокій, довольно сильный, но нѣжный теноръ. Всего болѣе трогало меня и умиляло, когда, выйдя на амвонъ съ дикиріемъ и трикиріемъ въ рукахъ, онъ произносилъ съ неподражаемымъ выраженіемъ, какимъ-то проникновеннымъ голосомъ извѣстныя слова: «призри съ небесе, Боже, и виждь»... Вообще, мнѣ никогда не приходилось видѣть такого архіерейскаго служенія, несравненнаго по чувству и красотѣ.

Пр. Іеремія зорко слѣдилъ за поведеніемъ духовенства, не только при исполненіи имъ своихъ обязанностей въ храмѣ, но и за домашнею его жизнью. Съ этою цѣлью онъ нерѣдко посѣщалъ жилища духовныхъ лицъ, при чемъ отъ проницательнаго его взора ничто не ускользало. И горе было тому, у кого онъ находилъ безпорядокъ въ домѣ. Былъ разъ и у

детскаго корпуса, въ 1829—баккалавръ Спб. Академіи, по классу богословскихъ наукъ, въ 1830—инспекторъ Кіевской Академіи, въ 1835—ректоръ кіевск. сем., въ 1839—ректоръ Кіевск. Академіи, въ 1841—вик. еп. чигиринскій, въ 1843—еп. кавказскій, въ 1849—полтавскій, въ 1850—нижегородскій, съ 1857 г. до 1884 г. на покоѣ, т. е. въ теченіе *27 лѣтъ*. Скончался въ 1884 г. 6 дек., 83 лѣтъ.

насъ, въ нашей діаконской квартирѣ, въ церковномъ домѣ [1]), и хотя все нашелъ въ порядкѣ, но все-таки сдѣлалъ одно замѣчаніе, по поводу вышитыхъ моею сестрою, разноцвѣтными шерстями, и висѣвшихъ на стѣнахъ, картинъ, въ рамкахъ, съ изображеніемъ какого-то святого и птицъ (пѣтуха и попугая). Первая работа заслужила его одобреніе, вторая—порицаніе. И такого рода посѣщенія имѣли мѣсто не только во время его служеній въ приходскихъ храмахъ, но нерѣдко были и внезапными, хотя оо. благочинные и старались, по возможности, предупреждать тѣхъ, кому готовился визитъ преосвященнаго.

Въ приходскихъ церквахъ пр. Іеремія служилъ часто. Служилъ, помнится, разъ и въ нашей Сергіевской церкви и даже произнесъ самъ проповѣдь, что бывало нечасто. Не поэтому ли нашъ храмъ удостоился его проповѣди, что имѣлъ извѣстнаго ему діакона проповѣдника?

Пр. Іеремія часто навѣщалъ семинарію и училище. Бывалъ и въ нашемъ IV кл. и, кстати сказать, оказывалъ мнѣ видимое благоволеніе, безъ сомнѣнія потому, что зналъ моего отца. Къ окончанію нами этого класса онъ пожелалъ нѣсколько лучшихъ учениковъ (въ томъ числѣ меня, Спасскаго, Ѳ. Г. Елеонскаго, В. Я. Рожанскаго, впослѣдствіи баккалавра Казанской Академіи), посвятить въ стихарь, что и совершилось въ Вербное воскресенье, въ Крестовой церкви архіерейскаго дома. Этого прежде не бывало, —обыкновенно посвящали въ стихарь уже въ семинаріи, въ «философскомъ» или даже «богословскомъ» классахъ (такъ называли тогда средній и высшій классы семинаріи).

Этотъ преосвященный любилъ вообще пышную обстановку, выходя при этомъ, вѣроятно, изъ идеи величія епископскаго сана, ибо въ душѣ, какъ сказано, онъ былъ аскетъ. Онъ носилъ великолѣпныя, бархатныя рясы. А въ великіе праздники Рождества Христова и Пасхи,—среди торжественнаго собранія знатнѣйшихъ лицъ изъ мѣстнаго духовенства, начальствую-

[1]) Куда наше семейство переселилось изъ нашего собственнаго маленькаго дома и гдѣ у насъ было уже 4, даже 5 (съ большою кухнею) просторныхъ комнатъ. Въ этой квартирѣ также жило у насъ нѣсколько учениковъ училища, моихъ сверстниковъ, помнится трое. Изъ нихъ, кромѣ Ѳ. Г. Е—го, нашего близкаго родственника, было еще двое чужихъ. Родители ихъ упросили моихъ родителей принять ихъ на наше попеченіе.

шихъ и преподавателей всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній города, въ архіерейскихъ его покояхъ,—любилъ, чтобы привѣтствовали его воспитанники не только семинаріи, но и училища—на разныхъ языкахъ: русскомъ, латинскомъ, греческомъ и др. И мнѣ не разъ приходилось произносить эти рѣчи даже въ училищѣ, а потомъ въ семинаріи. Помню, разъ, когда я былъ въ IV кл. училища, назначена была мнѣ рѣчь на греческомъ языкѣ къ 1 мая, ко дню ангела владыки, но онъ заболѣлъ и рѣчь, составленная, конечно, учителемъ и мною уже выученная, произнесена не была.

Изъ замѣчательныхъ случаевъ моего ученья въ IV кл. врѣзался у меня въ памяти споръ нашего о. ректора, магистра академіи, прот. Лебединскаго съ много разъ упоминаемымъ мною учителемъ С. П. М—мъ, кажется, на экзаменѣ по катихизису,—споръ о древѣ познанія добра и зла и о древѣ жизни, объ естественныхъ или сверхъестественныхъ ихъ свойствахъ. Что утверждалъ одинъ изъ диспутантовъ и что другой — изгладилось изъ памяти. Помню только, что о. ректоръ очень вспылилъ на учителя, ему противорѣчившаго, и въ доказательство справедливости своего взгляда на предметъ спора ссылался на академическія лекціи, а С. П., оставаясь сравнительно спокойнымъ, не уступалъ ему, продолжая развивать свою мысль. Этотъ споръ произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе, и мы удивлялись, какъ семинаристъ рѣшился спорить съ академистомъ, да еще начальникомъ. Отъ этого спора наше уваженіе къ любимому и почитаемому учителю, конечно, не убавилось.

Изъ лучшихъ учениковъ IV кл., жившихъ на квартирахъ, назначали въ то время такъ называемыхъ «старшихъ», которые являлись какъ бы помощниками инспектора по наблюденію надъ такими же учениками того же класса, но худшими, а равно и надъ квартирными учениками другихъ младшихъ классовъ. Назначались они для надзора, для посѣщенія квартиръ во время вечернихъ занятій учениковъ и для наблюденія за аккуратнымъ посѣщеніемъ ими богослуженій и чиннаго, группами, стоянія ихъ въ храмѣ. Такихъ «старшихъ» было немало, человѣкъ 5—6; опредѣлены были районы ихъ дѣятельности въ зависимости отъ мѣстности, гдѣ были ихъ собственныя квартиры; обыкновенно соединялось нѣсколько приходовъ подъ одно старшинство; у меня, помнится, было 4 прихода, включая и мой (Сергіевскій). Эти квартирные

старшіе въ извѣстное время подавали инспектору рапорты о томъ, все ли обстояло благополучно въ ихъ участкахъ. Этого рода обязанности немало поднимали нашъ духъ, льстили нашему маленькому самолюбію, и мы не безъ важности посѣщали ученическія квартиры и ходили по церквамъ нашихъ районовъ.

Но если быть квартирнымъ «старшимъ» не лишено было пріятности, то быть такъ называемымъ «нотаторомъ» и особенно дежурнымъ въ классѣ положительно не доставляло никакого удовольствія. Нѣсколько льстя самолюбію, то и другое сопряжено было съ отвѣтственностью и сопровождалось иногда непріятными послѣдствіями.

«Нотаторы» были во всѣхъ классахъ училища. Они назначались также изъ лучшихъ учениковъ и обязаны были предъ приходомъ учителя спрашивать и выслушивать у порученныхъ имъ учениковъ (обыкновенно 5—6), ихъ же товарищей, отвѣты на заданный урокъ и затѣмъ отмѣчать степень ихъ знанія въ особыхъ листкахъ условными знаками: sc., err., nl., ns. (т. е. знаетъ, съ ошибками, не все, не знаетъ). Нотаторъ въ свою очередь подвергался тому же со стороны другого своего товарища. Понятно, какъ было трудно нотатору быть справедливымъ въ оцѣнкѣ знанія своихъ товарищей, не поддаться чувству дружбы, жалости, а иногда и искушеніямъ въ видѣ маленькаго подкупа сластями, булками и т. п. А между тѣмъ, невѣрная отмѣтка въ «нотатѣ» грозила нотатору наказаніемъ—самое малое, стояньемъ столбомъ или на колѣняхъ, а то и розгами, судя по строгости и темпераменту учителя.

Но самое непріятное было—дежурить по классу, т. е. отвѣчать за порядокъ и тишину въ классѣ. Наши училищные классы помѣщались въ нижнемъ этажѣ зданія семинаріи, а въ верхнемъ—были классы семинаріи съ квартирами ея ректора и инспектора. Когда шумѣли у насъ въ классахъ, слышно было по всему зданію и по этому поводу къ намъ заглядывало нерѣдко и семинарское начальство. Помню, разъ, въ какомъ-то изъ классовъ отворяется дверь и показывается гнѣвное лицо самого о. ректора семинаріи, знаменитаго (по Нижегородской семинаріи, 1842—1851 г.) архим. Аполлонія (Матвѣевскаго) [1]), котораго я тутъ только въ первый разъ видѣлъ.

[1]) О. Аполлоній былъ весьма замѣчательною личностью; въ исторіи нижегор. сем. онъ составилъ цѣлую эпоху, такъ что справедливо по-

да еще потомъ—при богослуженіяхъ въ семинарской церкви. Въ другой разъ, уже въ IV кл., когда я былъ дежурнымъ (а дежурить тогда приходилось мнѣ чуть ли не безсмѣнно), спустился внизъ изъ своей квартиры, помѣщавшейся какъ разъ надъ нашимъ классомъ, инспекторъ семинаріи о. іером., или игуменъ, Паисій и, выведенный изъ себя страшнымъ шумомъ въ классѣ, потребовалъ меня какъ дежурнаго, отвѣтственнаго за тишину въ классѣ, и расправился со мною, за всѣхъ моихъ шалуновъ товарищей, собственноручно: тѣмъ дѣло и кончилось. О. Паисій, впрочемъ, былъ человѣкъ добрый, но—только очень вспыльчивый и впослѣдствіи, когда былъ ректоромъ семинаріи, очень благоволилъ ко мнѣ; при немъ я окончилъ курсъ семинаріи и потому мнѣ придется еще говорить о немъ.

Для перехода изъ училища въ семинарію были ли особые экзамены, съ участіемъ делегатовъ отъ семинаріи, не припоминаю; были, кажется, обычные экзамены, только нѣсколько болѣе строгіе, чѣмъ въ другіе годы. Правда, смутно помню одного ревизора отъ Казанской Академіи, ревизовавшаго семинарію и училище, архим. Антонія Радонежскаго [1]), и быв-

---

священъ ему цѣлый почти томъ „Нижегородск. дух. сем. 1840—1851 г.“. Уроженецъ Екатеринославской губ., кандид. Кіевской Акад. (1829—1833), учитель и инспекторъ Псковской сем. (1833—1842 г.), ректоромъ Нижегор. семинаріи былъ въ теченіи 9 лѣтъ—съ 1842 по 1851 г. Послѣ отставки отъ ректорства былъ назначенъ настоятелемъ московскаго Симонова монастыря, которымъ и пробылъ почти 10 лѣтъ, до своей кончины въ 1861 г. По твердости, непреклонности характера онъ могъ поспорить съ пр. Іереміей, а по необыкновеннымъ административнымъ способностямъ, по энергіи и умѣнію привести семинарію въ блестящее, во всѣхъ отношеніяхъ, состояніе, былъ личностью вполнѣ рѣдкою, необыкновенною.

[1]) Антоній (Радонежскій), родомъ нижегородецъ, 8-й магистръ Моск. Акад. (1834 г.), сначала (1834 г.) инсп. Нижег. сем., потомъ, уволенный отъ инспекторства административнымъ порядкомъ, остался простымъ ея преподавателемъ. 1842 г. перемѣщенъ въ Яросл. сем., 1834 г.- бакк. Казанской Акад., 1846—ордин. проф. Въ этотъ періодъ врем. онъ (1850 г.) и былъ назначенъ отъ Казанской Академіи ревизоромъ въ Нижній. Ректоръ Аполлоній его игнорировалъ, не далъ ему даже квартиры въ семинаріи, словомъ, не признавалъ его ревизоромъ и не исполнялъ его распоряженій, почему, не смотря на всѣ свои заслуги, былъ уволенъ (1851 г.) на покой. Архим. Антоній былъ потомъ ректоромъ Пермской сем. (1851—1854), Ярославской (1854—1858), епископомъ Оренбургскимъ (1858—1862), членомъ моск. Синод. Конт. (1862—1866), въ 1866 г. уволенъ совсѣмъ на покой.

шаго у насъ на экзаменѣ, но это было въ 1850 г., слѣдовательно, когда мы были въ III кл. При окончаніи училищнаго курса, лучшимъ ученикамъ выдали въ награду книги, купленныя, впрочемъ, на нашъ счетъ и по нашему выбору. По совѣту отца я купилъ для себя томъ твореній св. Тихона воронежскаго. Такой оригинальный способъ награжденія объясняется, конечно, тогдашнею крайнею скудостью денежныхъ средствъ, находившихся въ распоряженіи училищнаго начальства. Этимъ же объясняется и то, что мы сами должны были выполнять работу училищной канцеляріи, которой, вѣроятно, и не было совсѣмъ: при выпускѣ изъ училища, намъ приказано было собственноручно переписать наши документы для представленія въ семинарское правленіе. Когда это было сдѣлано, насъ отпустили съ миромъ. Это было 15 іюля 1852 г. Вакаціи въ мое время всегда начинались съ этого времени и оканчивались 1 сентября. Трудненько было въ маѣ, іюнѣ и до половины іюля сидѣть въ душныхъ классныхъ комнатахъ, да еще какъ никакъ работать головою, когда тянуло на воздухъ, въ садъ, въ поле, къ играмъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о помѣщеніи училища—зданіи семинаріи, семинарскомъ дворѣ, нашихъ на немъ дѣтскихъ играхъ и наконецъ объ общемъ впечатлѣніи, вынесенномъ изъ ученья въ училищѣ.

Пока я учился въ училищѣ, ректоромъ семинаріи былъ вышеупомянутый архим. Аполлоній, превосходный хозяинъ, приведшій зданіе семинаріи (кстати сказать, и донынѣ вмѣщающее ее) въ блестящее состояніе: и въ классахъ и въ коридорахъ была чистота и полный порядокъ. Только воздухъ во всемъ зданіи семинаріи былъ очень плохъ, вслѣдствіе первобытнаго устройства извѣстныхъ мѣстъ уединенія. Впрочемъ, въ то время какъ будто и воздухъ былъ въ ней лучше, чѣмъ тогда, когда я въ ней учился, какъ ученикъ уже семинаріи, т. е. послѣ ректора Аполлонія.

Обширный семинарскій дворъ содержался также въ порядкѣ. На немъ мы рѣзвились, забавлялись играми: въ камешки, въ «чижа» [1]) и въ лапту. Во дни рекреацій,—испра-

[1]) Игра въ камешки—игра еще малышей, учениковъ I и II кл. Она состояла въ подбрасываньѣ и ловлѣ рукою камешковъ отъ 1 до 5, такъ чтобы пойманные поочердно—оставались всѣ въ той рукѣ, которою ловили и изъ нея не выпадали. Игроки обыкновенно сидѣли около стѣнъ зданія, чтобы не видѣло ихъ начальство. Игрою въ „чижъ" занимались

шиваемыхъ учениками семинаріи у ихъ начальства (и непремѣнно съ пѣніемъ словъ: rogamus, rogamus, reverentissime pater Rector, recreationem) и простиравшихся и на насъ, учениковъ училища,—иногда заставляли насъ переносить дрова съ семинарскаго двора въ сараи. По большей же части мы или уходили отдыхать домой, или отправлялись въ поле, близъ Печерскаго монастыря, и туда же являлось и наше начальство и учителя, помнится, даже съ нѣкоторымъ угощеніемъ для насъ (пряниками, орѣхами и т. п.).

Нравы и поведеніе учениковъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и своекоштныхъ, жившихъ на квартирахъ, хотя и были грубоваты, но далеко не были похожи на тѣ, которые рисуются въ извѣстныхъ очеркахъ бурсы Помяловскаго, такъ что по пріѣздѣ въ Спб. Академію и по прочтеніи этихъ очерковъ, я не хотѣлъ вѣрить, чтобы могло быть нѣчто подобное, да еще въ столичномъ духовномъ училищѣ. Къ сожалѣнію, изъ бесѣдъ съ новыми товарищами петербуржцами я долженъ былъ убѣдиться, что изображеніе бурсы у Помяловскаго близко къ истинѣ, и удивленію моему не было конца. Отношеніе учителей къ ученикамъ въ нашемъ училищѣ было, по тому времени, очень гуманное. Хотя порядочно насъ сѣкли, но жестокихъ, повальныхъ порокъ у насъ совсѣмъ не было. И вотъ доказательство: я ни разу не былъ наказанъ розгами. Только одинъ разъ былъ къ тому близокъ, именно во II кл. Учитель, по поводу не совсѣмъ твердаго знанія мною урока изъ русской грамматики, замѣтилъ: «кажется, я ни разу тебя не высѣкъ, а слѣдовало бы хоть разъ», но такъ и не привелъ своего намѣренія въ исполненіе.

Вообще, считаю себя и своихъ товарищей счастливыми, что учились въ нижегородскомъ духовномъ училищѣ.

А. Катанскій.

и болѣе взрослые. „Чижъ“—небольшая, заостренная съ обоихъ концовъ палочка, которую одинъ бьетъ большою палкою по концу, палочка летитъ вверхъ, а другой партнеръ стоитъ противъ и, если удастся, ловитъ ее. Играя въ эту игру съ Ѳ. Г. Ел—ъ, на семинарскомъ дворѣ, помнится, подъ прикрытіемъ полѣнницъ дровъ тутъ стоявшихъ, я подвергся разъ большой опасности: чижъ попалъ мнѣ въ глазъ, вѣроятно я его ловилъ. Къ счастью, я отдѣлался только большимъ синякомъ. Дома объяснилъ этотъ синякъ случайнымъ ушибомъ объ дверь въ училищѣ.

Народная и обыденная латынь на древнемъ западѣ, въ частности у христіанъ.

ХРИСТІАНСКАЯ латынь, и по назначенію христіанства прежде всего для «труждающихся и обремененныхъ», и по лицамъ, изъ которыхъ въ дѣйствительности по преимуществу составлялись первыя и вообще раннія христіанскія общины на западѣ, какъ и на востокѣ, должна была имѣть, особенно на первыхъ порахъ, много общаго съ языкомъ людей изъ народа, людей простыхъ, мало или совсѣмъ не образованныхъ, и съ рѣчью обыденной, которая обычно бываетъ чужда литературнаго колорита. Такъ было и на дѣлѣ. Поэтому для отчетливаго пониманія разныхъ явленій въ христіанской латыни, ихъ происхожденія и значенія, необходимо имѣть въ виду соотвѣтствующія или соприкосновенныя явленія въ народной и обиходной латыни вообще. Для объясненія языка христіанъ даннаго времени и мѣста, разумѣется, наиболѣе полезно имѣть въ виду народный и обиходный языкъ того же самого времени и той же мѣстности. Однако важно въ этомъ случаѣ и знакомство съ латинскимъ народнымъ и обыденнымъ языкомъ вообще: въ немъ держались свои традиціи и укоренившіяся привычки и сказывались нѣкоторыя общія, всегда—въ главномъ — одинаковыя черты народной мысли при ея выраженіи въ словѣ [1]).

---

[1]) Литература предмета за послѣднія 50 лѣтъ, извѣстная автору предлагаемаго очерка:

Berbl inger, De lingua romana rustica quaestionum grammaticarum particula 1, Glückstadt, 1865.

Böhmer, Die latein. Vulgärsprache, Progr. Oels, 1866.

Понятіе о народной (въ широкомъ смыслѣ) латыни до нѣкоторой степени опредѣляется ея названіями, встрѣчающимися у древнихъ писателей, и синонимическими этимъ названіямъ

Schuchardt, Der Vokalismus des Vulgärlateins, I—III, Lpz. 1866—1868.

Guericke, De linguae vulgaris reliquiis apud Petronium et in inscriptionibus parietariis Pompeianis. Diss. Gumbinden, 1875.

Rönsch, Itala und Vulgata. Das Sprachidiom der urchristlichen Itala und der katholischen Vulgata unter Berücksichtigung der röm. Volkssprache. 2 Ausg. Marburg 1875.

Wölfflin, Bemerkungen über das Vulgärlatein, въ Philologus, 1875, Bd. 34, s. 137—165. Срав. Hey въ Biogr. Jahrbuch f. d. Altertums-Wissenschaft, 1911, s. 116—117.

Wölfflin, Lat. und romanische Comparation. Erlangen 1879.

Sittl, Die lokalen Verschiedenheiten der lat. Sprache mit besonderer Berücksichtigung des african. Lateins. Erlangen, 1882.

Sittl, Jahresbericht über d. Vulgär—und Spätlatein aus den Jahren 1877—1883, въ Jahresbericht über d. Fortschr. d. kl. A., Bd. 40 (1884, III), s. 317 ff.

Edon, Ecriture et prononciation du latin savant et du latin populaire, Par. 1882. Срав. Egger въ Journal des savants 1883, Mars, p. 156—162.

Osthoff, Schriftsprache und Volksmundart, Berl. 1883.

Rebling, Versuch einer Charakteristik der röm. Umgangssprache. 2-er Abdruck. 1883.

Schulze, De Symmachi vocabulorum formationibus ad sermonem vulgarem pertinentibus. 1884.

Rönsch, Beiträge zur kirchl. und vulgären Latinität, въ Zeitschr. f. österr. Gymn., 1885, 6—7 H., теперь въ Coll. phil., hrsg. von Wagener, s. 164 ff.

Weise, Ein Beitrag zum Vulgärlatein, въ Philologus 1888, Bd. XLVII.

Gröber, Vulgärlat. Substrate romanischer Wörter, въ Archiv f. lat. L. u. Gr. VI (1889).

Sittl, Was ist Vulgärlatein? Докладъ, напечатанный въ Verhandlungen der 40-ten Versammlung deutscher Philologen u. Schulmänner in Görlitz. Lpz. 1890.

Ihm, Vulgärformen lat. Zahlwörter auf Inschriften, въ Archiv VII, 65—72.

Fisch, Die lat. nomina personalia auf „o, onis". Ein Beitrag zur Kenntniss d. Vulgärlateins. Berl. 1890.

Seelmann въ Göttinger gelehrt. Anzeigen 1890, s. 665 ff.

Sittl въ Jahresber. Bd. 68 (1891, II), s. 278.

Monceaux, Le latin vulgaire d'après les dernières publications, въ Revue des deux mondes, 1891, 15 Juli, vol. 106.

Keller, Die vulgärlat. Deklination in der archaischen u. klass. Zeit, въ Südd. Blätter für höhere Unterr. Anst. 1894.

Historische Grammatik der lat. Sprache, bearb. von Blase, Landgraf, Schmalz, Stolz, Thüssing, Wagener und Weinhold.

выраженіями: plebeius sermo у Цицерона, sermo vulgaris у Квинтиліана (сравн. встрѣчающіяся у грамматиковъ и глоссаторовъ выраженія, въ родѣ vulgo vocant или dicitur, также

Lpz. 1894 ff., а также соотвѣтствующія части, отдѣлы и замѣтки въ Iw. Müller, Handbuch der klass. Altertums-Wissenschaft, въ Die griech. und lat. Literatur und Sprache von Wilamowitz-Moellendorf, Krumbacher, Wackernagel, Leo, Norden, Skutsch (Die Kultur d. Gegenwart, T. I, Abt. VIII, Berl.—Lpz. 1905), въ Die lat. Sprache von Lindsay, übers. von Nohl (Lpz. 1897), въ Geschichte der lat. Sprache von Stolz (Sammlung Göschen, 1910), въ изслѣдованіяхъ W. Meyer-Lübke, помѣщенныхъ въ Gröber's Grundr. d. Roman. Philologie, 1², Strassburg 1905, и друг.

Cooper. Word-Formation in the Roman Sermo Plebeius, New-York, 1895; conf. A. Steward Manson, A study in latin abstract substantives, 1910 (по B. ph. W. 1912, 1, 22—23).

Huemer, Die Sammlung vulgärlat. Wortformen, въ Verh. d. 42. Vers. d. Schulm., p. 271—280.

W. Meyer-Lübke, рефератъ о народной латыни въ Vollmöller's Kritischer Jahresber. üb. d. Fortschr. d. Roman. Philol., II B., 1896.

Geyer, Jahresber. üb. Vulgär—und Spätlatein въ Jahresber. üb. d. F. d. kl. A.-W., Bd. 98,—1898, III.

Olcott, Studies in the Word Formation of the Latin Inscriptions, Substantives and Adjectives, with special reference to the Latin Sermo Vulgaris, 1898.

Heraeus. Die Appendix Probi, въ Archiv, XI. Отдѣльный оттискъ—Lpz. 1899. Rec.: W. f. kl. Ph. 1900, 24, 655—6.

Oliver, Observations on the use of certain prepositions in Petronius with special reference to the Roman sermo plebeius. 1899.

Mohl, Introduction à la chronologie du Latin vulgaire, Par. 1899. Rec.: Journal des savants 1900, Févr.-Mars (M. Breal): L. C. 1901, 7, 283 (S. K.).

Mohl, Etudes sur le lexique du latin vulgaire, 1900.

Tschernjaew, De sermone Terentii plebeio aut quotidiano, 1900.

Kempf, Romanorum sermonis castrensis reliquiae, въ Jahrb. f. d. kl. Altert., Suppl. 26, Lpz. 1900.

Труды о такъ наз. Mulomedicina Chironis, въ томъ числѣ: Wölfflin, Proben d. vulgärlat. Mulomedic. Chir. въ Archiv, X; Pirson, Syntax du verbe, въ Festschr. zum 12. Deutschen Neuphilologentag, Erlangen, 1906: Ahlquist, Studien z. spätlat. Mulomedicina Chironis, Diss. Uppsala 1909 (Отз.: Fuchs въ W. f. kl. Ph. 1913, 2, 45); Proben aus Mulom. Chir., hrsg. v. Niedermann, 1910 (Отз.: Schmalz въ B. ph. W. 1911, 45, 1398—1400). Объ этомъ памятникѣ см. Jahresber., hrsg. von Kroll, Bd. CLVIII (1912, II), также Glotta, III, 4 (1912), s. 377—378.

Малеинъ, А., проф., въ статьѣ: „Латинскій церковный языкъ", въ „Богосл. Вѣстн." 1907, іюн. кн.

Meister, Altes Vulgärlatein, въ Indogermanische Forschungen, XXVI.

Grandgent, An introduction to vulgar Latin. Boston 1908.

Meister, Das Vulgärlatein, въ Verhandl. der 50. Vers. deutsch. Philol. u. Schulm. in Graz. 1909.

sermo vulgi, consuetudo vulgi), proletarius sermo у Плавта, pedestris sermo у Вегеція, rusticitas у Квинтиліана, rusticus sermo у Нигидія, по передачѣ Геллія (сравн. rustica vox, rusticum vocabulum, rustice loqui, sonus subrusticus, vox subagrestis у Цицерона, Геллія и друг.), militaris vulgarisque sermo у Іеронима и verba castrensia у Плинія [1]). Своего рода опре-

Abbot, Vulgar Latin in the Ars Consentii de barbarismis. Chicago, 1909. Rec.: W. f. kl. Ph. 1910, 42, 1143—4 (Th. Stangl); сравн. Glotta III, 4 (1912), 375.

Martin, Notes on the Syntax of the latin inscriptions found in Spain, Baltimore 1909.

Bléry, Rusticité et urbanité romaines. Thèse. Paris 1909. Rec.: Lafaye въ J. des sav. XII, 543—550; Cartault въ Rev. cr. 1911, 7, 134—135.

Marx, Ueber d. Beziehungen des Altlateins zu Spätlatein, въ Neue Jahrb., 1909.

Clark, The Cursus in Mediaeval and Vulgar Latin, Oxford 1910.

Bourciez, Eléments de linguistique romane. Paris 1910. Max Niedermann очень цѣнитъ здѣсь „Characteristik des Vulgärlateinischen" (B. ph. W. 1913, 33, 1046).

Vulgärlateinische Inschriften hrsg. von Diehl, Bonn, 1910. Отз.: Niedermann въ B. ph. W. 1911, 46, 1433 ff.

Множество свѣдѣній о народной латыни дано въ изслѣдованіяхъ Löfstedt'a, особенно въ его Philol. Kommentar zur Peregrinatio Aetheriae, 1911 (см. рец. въ ж. „Гермесъ" 1912, 3, 79—83), и въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ и замѣткахъ разныхъ ученыхъ о языкѣ многихъ другихъ христіанскихъ авторовъ, какъ и античныхъ.

Schramm, Sprachliches zur lex Salica. Eine vulgärlateinisch-romanische Studie. Marburg 1911.

Abbot, The common people of ancient Rome. New-York 1911. Здѣсь, между прочимъ, идетъ рѣчь о народной латыни по надписямъ (Revue archéologique, 1912, Nov.-Déc., pag. 488).

Niedermann, Ueber einige Quellen unserer Kenntnis des späteren Vulgärlateinischen, въ Neue Jahrbücher f. d. kl. A., 1912, 29 u. 30 Bd.

Pfister, Vulgärlatein und Vulgärgriechisch, въ Rhein. Mus. N. F. LXVII, 2 (1912). Сравн. B. ph. W. 1912, 36, 1122.

Brüch, Der Einfluss der germanischen Sprachen auf das Vulgärlatein. Heidelberg 1913.

Нѣкоторыя другія работы и частичныя наблюденія будутъ указаны ниже, по особымъ поводамъ, но, конечно, не всѣ, по ихъ многочисленности. Изученіе народной и поздней латыни ведется нынѣ въ весьма широкихъ размѣрахъ. Сравн. освѣдомительныя замѣтки въ ж. „Гермесъ" 1911, 1, 16—18; 1911, 18, 454—457, и друг., особенно Glotta, IV 4 (1913), 370—371, 382, 383, 386, 403, 420 ff.; Glotta, V, 3 (1913), 214 ff.

[1]) Соединеніе понятій vulgaris sermo и militaris sermo (сравн. verba castrensia) объясняется тѣмъ, что воины по большей части набирались изъ деревень или, во всякомъ случаѣ, изъ тѣхъ слоевъ населенія, въ которыхъ говорили вульгарной латынью.

дѣленіемъ народной латыни можетъ служить противоположеніе ей понятія Latinitas, подъ которою разумѣлся языкъ человѣка, основательно изучавшаго въ школѣ правила языка и внимательно читавшаго образцовыхъ писателей. Языкъ такого человѣка считался правильнымъ [1]). Напротивъ, вульгарно говорили простые люди, знавшіе о грамматикѣ и литературѣ только по наслышкѣ. Такая рѣчь слышалась на рынкахъ, въ мастерскихъ ремесленниковъ, въ деревнѣ, среди солдатъ. Вообще такъ наз. вульгарный или народный языкъ есть языкъ людей необразованныхъ, не соотвѣтствовавшій выработаннымъ нормамъ латинской рѣчи. Вульгарнымъ до извѣстной степени могъ быть названъ и языкъ людей, получившихъ недостаточное образованіе, и потому не правильный. Съ народнымъ языкомъ въ нѣкоторыхъ сторонахъ сближался и языкъ обыденной жизни, sermo cotidianus, притомъ даже у людей очень образованныхъ, имѣвшихъ значительное общественное положеніе. Взаимную близость народной и обиходной латыни (конечно, сравнительную и относительную) замѣчали уже древніе, когда съ народной рѣчью ставили въ связь обыденную рѣчь [2]). Съ той же группой языковыхъ явленій, по нѣкоторымъ общимъ признакамъ, объединяется и oppidanum genus dicendi [3]), языкъ маленькихъ городовъ, занимавшій средину между деревенской рѣчью, rusticus sermo, и языкомъ столицы, sermo urbanus, отождествлявшимся иногда и съ рѣчью литературной.

---

[1]) Latinitas est quae sermonem purum conservat ab omni vitio remotum, говорится въ риторикѣ ad Herenn. 4, 17. И Варронъ опредѣляетъ ее такъ: Latinitas est incorrupte loquendi observatio secundum Romanam linguam (Срав. Wilmanns, De M. Ter. Varr. libris gramm., p. 171). Дѣйствительно, какъ замѣчаетъ Sittl (въ Archiv, VI, 559), слова Latinus и Latine, если они не противопоставляются обозначенію иностраннаго языка, указываютъ, по образцу термина ἑλληνισμός, на литературную латынь, въ противоположность народному языку. Не иной смыслъ имѣютъ и заглавія грамматическихъ трудовъ, напримѣръ Варрона II. de lingua Latina и de sermone Latino, Флавія Капра de Latinitate и друг.

[2]) Cic. Epist. ad famil. I, 1, 2; IX, 21, 1: quid tibi ego videor in epistulis? nonne plebeio sermone agere tecum? Nec enim semper eodem modo: quid enim simile habet epistula aut iudicio aut concioni? quin ipsa iudicia non solemus omnia tractare uno modo...; epistulas vero cotidianis verbis texere solemus. Сравн. Suet. Oct., 87; Quint. XII, 10, 40: (cotidiano sermone) cum amicis, coniugibus, liberis, servis loquimur.

[3]) Cic. Brutus, 69, 242: ...ignoti homines et repentini..., oppidano quodam et incondito genere dicendi.

Наконецъ, народная латынь могла имѣть не мало общаго съ особенностями языка въ латинизированныхъ областяхъ Италіи (въ области вольсковъ, умбровъ и проч.), питавшими эту латынь и вмѣстѣ съ нею или—точнѣе—въ ней перешедшими впослѣдствіи за предѣлы Италіи, при посредствѣ римскихъ войскъ и колонистовъ [1]).

Народный латинскій языкъ не представлялъ особаго идіома, существенно и рѣзко отличавшагося отъ рѣчи книжной или литературной [2]). Это была та же, въ сущности, латынь, какъ и языкъ памятниковъ художественной римской письменности. Однако рѣчь, бывшая въ употребленіи у народа, имѣла и не мало особенностей, притомъ на столько значительныхъ и по характеру и по количеству, что представляется и возможнымъ и необходимымъ выдѣлить ее въ качествѣ какъ бы своего рода разновидности общелатинскаго языка [3]). Ошибки и спутанность сужденій въ рѣшеніи этого вопроса на протяженіи длиннаго ряда лѣтъ зависѣли, какъ увидимъ, отъ того, что понятія, о которыхъ шла рѣчь, не были опредѣлены со всею точностію и въ надлежащемъ ихъ объемѣ, затѣмъ отъ того, что не были правильно уяснены отношенія между народнымъ и книжнымъ или литературнымъ языкомъ, а также, повидимому, и отъ того, что не было установлено посредствующее положеніе обыденнаго языка людей образованныхъ между чисто литературною и простонародною рѣчью [4]). Сужденія о взаим-

---

[1]) Mohl, Introd., p. 16, утверждаетъ, что въ основу народной латыни вошла не только rusticitas latina, перенесенная въ разныя области Италіи первыми римскими колонистами, но — и въ особенности — peregrinitas italica, вошедшая въ латынь въ продолженіи ея долгихъ странствованій по полуострову.

[2]) Bonnet, Le Lat. de Grég. de T., p. 31—32, упоминаетъ, что такъ наз. народной латыни придаютъ иногда черты настоящаго, особаго языка, который будто бы существовалъ рядомъ съ латинскимъ языкомъ въ собственномъ смыслѣ, и съ своей стороны справедливо замѣчаетъ, что вульгарная латынь, понимаемая такимъ образомъ, существовала только въ воображеніи нѣкоторыхъ ученыхъ.

[3]) По Schuchardt, Der Vocal. d. V., I (1866), Vorr., S. XI, въ народной латыни есть явленія, корни которыхъ глубоко лежатъ въ латинскомъ языкѣ вообще и которыя въ народной рѣчи получили только большую распространенность. Сравн. Stolz въ Hist. Gramm. d. l. Spr. I B., 1 H., S. 21 ff., 29, 34, 42 ff.

[4]) Неясность понятій наблюдалась еще въ періодѣ такъ наз. возрожденія (Schuchardt, I, 44—45). То же можно сказать и о болѣе позднемъ времени. Еще не очень давно высказывалось мнѣніе, что у рим-

номъ отношеніи между народной и книжной латынью расходились до противоположности и по вопросу о происхожденіи той и другой. По одному мнѣнію, которое признается наиболѣе ненаучнымъ, sermo plebeius есть огрубѣвшій и искаженный классическій языкъ. По другому представленію, напротивъ, такъ называемый столичный или изящный римскій языкъ выработался изъ народной рѣчи.

Поставленный вопросъ можетъ быть рѣшенъ слѣдующимъ образомъ. Какъ нашъ, напримѣръ, народный говоръ, по своимъ типическимъ чертамъ и мѣстнымъ особенностямъ, представляетъ какъ бы разновидность общерусскаго языка, другою разновидностью котораго является наша литературная рѣчь, такъ точно и латинскій народный говоръ представлялъ какъ бы особый видъ латинскаго языка, одинаково съ латинской книжной рѣчью. По той же аналогіи можно представлять себѣ и ихъ взаимныя отношенія. Русская народная рѣчь составляетъ особливое теченіе въ общерусскомъ языкѣ, которое, въ существенномъ, шло независимо отъ развитія нашего литературнаго языка, въ свою очередь, до извѣстной степени, также независимаго отъ народной рѣчи. Подобно этому и въ Римѣ sermo plebeius, какъ разсуждалъ еще Шухардтъ, не стоитъ къ sermo urbanus, къ языку столичнаго общества, въ отношеніи ни по нисходящей, ни по восходящей линіи, но въ отношеніи сосуществованія. Въ первоначальномъ римскомъ языкѣ, въ prisca latinitas, имѣли свое основаніе оба эти вида языка (или языковыхъ діалекта, по черезчуръ сильному и потому неправильному выраженію Шухардта); особенности же этихъ видовъ были слѣдствіемъ особыхъ условій и обстоятельствъ, при которыхъ латиняне пользовались своимъ языкомъ [1]), слѣдствіемъ рѣзкаго раздѣленія сословій въ римскомъ государствѣ и обособленія правящаго, сравнительно болѣе образованнаго, класса, который въ своихъ, напримѣръ, оффиціальныхъ совѣщаніяхъ сталъ со временемъ пользоваться особо торжественными формами рѣчи. При этомъ, что и естественно, народный

ляпъ никогда не было народнаго языка, отличавшагося отъ книжнаго языка, что-де слѣдуетъ, наконецъ, отказаться отъ суевѣрія относительно плебейской латыни (см. Liter. Centralblatt 1863, № 41). Подобный взглядъ, хотя и въ не столь рѣзкой формѣ, выражался, какъ увидимъ, и позже.

[1]) „Каждый говоритъ иначе, если онъ дѣлаетъ оффиціальный публичный докладъ, а не бесѣдуетъ о будничныхъ дѣлахъ“ (Schuhardt, I, 49).

латинскій языкъ былъ ближе къ первоначальному единому римскому языку [1]). Въ этомъ смыслѣ его даже можно, пожалуй, назвать, вмѣстѣ съ Монсо [2]), первоначальнымъ языкомъ Рима, языкомъ національнымъ, имѣющимъ тѣсное родство съ другими италійскими діалектами, какъ напримѣръ умбрскимъ и осскимъ. Латинскій народный языкъ всегда развивался сравнительно свободно, хотя и не оставался вполнѣ чуждымъ нѣкоторыхъ вліяній болѣе развитой рѣчи. Онъ жилъ на устахъ людей изъ народа, солдатъ, торговцевъ, поселянъ, вообще всѣхъ необразованныхъ людей. На немъ иногда и писали, по руки неискусныя, на гробницахъ и на стѣнахъ Помпей. Въ немного очищенномъ видѣ онъ допускался и въ разговорѣ людей изъ хорошаго общества. Случалось, что онъ проникалъ и въ литературу. Латынь народная и латынь литературная начали раздѣляться еще въ глубокой древности, и это раздѣленіе было уже очень замѣтно во времена классическія. При этомъ языкъ, которымъ говорилъ народъ и который не былъ фиксированъ, долженъ былъ измѣняться безконечно, между тѣмъ какъ писатели обязаны были держаться въ предѣлахъ болѣе или менѣе тѣсныхъ [3]).

Мнѣніе о народной латыни, какъ объ особомъ—съ нѣкоторыхъ сторонъ—видѣ латыни, до нѣкоторой степени намъ извѣстномъ, могло до 1891 года казаться достаточно твердо обоснованнымъ; сомнѣній оно почти не возбуждало. Поставилъ его подъ вопросъ тотъ же самый ученый, К. Зиттль, который содѣйствовалъ прежде его упроченію. Въ указанномъ году, въ своемъ обзорѣ новыхъ трудовъ о народной и поздней латыни, появившихся въ періодѣ 1884—1890 г., онъ писалъ: «Когда я въ 1882 г. издавалъ свою книгу (Die lokalen Verschiedenheiten der latein. Sprache), я находился подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда взглядовъ: на 20-мъ году жизни это было понятно и извинительно. Книга встрѣтила неодинаковый пріемъ; мои порицатели предоставили самому мнѣ опровергать себя. Теперь, на основаніи значительнаго матеріала, я могу

---

[1]) Отсюда понятны формы архаической латыни, которыя въ большомъ количествѣ встрѣчаются въ романскихъ языкахъ, и такія явленія, какъ итал. слово osteria, напоминающее архаическое hostis въ значеніи чужестранецъ, „гость“ (сравн. „гостей“ у новгородцевъ въ старой Руси). Mohl, Introd., 8, противъ Miodonski въ Arch. VIII, 149.

[2]) P. Monceaux въ Rev. d. deux mondes, tom. CVI, 1891, p. 431.

[3]) Regnier, De la lat. des serm. de Augustin, 1886, p. 3.

высказать такое сужденіе: народная латынь, съ которой оперируютъ латинисты, есть созданіе фантазіи» [1]). Возраженія Зиттля противъ почти безраздѣльно господствовавшихъ дотолѣ взглядовъ были найдены заслуживающими вниманія. Однако выставленное имъ новое положеніе не нашло общей поддержки. Въ замѣткѣ, напримѣръ, A. Miodoński о рефератѣ Зиттля, напечатанной въ 1893 году, были, между прочимъ, выражены слѣдующія сужденія. Намѣренно и сознательно никто не писалъ народнымъ языкомъ. Но были авторы, которые получили слишкомъ скудное образованіе, чтобы имѣть возможность писать правильно. Они не хотѣли писать вульгарно, однако писать иначе не умѣли. Архитекторъ Витрувій самъ извиняется въ своихъ погрѣшностяхъ противъ грамматики: non enim architectus potest esse grammaticus. Страдаетъ крайностью и заявленіе, что никто изъ церковныхъ авторовъ не писалъ дѣйствительно народнымъ языкомъ, всего же меньше переводчики Библіи. Если они изъ словъ Новаго Завѣта о проповѣди Евангелія бѣднымъ выводили заключеніе, что слѣдуетъ писать и говорить народнымъ языкомъ, чтобы люди понимали ихъ, то было ли это лишь софистическимъ пріемомъ—играть роль неискусныхъ? Развѣ всѣ теологи были въ состояніи писать по-классически, если они жили во время упадка языка? По мнѣнію рецензента, скептицизмъ автора идетъ такъ далеко, что онъ, для устраненія подозрѣнія въ вульгарности нѣкоторыхъ формъ, принужденъ хвататься за искусственное, невѣроятное объясненіе. Въ качествѣ свидѣтелей народной латыни Зиттль, повидимому, называетъ теперь только составителя такъ наз. Appendix Probi и автора «Пира Тримальхіона». Мы, говоритъ рецензентъ, вопреки этому принимаемъ бо́льшее количество источниковъ народной латыни, хотя и сознаемъ, что матеріалъ, представляемый ими, скуденъ, и они не даютъ отчетливаго представленія о вульгарной латыни въ какую-либо эпоху. Свои немалочисленныя критическія замѣчанія рецензентъ заканчиваетъ выраженіемъ мысли: Зиттль склоненъ отречься отъ народной латыни, но кого вполнѣ убѣдятъ его слова [2])?

---

[1]) Jahresber. Bd. 68 (1891. II), S. 226 ff. Здѣсь представлены и основанія новаго взгляда. Задатки его можно находить уже въ докладѣ Зиттля на гёрлицкомъ съѣздѣ въ октябрѣ 1889 года.

[2]) A. Miodoński въ Archiv VIII (1893), s. 146—149.

Не убѣдилъ Зиттль и Гейера, изслѣдователя очень освѣдомленнаго въ поздней и, въ частности, христіанской латыни. Въ рефератѣ о новыхъ трудахъ по народной и поздней латыни [1]) онъ признаетъ замѣчанія Зиттля достойными вниманія, однако и ему кажется, что Зиттль въ своей отрицательной критикѣ пошелъ слишкомъ далеко. По мнѣнію референта, граница между sermo cotidianus и vulgaris проведена слишкомъ рѣзко. Есть пограничная область, въ которой обѣ эти sermones соприкасаются; обѣ онѣ имѣютъ то общее между собою, что употребляютъ выраженія, изгнанныя изъ книжнаго языка или—при господствѣ архаизирующаго направленія—только тогда допускавшіяся, когда можно было подтвердить ихъ древними авторами. Между такими отступленіями отъ книжнаго языка несомнѣнно многое принадлежало и рѣчи обыденной и рѣчи народной. Марцеллъ и Сильвія [2]) даютъ примѣры въ подтвержденіе этого. Съ другой стороны архаизмы, реминисценціи изъ прочитаннаго въ школѣ встрѣчаются и у писателей, вообще обнаруживающихъ малое литературное образованіе. Не смотря на опасность, что кажущійся вульгаризмъ можетъ въ концѣ концовъ оказаться архаизмомъ, Гейеръ не считаетъ безнадежнымъ стараніе—слѣдить за обнаруженіями sermo vulgaris въ литературѣ. По его мнѣнію, вполнѣ возможно встрѣтить такіе слѣды у авторовъ, не имѣвшихъ достаточнаго литературнаго образованія, чтобы писать чистымъ книжнымъ языкомъ, именно у нѣкоторыхъ спеціальныхъ писателей (медиковъ, землемѣровъ); изъ христіанской письменности относятся сюда сочиненія паломниковъ, напримѣръ Антонина изъ Плаценціи, равнымъ образомъ часть надписей, а также, между прочимъ, житія святыхъ. На возраженіе, что эти памятники представляютъ не вульгарную, но плохую латынь, авторъ отвѣчаетъ вопросомъ: если составители указанныхъ памятниковъ и не хотѣли писать вульгарнымъ языкомъ, то откуда явились у нихъ ошибки? Появились онѣ оттого, что авторамъ невольно приходили на умъ выраженія, звуки и конструкціи живой народной рѣчи. Чѣмъ менѣе былъ авторъ образованъ въ литературномъ отношеніи, тѣмъ болѣе должны были у него проскальзывать и выраженія народной рѣчи, не принятыя въ книжномъ языкѣ. Представляется не естествен-

[1]) Jahresber. Bd. 98 (1898, III), s. 33 ff.

[2]) т. е. Этерія, какъ нынѣ можно считать доказаннымъ.

нымъ предположеніе, что христіанство, для котораго запасъ словъ языческихъ писателей былъ недостаточенъ, обходилось только новообразованіями и избѣгало черпать изъ неизсякаемаго источника живой народной рѣчи. Вообще референтъ полагаетъ, что, съ необходимыми предосторожностями и ограниченіями, можно и впредь говорить о народной латыни въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ. Романисты, которые въ этомъ вопросѣ близко заинтересованы, всѣ противъ такого радикальнаго, какъ у Зиттля, отрицанія. Горячая полемика Зеельмана [1]) обращена лишь противъ попытокъ построить систему народной латыни съ пренебреженіемъ историческихъ источниковъ. И со стороны классическихъ филологовъ нѣтъ недостатка въ возраженіяхъ (напримѣръ у Blase, Gesch. d. Plusquamperfekts im Lat., 1894, s. 105).

Къ рѣзкому противорѣчію въ новѣйшихъ сужденіяхъ о народной латыни, какъ замѣтилъ Гейеръ, подала поводъ недостаточная ясность въ понятіи о народной латыни и ея отношеніи къ книжному языку. Нѣкоторая часть ученыхъ представляла разность между той и другой рѣчью слишкомъ рѣзко; говорили даже о двухъ языкахъ, существовавшихъ въ Римѣ рядомъ и совершенно обособленно другъ отъ друга: языкѣ живомъ, народномъ, и застывшемъ въ своихъ формахъ книжномъ языкѣ. При этомъ обращалось слишкомъ мало вниманія на то, что народная латынь не представляла единаго замкнутаго языка, что, скорѣе, существовало много переходныхъ ступеней (въ зависимости отъ сословія, степени образованія и родины говорящаго) отъ sermo vulgaris, rusticus, plebeius, до sermo cotidianus, рѣчи обыденной, которая опять стояла близко къ sermo urbanus; не принималось также по надлежащему въ соображеніе то обстоятельство, что между книжнымъ языкомъ и народной рѣчью существовали соотношенія и взаимныя вліянія; наконецъ, упускалось изъ виду, что нетолько языкъ, которымъ говорили, но и книжный языкъ (хотя послѣдній въ болѣе слабой степени) со временемъ измѣнялся [2]). Къ недоразумѣніямъ легко могло дать поводъ преувеличенное значеніе самыхъ названій «вульгарная» или «народная латынь» и т. п. Нужно безусловно согласиться съ Löfstedt'омъ, что эти названія только относительно вѣрны и что категоріи

[1]) Göttinger gel. Anz. 1890, s. 665 ff.; Vollmöllers Krit. Jahresb. I, 49.
[2]) Geyer, l. c.

явленій, объединяемыхъ такими названіями, не могутъ быть опредѣлены точно: «онѣ представляютъ различные оттѣнки— отъ дѣйствительно вульгарныхъ, нацарапанныхъ на стѣнахъ, надписей въ Помпеяхъ до обиходнаго языка комедіи или полуобработаннаго псевдолитературнаго изложенія нѣкоторыхъ спеціальныхъ авторовъ, въ родѣ автора Bellum Africum или Hispaniense» [1]). Шведскій ученый видимо вполнѣ раздѣляетъ приводимый имъ взглядъ Marx'a: «Опредѣлить сущность и понятіе народнаго языка такъ же трудно, какъ объяснить понятіе народной поэзіи. Мы можемъ указать только на отдѣльныя языковыя явленія, какъ на свойственныя и спеціально принадлежащія народному языку, и поэтому можемъ быть склонны назвать памятникомъ народной латыни тотъ памятникъ письменности, въ которомъ наблюдаются въ большомъ количествѣ такого рода явленія. Но какъ отдѣльныя явленія подобнаго рода могутъ быть указаны и у самыхъ знаменитыхъ писателей, такъ, наоборотъ, и утонченный языкъ вождей литературы разными путями проникалъ въ самые глубокіе слои низшаго населенія, что̀ мы можемъ видѣть изъ застольныхъ разговоровъ плебеевъ у Тримальхіона» [2]). Mohl также подчеркиваетъ то существенное наблюденіе, что народная латынь не есть идіомъ твердо установившійся и отчетливо опредѣленный законами точными и неизмѣнными, и что она не была закрыта отъ вторженія литературныхъ формъ [3]).

Границы между народной и классической и вообще литературной латынью въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ замѣтилъ еще Шухардтъ, можно указать точно; въ другихъ случаяхъ признаки, которые могли бы служить для ихъ опредѣленія, уже не уловимы для нашихъ глазъ; а еще въ иныхъ случаяхъ раздѣленіе обѣихъ языковыхъ областей невозможно по существу дѣла, такъ какъ или границы ихъ не постоянны и съ теченіемъ времени передвигаются, или между столичной и народной рѣчью вообще не было противоположности, но былъ постепенный переходъ одной рѣчи въ другую. Есть обороты

---

[1]) Löfstedt, Phil. Komm., 1911, s. 8.

[2]) Ueber die Beziehungen d. Altlateins zum Spätlatein въ Neue Jahrbücher f. kl. Altertum, 1909, s. 435.

[3]) Mohl, Introd., p. 265. По общему вопросу объ измѣненіяхъ въ латинскомъ языкѣ въ продолженіи его существованія и объ изученіи ихъ срав. статью „Лат. языкъ въ его исторіи“ („Христ. Чт.“ 1910. май—іюн. кн.) и замѣтки въ ж. „Гермесъ“, напримѣръ 1911, 1, 16—18.

въ надписяхъ, относительно которыхъ можно смѣло утверждать, что это—исключительно плебейскіе обороты, не возможные съ точки зрѣнія латинской грамматики, романскіе въ римское время; другіе же, напримѣръ у Плавта и Петронія, носятъ вульгарную окраску, но все-таки до нѣкоторой степени приноровлены къ книжному языку. Отсутствіе границъ между народными и чисто литературными выраженіями замѣтно и тамъ, гдѣ оно прежде не предполагалось или даже отрицалось, какъ абсурдъ. Нѣкоторое иногда приближеніе къ народной рѣчи замѣчается даже въ нѣкоторыхъ рѣчахъ, особенно же въ письмахъ, Цицерона и у другихъ видныхъ авторовъ, если не говорить уже о позднѣйшихъ прозаикахъ [1]), въ сатирахъ Горація и въ произведеніяхъ другихъ выдающихся классиковъ [2]). Есть множество ступеней между тѣмъ, что встрѣчалось только въ простонародномъ языкѣ, и тѣмъ, что наблюдалось лишь въ книжномъ языкѣ. «Одинъ и тотъ же человѣкъ пользовался иной латынью, когда совѣтовался съ своимъ рабомъ на счетъ закупокъ для пира, и другой латынью, когда запиской приглашалъ друга въ свою виллу, и опять иной латынью, когда писалъ оду въ честь вельможи» [3]).

[1]) Reisig's Vorlesungen üb. lat. Sprachwissenschaft, hrsg. mit Anmerkungen von Haase (Lpz. 1839), Anm. 504 къ § 329 (объ изъявит. накл. въ зависимыхъ вопросит. предложеніяхъ). Наблюденіе, какъ видимъ, давнее. Срав. Буасье, Цицеронъ и его друзья, также Kraut, Das vulgäre Element in der Sprache des Sallust, Progr. 1881, и Uri, Quatenus apud Sallustium sermonis latini plebeii aut cotidiani vestigia appareant, Diss. Paris, 1885. Barwinski, Quaest. ad Dracontium, Diss. 1887, p. 6, пишетъ: quod Ciceroni ipsi accidisse videmus, ut, cum orationes primas et ultimas, nedum epistulas, scriberet, ad vulgi sermonem descendere nonnunquam non vereretur, id ipsum inferioris temporis scriptores, cum iniqua et libertati et literis imperatorum aetate, ut Tacitus ait, memoria fere cum voce perderetur, bona mente saepius sibi indulserunt eoque minus in verborum delectu eorumque structura fastidiosi fuerunt, quo mediocrius ingenium et minor exercitatio atque usus scribendi iis erat.

[2]) Ruckdeschel, Archaismen und Vulgarismen in der Sprache des Horaz, Diss. Erlangen 1910; 2-te Ausg. 1911; II-er Teil, Progr. 1911; срав. Teichmüller, Das Nichthorazische in d. Horazüberlieferung, 1911, s. 6. Вульгарные обороты наблюдаются и у Виргилія въ эклогахъ, по Sargeaunt, On Virgil eclogues 9, 17, въ The Class. Review XXIII, 1, 9. Слѣды народнаго языка находятъ у элегиковъ (B. ph. W. 1912, 12, 367). О вліяніи державшихся въ народѣ способовъ выраженія мысли писалъ Büchеler въ Mélanges Boissier, Par. 1903 (по Bursian-Kroll Jahresber. 1911, III, 54—55).

[3]) Schuchardt, I, 33. Сравн. диссертацію G. Dammann, Cicero quo modo in epistulis sermonem hominibus, quos appellat, et rebus, quae

Матеріалъ для уясненія вида и характера народной, какъ и обыденной, латыни сохранился, какъ видно и изъ вышеизложеннаго, въ нѣкоторомъ количествѣ и до нашего времени, но онъ все же сравнительно скуденъ; притомъ записи его почти не воспроизводятъ языка совсѣмъ необразованнаго народа. Цѣльныхъ записей чисто народной рѣчи отъ древней поры не осталось, и такимъ образомъ прямого—въ точномъ смыслѣ—памятника, который замѣнялъ бы живую рѣчь, какъ копія замѣняетъ оригиналъ, у насъ нѣтъ. Для уясненія языка народа самое надежное средство—подслушивать рѣчь людей, лишенныхъ литературнаго образованія. Къ счастью, для этого есть нѣкоторая возможность. Въ надписяхъ нерѣдко слышится рѣчь совсѣмъ простыхъ людей. Здѣсь предъ наблюдателемъ множество ошибокъ противъ установившейся орѳографіи, выговора, формъ, управленія падежей; иногда сохранены надписями изгнанное изъ литературы слово или суффиксъ и т. д. Но и надписи не могутъ считаться дѣйствительнымъ, не прикрашеннымъ языкомъ народа. Составители надписей часто обнаруживаютъ стараніе показать свою образованность. Рѣзчиками надписей могли быть, какъ и теперь часто бываютъ, не туземцы, а переселенцы; начертывалъ надписи не заказчикъ, а мастеръ по этой части, работавшій подъ вліяніями профессіональныхъ традицій; у него или была подъ руками своего рода «книга формулъ», или въ его памяти, за время подготовки къ мастерству, запечатлѣлись обычныя формулы, въ предѣлахъ которыхъ вращалась большая часть надписей. Почетныя надписи писались условнымъ стилемъ и потому представляли мало случаевъ для обнаруженія мѣстныхъ народныхъ особенностей рѣчи. О несоотвѣтствіи этого рода памятниковъ дѣйствительному говору можно судить по самому виду буквъ: гдѣ господствуютъ квадратныя литеры, тамъ нужно ожидать и условнаго языка. Видимо ближе къ живой рѣчи находится курсивъ на стѣнахъ Помпей [1]), на вощаныхъ и свинцовыхъ дощечкахъ и въ катакомбахъ.

---

angit, accommodaverit, 1910, и рецензію W. Sternkopf въ B. ph. W. 1911, 31, 958 ff.

[1]) Срав. Guericke, De linguae vulgaris reliquiis apud Petronium et in inscriptionibus parietariis Pompeianis. Diss. Königsberg 1884. Срав. Konjetzny, De idiotismis syntacticis in titulis latinis urbanis, въ Archiv XV, 297—351, и отзывъ Wagener въ Jahresber. 1911, 10—11 H., Bd. CLIV, III, S. 196.

И римская литература, особенно въ тѣхъ ея памятникахъ, въ которыхъ болѣе или менѣе отражается архаическая латынь [1]), представляетъ нѣкоторые источники для познанія народной рѣчи. Это—остатки отъ народныхъ комедій, между которыми Ателланы являлись настоящими залежами деревенскихъ словъ, а отчасти и сохранившіяся палліаты [2]). Это, далѣе, разговоры Тримальхіона и его сотрапезниковъ въ Петроніевой Cena Trimalchionis [3]). Нѣкоторые матеріалы содержатся у Витрувія, Цельса, Марцелла, въ Bellum Africanum и Hispaniense. Въ этихъ и другихъ [4]) памятникахъ содержатся, однако,

---

[1]) Вульгарная латынь во многихъ случаяхъ совпадаетъ съ архаическою. Справедливо указывается, что, какъ всегда и всюду, рѣчь простого человѣка въ Римѣ была консервативна и вѣрно хранила изъ стараго языкового наслѣдія много такого, что уже давно исчезло изъ языка образованныхъ классовъ. Такъ можно было бы думать съ значительной увѣренностью уже на основаніи общихъ соображеній, если бы даже это не было прямо засвидѣтельствовано Цицерономъ, который въ De orat. III, 12, 45 влагаетъ въ уста Красса слова: Equidem quum audio socrum meam Laeliam—facilius enim mulieres incorruptam antiquitatem conservant, quod multorum sermonis expertes ea tenent semper, quae prima didicerunt—; sed eam sic audio, ut Plautum mihi aut Naevium videar audire. См. Ruckdeschel, Arch. u. Vulg. in d. Spr. d. Horaz, 2 Ausg. 1911, s. 4.

[2]) Tschernjaew, P.: Terentiana. Eine Studie aus dem Gebiete des sogenannten Vulgärlateins, Kasan 1900; Terentiana. De sermone Terentii plebeio aut quotidiano, Casani 1900; сравн. того же автора: Terentiana. De Ciceronis studiis Terentianis, Casani 1897, и Наблюденія надъ Теренціемъ и его истолкователемъ Донатомъ, Варшава 1910; Wahrmann, Vulgärlateinisches bei Terenz, въ Wiener Studien, 1908, 1; Bartel, De vulgari Terentii sermone, и отзывъ Wahrmann'a объ этой работѣ въ ZöG. 62, 11, 1035 f. Не слѣдуетъ впрочемъ забывать, что рабы въ палліатѣ говорятъ иначе, чѣмъ ихъ коллеги въ чисто туземныхъ шуткахъ. Въ комедіяхъ Плавта языкъ улицы, конечно, отобразился, но такого рода памятники все же не представляютъ народной латыни въ точности.

[3]) Относительно Петроніева романа дѣлаются однако ограничительныя замѣчанія. Петроній выводитъ здѣсь не настоящихъ плебеевъ. Самъ Тримальхіонъ — начитанный человѣкъ. И другія Петроніевы фигуры—не плебеи. Лица сатирика говорятъ скорѣе жаргономъ прислуги, чѣмъ языкомъ настоящаго римскаго плебея. Петроній, далѣе, высмѣиваетъ народную латынь; а это существенно вредитъ точности ея воспроизведенія. О языкѣ Петронія см. Heraeus, Die Sprache des Petronius und die Glossen, Lpz. 1899; отзывъ C. Wagener въ Jahresber. Bd. CLIV (1911, III), s. 172—173. Сравн. „Гермесъ" 1911, 18, 457—460. Отз. о Petronii Saturae, rec. Buecheler, ed. quintam cur. Heraeus (1912)—въ The Class. Review, 1913, 4, 142—143.

[4]) См. напр. Carmina lat. epigraphica... coll. Engström, 1912, и отз. Hosius въ B. ph. W. 1913, 48, 1512.

лишь отдѣльныя частности народной рѣчи, которыя являются какъ бы вкрапленными въ общую картину языка [1]). Особую группу памятниковъ представляютъ сообщенія древнихъ грамматиковъ и глоссаторовъ. Грамматики дѣлаютъ иногда прямыя указанія на деревенскія формы выраженія, quasi rustico more dicta, или указываютъ народныя особенности въ формѣ ихъ отрицанія, напр.: «probavit», non «probait». Но сообщенія грамматиковъ отрывочны и не полны. Эти лица не имѣли настоящаго филологическаго интереса къ народной рѣчи; плебейскіе элементы языка представляли для нихъ интересъ не сами по себѣ, но только со стороны ихъ несоотвѣтствія требованіямъ классической правильности, да и то лишь между прочимъ; вниманіе ихъ обращалось по преимуществу на явленія классическія. Даже въ отдѣлахъ de soloecismo и de barbarismo, какъ отмѣтилъ Зиттль въ Герлицкомъ докладѣ, они не идутъ дальше теоретической установки видовъ языковыхъ ошибокъ; не многіе примѣры смѣшаны съ поэтическими лиценціями. Изъ грамматиковъ обнаруживаетъ сравнительно значительный интересъ къ народной латыни Консенцій [2]). Наиболѣе важнымъ свидѣтелемъ о народной латыни, и именно, повидимому, африканской, является такъ наз. Appendix Probi [3]), представляющій цѣнное собраніе плебейскихъ формъ словъ. Проведенная здѣсь система указаній встрѣчается иногда и въ глоссахъ Плацида: «cribrum, non ciribrum», или обстоятельнѣе: «censorium per *i* scribimus, non per *e*», между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ противоположенія не дѣлается: «bitumen per *b* scribimus» (подразумѣвается: non per v) [4]). Для уясненія деталей въ народной латыни поздняго времени имѣютъ свою цѣну всѣ вообще памятники латинской письменности, составлявшіеся не подъ чисто литературными вліяніями, каковы довольно многіе памятники христіанской письменности, или даже почти внѣ этихъ вліяній, какъ, напримѣръ, Lex Salica.

[1]) Древніе писатели, не преслѣдовавшіе филологическихъ цѣлей, считали нужнымъ даже извиняться, если имъ доводилось употребить деревенское слово или народный оборотъ.

[2]) Срав. Abbot, Vulgar Latin in the Ars Consentii. Обзоръ содержанія этого труда данъ въ W. f. kl. Ph. 1910, № 42.

[3]) Срав. G. Paris, Mél. lingu., p. 32 ss., и Sittl, Die Heimat der App. Probi въ Arch. VI, 357 f. Работы объ Appendix указаны и разсмотрѣны въ рефератѣ Geyer'a въ Jahresber. Bd. 98 (1898, III), s. 98—99.

[4]) Schuch., I, 3.

Въ довольно многихъ позднихъ памятникахъ слѣды народной латыни приходится розыскивать, такъ какъ авторы старались писать книжнымъ языкомъ.

Обильный матеріалъ для возстановленія народной латыни доставляется источникомъ, который вполнѣ оцѣненъ лишь сравнительно недавно, со времени Fr. Diez'a и позднѣйшихъ романистовъ [1]). Этотъ источникъ открывается въ сравненіи латинскаго языка съ родственными по нисходящей линіи языками, именно романскими или нео-латинскими [2]). Эти языки суть прямые потомки именно народнаго латинскаго языка, который лежитъ въ ихъ основѣ и въ нихъ продолжаетъ жить, и изученіе ихъ бросаетъ на исторію латинской народной рѣчи яркій свѣтъ: изъ согласныхъ свидѣтельствъ романскихъ языковъ романисты, имѣя въ виду языковые законы, заключаютъ, какія явленія въ латинскомъ языкѣ предполагаются ихъ нынѣшней формой. Форма, напримѣръ, veclus, вмѣсто vetulus, отвергаемая грамматикомъ III вѣка, могла бы быть возстановлена на основаніи романскихъ языковъ (итал. vecchio, фр. vieil), если бы даже она не была засвидѣтельствована [3]). Данными романскихъ языковъ, какъ замѣтилъ Шухардтъ, доказываются звуковыя явленія, для которыхъ изъ древности имѣется на лицо мало примѣровъ; они открываютъ перспективу пространственнаго развитія или распространенія разныхъ перемѣнъ въ языкѣ [4]). Романскіе языки представляютъ коррек-

---

[1]) Friedrich Diez, Grammatik der romanischen Sprachen, 5 Aufl. 1882; Etymologisches Wörterbuch der roman. Sprachen. 4 Ausg. 1878. Сравн. Meyer-Lübke, Romanisches etymologisches Wörterbuch, Lief. 1 und 2/3, Heidelberg 1911 (Rec.: Liter. Zentralbl. 1912, 5, 167—8).

[2]) Общее названіе „романскій языкъ“ проще всего, кажется, примѣнять къ народной латыни съ той поры, какъ начинается отдѣльное ея развитіе въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Германцы, своимъ занятіемъ Галліи и Испаніи, прекратили (точнѣе, ослабили и затруднили) сношенія Италіи съ названными странами, вслѣдствіе чего, главнымъ образомъ, и стало возможно отдѣльное развитіе народной латыни въ этихъ земляхъ. Поэтому Brüch, Der Einfl. d. germ. Spr., 1913, s. 3—4, полагаетъ, что дифференцированіе лат. народнаго языка и преобразованіе его въ романскіе началось въ V вѣкѣ, когда германцы заняли Галлію и Испанію. Срав. Mohl, Introd., p. 1 ss. о трудностяхъ при опредѣленіи хронологіи и топографіи народной латыни.

[3]) Skutsch, Die lat. Spr., въ Die Kultur d. Gegenw., s. 438.

[4]) Schuch., 29. Срав. Pott, Das Latein im Uebergang zum romanischen, въ Zeitschr. f. Alterthumswiss., 1853 и 1854; Plattlateinisch und Romanisch, въ Ztschr. f. vergl. Sprachforsch. von Kuhn, t. 1; Gröber, Vul-

тивъ къ свидѣтельствамъ, сохранеппымъ въ литературѣ и у грамматиковъ [1]). Наконецъ, при уясненіи народной латыни слѣдуетъ имѣть въ виду иноязычныя вліянія на нее, въ томъ числѣ греческія [2]), кельтскія [3]), германскія [4]).

Такимъ образомъ составъ и видъ народнаго латинскаго языка для человѣка новаго времени не есть нѣчто сполна данное, но въ нѣкоторой части лишь опредѣляемое. Нуждается въ дальнѣйшемъ уясненіи спеціальными изслѣдованіями и отношеніе народнаго языка къ литературному, а также вообще его мѣсто и значеніе среди языковыхъ обнаруженій древне-латинской мысли. Для лицъ, имѣющихъ дѣло по преимуществу съ христіанскими текстами и съ явленіями въ исторической жизни христіанства, въ особенности важно уясненіе положенія и значенія народнаго языка, прежде всего, въ періодъ появленія христіанства на западѣ, точнѣе—въ ту пору, когда христіанство стало пользоваться этимъ языкомъ для проповѣди, богослуженія и другихъ церковныхъ надобностей, а затѣмъ—опредѣленіе характера и размѣровъ вліянія народной рѣчи на языкъ христіанскихъ писателей.

Христіанство должно было пользоваться латинской народной рѣчью [5]). Самые ранніе и крѣпкіе корни пустило оно въ низшихъ слояхъ и сословіяхъ народа; и распространялось оно въ теченіи долгаго времени по преимуществу въ низшихъ классахъ. Проповѣдь обращалась въ особенности къ людямъ изъ народа, и нужно было умѣть говорить ихъ языкомъ.

---

gärlat. Substrate roman. Wörter, въ Archiv I, II, III, VI. Bonnet въ L Lat. de Gr. de T., p. 35, n. 2, одобряетъ мнѣніе Körting'a, Encykl. d. rom. Phil., II, 325, который полагаетъ, что развитію народной латыни въ романскіе языки благопріятствовало и его ускоряло исчезновеніе живо книжной рѣчи. Съ исчезновеніемъ послѣдней палъ важнѣйшій оплотъ противъ естественнаго развитія и всеобщаго господства народной латыни. Между тѣмъ, по взгляду нѣкоторыхъ, латинскій народный языкъ одинъ распространился въ провинціяхъ.

[1]) Stolz въ Histor. Gr. d. lat. Sp., I, 1, s. 23.

[2]) Weise, Die Griechischen Wörter im Latein, Lpz. 1882; Brenou Etude sur les hellénismes dans la syntaxe latine, Paris 1895.

[3]) Срав. Schramm, Sprachl. z. lex Salica, 1911, s. 70.

[4]) Brüch, Der Einfl. d. germ. Spr. auf d. Vulgärlatein, 1913.

[5]) Сравн. статьи: „Лат. языкъ въ богослуженіи древней западной церкви"—въ „Христ. Чт.", 1912, февр. кн., и „Изъ исторіи уясненія древне-латинскаго и Іеронимова текста Библіи"—въ „Хр. Чт." 1913 февр. кн.

Августинъ писалъ: «часто я употребляю выраженія не свойственныя хорошей латыни; это дѣлается для того, чтобы лучше понимали меня. Лучше будетъ, если грамматики станутъ порицать меня, чѣмъ если не пойметъ меня народъ». Такъ же, нужно полагать, разсуждали и поступали христіанскіе проповѣдники и раньше. Когда западные христіане не только для надобностей богослуженія, но и для домашняго употребленія [1]) переводили Библію, они естественно хотѣли сдѣлать ее вразумительною для всѣхъ. Отсюда народныя выраженія въ первыхъ переводахъ священныхъ книгъ, а позже и въ переводѣ Іеронима. Отцы церкви и писатели церковные въ своихъ догматическихъ, экзегетическихъ и иныхъ трудахъ раскрывали множество новыхъ, притомъ отвлеченныхъ идей, передать которыхъ средствами наличнаго литературнаго языка было не возможно. Здѣсь могъ помочь только народный языкъ, который былъ въ полномъ смыслѣ живымъ языкомъ, свободнымъ отъ педантическихъ иногда стѣсненій теоріи и способнымъ къ дальнѣйшему обогащенію, путемъ творческой дѣятельности народнаго генія, въ большей мѣрѣ, чѣмъ языкъ книжный. Самымъ внушительнымъ въ этомъ отношеніи фактомъ является, по справедливому замѣчанію Монсо, примѣръ блаженнаго Іеронима. Онъ владѣлъ литературнымъ языкомъ какъ, можетъ быть, никто въ его время, и это доказалъ на дѣлѣ; но если читать его переводъ Библіи и истолковательные и догматическіе трактаты, то сейчасъ же можно замѣтить усвоеніе имъ словъ и оборотовъ народныхъ. Это была необходимость, которой долженъ былъ подчиниться и этотъ образованнѣйшій христіанскій писатель, вопреки своимъ личнымъ вкусамъ [2]).

Было бы исторически неправильно утверждать вообще, какъ дѣлалъ это напримѣръ Шухардтъ, будто христіанскіе писатели, учители и отцы пренебрегали чтеніемъ и изученіемъ языческихъ авторовъ и порицали его, слѣдовательно не цѣнили классически изящной формы изложенія. Но, конечно, неоспоримо, что довольно многіе христіанскіе авторы, по вопросу объ образованіи и языкѣ, судили не такъ, какъ привыкли думать литературно образованные язычники, живые носители непрерывавшихся античныхъ традицій въ языковомъ отноше-

---

[1]) A. Harnack, Ueber den privaten Gebrauch der Heiligen Schriften in der alten Kirche, Lpz. 1912, особенно стр. 22 и слд.

[2]) Monceaux въ Rev. d. d. m., p. 440—441.

нiи. Типичнымъ выразителемъ взглядовъ такихъ христiанъ былъ папа Григорiй I, выражавшiй мысли въ родѣ слѣдующихъ: indignum vehementer existimo, ut verba caelestis oraculi restringam sub regulis Donati. Отступленiя отъ нормъ языка, установленныхъ образцовыми писателями и теоретиками языка—грамматиками, весьма часто вызывались у христiанъ именно вліяніями безыскусственной народной рѣчи. Отсюда необходимость изученiя латинскаго народнаго языка въ интересахъ познанiя христiанской латыни, какъ долженъ изучаться и изучается греческiй народный языкъ ради уясненiя новозавѣтнаго греческаго языка [1]).

Возможно полныя указанiя на вульгарные элементы въ христiанской латыни будутъ представлены въ подготовляемомъ опытѣ историческаго обзора всей латыни древнихъ христiанъ. Здѣсь же пока достаточно ограничиться общимъ замѣчаніемъ, что черты народной рѣчи наблюдаются и указываются въ очень многихъ христiанскихъ памятникахъ: въ латинской Библiи [2]), въ памятникахъ литургическихъ [3]), у многихъ христiанскихъ авторовъ [4]) какъ древнѣйшаго, такъ и болѣе поздняго времени, напримѣръ у Тертулліана [5]), у авторовъ двухъ римскихъ писемъ и трехъ африканскихъ, присоединенныхъ къ корреспонденцiи Кипріана [6]), у Коммодіана [7]), Арнобія [8]), Этеріи (по прежнему названiю Сильвіи) [9]), даже у Драконтія [10]) и у мно-

[1]) L. Radermacher, Neutestamentliche Grammatik. Das Griechisch des Neuen Testaments im Zusammenhang mit der Volkssprache, Tübingen 1911, и рецензiи на эту книгу въ разныхъ изданiяхъ (напр. B. ph. W. 1912, 41, 1277). О вульгарной рѣчи въ Александрiйскомъ переводѣ срав., между прочимъ, Anz въ Diss. phil. Hal., vol. XII, pars II. Интересны сужденiя, изложенныя въ Glotta, IV, 4 (1913), s. 328.

[2]) Кромѣ раннѣйшихъ трудовъ Thielmann'a, Rönsch'a и друг., можно назвать Soden, Das lat. N. T. in Afrika, passim.

[3]) Mone, Messen, 40 ff.

[4]) Срав. Sittl, Rusticitas der theol. Schriftsteller, въ Archiv, VI, 560 f.; Bruhn, De rusticitate script. ecclesiasticorum, въ книгѣ: Specimen vocabularii rhetorici, 1911, pag. 6 ss.

[5]) Это видно отчасти изъ Hauschild, Die Grunds. d. Wortbild. bei T., I, 3.

[6]) Срав. Bayard, p. XVII.

[7]) Для примѣра можно процитовать Brewer, Komm. v. G., 332 A., и Zeller, Die Z. Komm., 87—88.

[8]) Stange, напримѣръ, въ De Arn. oratione, 1893, приводитъ verba ex vulgari sermone deprompta.

[9]) Обстоятельныя сообщенiя далъ Löfstedt въ своемъ Kommentar.

[10]) Barwinski, Quaest. ad Drac., Diss. 1887, p. 39 ss.

гихъ другихъ, особенно если ихъ тексты. научно установленные, представляютъ, гдѣ требуется существомъ дѣла, бережное воспроизведеніе рукописнаго преданія [1]), а также въ христіанскихъ надписяхъ [2]).

Кромѣ собственно народной латыни, въ языкѣ христіанъ должна была отражаться и латынь обыденной жизни образованныхъ классовъ [3]). Даже весьма образованные люди не всегда и, можетъ быть, не часто выражались въ ежедневномъ быту литературно и по книжному, какъ это повсемѣстно наблюдается и теперь. Преподаватель риторики Квинтиліанъ, по его

---

[1]) Сравн. отзывъ о трудахъ Löfstedt'a въ журн. „Гермесъ“ 1912, 3, 79—83, замѣтку „Рукописное преданіе и перемѣны въ немъ“—„Гермесъ“ 1911, 6, 143—146, и замѣтки въ томъ же изданіи 1912, 14, 356—358; 1910, 15, 387—388, и друг. Консервативную точку зрѣнія настойчиво проводитъ W. A. Bachrens (сынъ извѣстнаго Эмилія Бэренса) въ Beiträge zur lat. Syntax. Sonderabdruck aus Philologus, Supplementband XII, zweites Heft, Lpz. 1912. Синтаксистъ J. H. Schmalz ставитъ это въ одну изъ заслугъ младшаго Бэренса (B. ph. W. 1913, 22, 686—698).

[2]) Характерно, что Шухардтъ сначала хотѣлъ собрать деревенскія формы собственно изъ христіанскихъ надписей. Очевидно, нѣмецкій ученый представлялъ связь между народной латынью и латынью христіанъ (по крайней мѣрѣ въ одномъ видѣ послѣдней — въ надписяхъ) очень тѣсною.

[3]) Въ литературѣ предмета, кромѣ многихъ изъ вышеуказанныхъ трудовъ о народной латыни, иногда близко соприкасающейся съ обиходной рѣчью и нерѣдко даже отождествляемой съ нею (сравн., напримѣръ, изъ близкаго времени Brüch, Der Einfl. d. germ. Spr., 1913, s. 2), можетъ быть выдѣленъ интересный очеркъ Rebling'a. Versuch einer Charakteristik der röm. Umgangssprache auf syntaktischem und lexikalischem Gebiete, 1883. Срав. отзывы о первомъ изданіи, вышедшемъ въ 1873 году, въ Liter. Centralblatt 1873, Sp. 846, въ Bursians Jahresber., Jahrg. 1, s. 371, 673, 1461, и въ Phil. Anz. 1876, VII, 71, и о второмъ изданіи— въ Jahresber. Bd. 40, 1884, III,—s. 317.

Preibisch, De sermonis cotidiani formulis quibusdam veterum Romanorum. Diss. 1908. Rec.: Schmalz въ B. ph. W. 1912, 45, 1421—1422.

Landgraf, Bemerkungen zum sermo cotidianus in den Briefen Ciceros und an Cicero, въ Blätter f. d. bayr. Gymn., XVI, s. 274 ff., 317 ff.

Языкомъ, которымъ говорили на латинскомъ и латинизированномъ западѣ, касается Skutsch въ Kultur d. Gegenw., Meyer-Lübke въ Gröber's Grundriss d. Roman. Philologie. I. Отдѣльныя замѣчанія объ обыденной латыни разсѣяны въ весьма многихъ изданіяхъ, напримѣръ въ Bellanger, In Ant. Placent. Itinerarium, въ критическихъ замѣткахъ, напримѣръ проф. А. Маленина въ „Гермесѣ“ 1910, 11—12, 299 слл., и друг. Colloquial Latin касается Classical Review tom. XXIV, 1910, p. 30. Срав. также Schwyzer, Die Weltsprachen d. Altertums, s. 31.

собственному признанію, выражался въ семьѣ, съ друзьями и слугами, совсѣмъ не такъ, какъ на каѳедрѣ. Этотъ обиходный языкъ образованныхъ людей, имѣвшій, разумѣется, не мало общаго и съ рѣчью простого народа, называется у древнихъ (Квинтиліана, Светонія, Сенеки, Геллія, а равно и Цицерона) обыденнымъ языкомъ, sermo cotidianus, но чаще, особенно при передачѣ соотвѣтствующаго греческаго термина συνήθεια и подобныхъ ему, употребляются выраженія: consuetudo, usus, usitate, также vulgo (у Квинтиліана, грамматиковъ, Августина). Обыденный языкъ образованнаго класса отличался отъ вульгарнаго [1]), однако кое въ чемъ и сходился съ нимъ; слишкомъ рѣзкой грани между ними, повидимому, не слѣдуетъ проводить [2]). Обиходный языкъ нигдѣ не бываетъ вполнѣ одинаковъ даже въ одно и то же время; онъ представляетъ значительныя разности по мѣсту, и онѣ тѣмъ многочисленнѣе и важнѣе, чѣмъ шире его распространеніе; въ немъ есть много различій въ зависимости отъ развитія и общественнаго положенія людей, которые имъ пользуются.

Обыденный разговорный языкъ наблюдается по преимуществу [3]) въ тѣхъ видахъ литературы, въ которыхъ преобладаетъ діалогъ или которыя близки къ діалогической формѣ изложенія: больше всего въ комедіи [4]), меньше въ сатирѣ, романѣ, письмѣ [5]). Впрочемъ, обыденный разговорный языкъ

[1]) Sittl въ Гёрлицѣ полагалъ, что если бы образованному римлянину сказали, что онъ говоритъ вульгарно, народнымъ языкомъ, то онъ принялъ бы это за тяжелое оскорбленіе.

[2]) Изслѣдователями они часто совсѣмъ не различаются. Kuchdeschel, l. c., 2 Ausg., 1911, S. 5, пишетъ: Unter „volkstümlich" oder „vulgär" begreife ich nach Wölfflin die Umgangssprache in all ihren Schattierungen vom sermo familiaris der Gebildeten bis zum sermo plebeius der Gasse. Сравн. „Гермесъ" 1911, 18, 454—457.

[3]) Preibisch, p. 5, справедливо замѣчаетъ, что при указаніи источниковъ, изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія о формулахъ обыденной рѣчи древнихъ римлянъ, не слѣдуетъ пренебрегать ни однимъ авторомъ, писавшимъ по латыни, хотя и прибавляетъ, разумѣется, что не всѣ писатели одинаково важны для этой цѣли.

[4]) О значеніи sermo cotidianus для Теренція срав. „Гермесъ" 1910, №№ 11—12 и 15 по поводу работъ проф. Черняева. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе важенъ здѣсь Плавтъ.

[5]) Въ сатирической литературѣ имѣются въ виду, кромѣ фрагментовъ изъ Луцилія и отрывковъ Менипповой сатуры Варрона, стихотворенія Персія и Ювенала (сравн. напримѣръ Eichenberg, De Persii satirarum natura atque indole, I. по B. ph. W. 1906, 26, 808), сатирическій

является здѣсь въ литературный обработкѣ, и даже раннѣйшіе памятники этого рода не представляютъ безусловно точной передачи дѣйствительной разговорной рѣчи. Что касается, въ частности, писемъ, то дружеская переписка, по употребленію, конструкціи и расположенію словъ, неоспоримо, близко подходитъ къ обыденной рѣчи; но многія письма, при самомъ ихъ составленіи, назначались для широкаго круга читателей, или же впослѣдствіи отдѣлывались въ виду такого ихъ назначенія, и потому непринужденность ихъ стиля есть до извѣстной степени дѣло искусства. Признается возможнымъ сказать это даже о перепискѣ Цицерона съ Аттикомъ, изложеніе которой обычно характеризуется (въ общемъ, съ полнымъ правомъ) терминомъ sermo familiaris) [1]). Извѣстны извлеченія изъ дружескихъ писемъ, сохранившіяся въ біографіяхъ императоровъ, и Светоніевы указанія на sermo cotidianus писемъ Августа; однако и здѣсь, какъ замѣчено, являлся предъ читателемъ авторъ, для котораго извѣстная искусственность въ языкѣ стала второю природою [2]). Въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, сохраненныхъ біографіями цезарей, несомнѣнно отразилась живая рѣчь со всѣмъ богатствомъ ея образовъ и проч., но вообще здѣсь выступаетъ уже литературно отдѣланная, хотя по существу и обыденная, рѣчь. То же можно сказать объ языкѣ нѣкоторыхъ памятниковъ съ христіанскимъ содержаніемъ, въ родѣ протоколовъ или дѣяній соборовъ, или записей о мученическихъ про-

---

романъ Петронія, Apocolocyntosis Сенеки и Sermones Горація, о которыхъ см. L. Mueller въ его большомъ комментированномъ изданіи сатиръ и писемъ Горація, и въ особенности Ruckdeschel, op. cit. Для писемъ Цицерона, кромѣ книги Буасье о Цицеронѣ и его друзьяхъ, сравн. G. Landgraf, Bemerkungen zum sermo cotidianus in den Briefen Ciceros und an Cicero, въ Bl. f. d. bayer. Gymn., Bd. XVI, 1880. Часть литературы объ обыденной рѣчи указана въ Jahresber. Bd. 40,—1884, III,—s. 330 ff.

[1]) Cic. ap Att. I, 9, 1. Ученые издатели со вниманіемъ и по возможности бережно обращаются нынѣ со слѣдами обиходнаго языка, сохраненными рукописнымъ преданіемъ писемъ Цицерона, какъ и другихъ памятниковъ литературы, и не хотятъ передѣлывать его по требованіямъ литературнаго стиля, какъ бывало раньше. Klotz въ рецензіи на трудъ Sjogren'a, Commentationes Tullianae, Uppsala 1910, пишетъ: man muss — — daran gewöhnen dass Ciceros Briefstil noch mehr der Umgangssprache sich näherf. als man anzunehmen geneigt sein könnte (B. ph. W. 1911, 7, 203; cf. Sp. 204).

[2]) Sittl, докладъ въ Görlitz, s. 389.

цессахъ, хотя требованія условнаго стиля многое здѣсь стерли [1]). Слѣды обыденной рѣчи наблюдаются и у многихъ христіанскихъ писателей съ литературнымъ именемъ, напримѣръ у Минуція Феликса [2]) и Тертулліана [3]). Рядъ древнихъ и позднѣйшихъ писателей, интересныхъ въ указанномъ отношеніи, увеличивается довольно замѣтно, вмѣстѣ съ усиленіемъ научнаго интереса къ поздней латыни вообще [4]).

А. Садовъ.

---

[1]) Сюда же относятся записи нѣкоторыхъ собесѣдованій о вѣрѣ. См. напримѣръ бесѣду у Caspari въ Anecdota, I, 133 ss., и Arnobii catholici et Serapionis conflictus въ Migne LIII, 238 ss.

[2]) Seiller, сравнивая языкъ Минуція съ языкомъ современныхъ ему Тертулліана и Апулея, находитъ, что Минуцій пропускалъ обыденную рѣчь въ свое изложеніе, такъ сказать, задней дверью, между тѣмъ какъ у Тертулліана и Апулея эта рѣчь входила въ ихъ языкъ какъ бы сквозь настежь открытыя двери (Seiller, 16).

[3]) По мнѣнію Вельфлина, передаваемому у Hoppe (Synt. u. Stil d. T., S. 148), Тертулліанъ überhaupt der Umgangssprache am nächsten steht.

[4]) Сравн. „Изученіе языка латинскихъ христіанскихъ писателей“ въ журналѣ „Гермесъ“ 1910, 1, 17—19, и друг., также замѣтку въ названномъ изданіи, 1913, 19, 503—506: „Одна изъ задачъ при историческомъ изученіи латинскаго языка“.

Два произведенія, ложно надписываемыя именемъ св. Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго:

а) Двѣнадцать главъ о вѣрѣ.

СЪ именемъ св. Григорія Чудотворца на греческомъ и сирійскомъ языкахъ сохранилось два произведенія, происхожденіе которыхъ, какъ показываетъ ихъ содержаніе, относится къ болѣе позднему времени: а) „Двѣнадцать главъ о вѣрѣ—Κεφάλαια περὶ πίστεως δώδεκα“—и б) „Подробное изложеніе вѣры—Ἡ κατὰ μέρος πίστις“. Оба произведенія безспорно не принадлежатъ неокесарійскому святителю; но они, помимо своего церковно-историческаго значенія, представляютъ интересъ и съ той точки зрѣнія, что даютъ наглядное свидѣтельство объ извѣстности и славѣ св. Григорія Чудотворца, показывая, какъ представители противоположныхъ направленій богословской мысли прикрывали его авторитетомъ свои произведенія.

Первое произведеніе, какъ показываетъ его названіе, раздѣляется на двѣнадцать главъ, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ, въ формѣ анаѳематизма, противоположеніе воззрѣнія, признаваемаго авторомъ еретическимъ, тому ученію, которое онъ считаетъ правильнымъ, а затѣмъ изъясненіе и обоснованіе высказаннаго тезиса. Въ виду несомнѣнной неподлинности произведенія и отсутствія какихъ бы то ни было основаній поддерживать свидѣтельство греческихъ рукописей и сирійскаго перевода о принадлежности его св. Григорію Неокесарійскому [1]), въ данномъ случаѣ для выясненія основ-

[1]) Въ „Воскресномъ Чтеніи“ X (1840 г.), стрн. 310 сл. былъ помѣщенъ русскій переводъ „Двѣнадцати главъ о вѣрѣ“, какъ подлиннаго произведенія св. Григорія Чудотворца.

ного характера его имѣютъ значеніе только новѣйшія попытки опредѣлить условія его происхожденія. Толчекъ къ изслѣдованіямъ „Двѣнадцати главъ о вѣрѣ“ въ послѣднее время далъ І. Дрезеке. Онъ обратилъ вниманіе на исповѣданіе вѣры антіохійскаго епископа Виталія, одного изъ первыхъ учениковъ Аполлинарія, о которомъ упоминаетъ св. Григорій Богословъ во второмъ посланіи къ Кледонію, и, путемъ сопоставленія данныхъ о Виталіи и его исповѣданіи съ содержаніемъ „Двѣнадцати главъ о вѣрѣ“, пришелъ къ заключенію, что въ послѣднемъ именно и нужно видѣть это самое исповѣданіе аполлинаріанина Виталія [1]). Такимъ образомъ, І. Дрезеке призналъ въ „Двѣнадцати главахъ о вѣрѣ“ аполлинаріанскій характеръ. Противъ этого „открытія“ І. Дрезеке рѣшительно возсталъ Фр. Кс. Функъ [2]), который доказывалъ, что произведеніе, имѣя анти-аполлинаріанскую тенденцію, направляется уже и противъ несторіанства и монофизитства и могло быть написано только во второй половинѣ V вѣка. Послѣ него E. Lauchert [3]), на основаніи близкой литературной связи между „Двѣнадцатью главами о вѣрѣ“ и анти-аполлинаріанской литературой IV вѣка—двумя книгами св. Аоанасія (?) противъ Аполлинарія, его посланіемъ къ Епиктиту, двумя посланіями св. Григорія Богослова къ Кледонію и опроверженіемъ Аполлинарія св. Григорія Нисскаго,- документально установилъ, что произведеніе отъ начала до конца вращается въ тѣхъ же мысляхъ, которыя отцы IV вѣка въ своихъ полемическихъ произведеніяхъ направляли противъ Аполлинарія, что во всѣхъ своихъ частяхъ оно стоитъ въ тѣсной зависимости отъ нихъ и, безъ сомнѣнія, въ цѣломъ своемъ объемѣ посвящено авторомъ полемикѣ противъ Аполлинарія; вмѣстѣ съ этимъ ему представляется болѣе вѣроятнымъ, что произведеніе возникло въ то время, когда эта полемика имѣла еще актуальный интересъ,—слѣдовательно, оно принадлежитъ еще концу IV вѣка. Впрочемъ, E. Lauchert допускаетъ, что остается возможнымъ и позднѣйшее его происхожденіе.

---

[1]) Zeitsch. f. kirchl. Wissensch. u. kirchl. Leben, IX (1888), S. 186—201 = Gesammelte Patrist. Untersuchungen. Altona und Leipzig 1889, S. 78—102.

[2]) Theolog. Quartalschrift 1898, S. 81—93 = Kirchengesch. Abhandlungen und Untersuchungen. Bd. II. Paderborn 1899, S. 329—338.

[3]) Theolog. Quartalschrift 1900, S. 395—418.

Во всякомъ случаѣ, къ какому бы времени ни относить происхожденіе „Двѣнадцати главъ о вѣрѣ“, его принадлежность къ анти аполлинаріанской литературѣ не подлежитъ сомнѣнію. Авторъ его, съ одной стороны, защищаетъ истинное вочеловѣченіе Христа по отношенію къ Его тѣлу, въ силу котораго Онъ, второй Адамъ, по плоти истинно принадлежитъ къ потомству Адама, въ противоположность аполлинаріанскому ученію, что тѣло Христа несозданно, единосущно Божеству, происходитъ съ неба, и потому вочеловѣченіе его является собственно только видимостью; съ другой стороны, онъ утверждаетъ, что Христосъ воспринялъ не часть только человѣка, не неполную человѣческую природу безъ разумной души или духа, а всего человѣка въ его полномъ составѣ.

Текстъ для предлагаемаго перевода взятъ у Aug. Hahn, Bibliothek der Symbole und Glaubensregeln der alten Kirche, 3 Aufl. v. Ludw. Hahn. Breslau 1897, S. 280—285.

Глава I.

Если кто называетъ тѣло Христово несозданнымъ и не исповѣдуетъ, что Самъ несозданный Богъ Слово представилъ доказательства воплощенія и вочеловѣченія созданнаго изъ человѣчества, какъ написано, анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Ибо какъ можно называть тѣло несозданнымъ? Вѣдь несозданное безстрастно, неуязвляемо, неосязаемо. Христосъ же, воскресши изъ мертвыхъ, показывалъ своимъ ученикамъ и знаки отъ гвоздей, и прободеніе копья, и тѣло для осязанія, хотя и вошелъ къ нимъ при запертыхъ дверяхъ; но это сдѣлано было Имъ для того, чтобы показать и дѣйствіе Божества, и истинность тѣла. Хотя онъ былъ Богъ, но по естеству познанъ былъ какъ человѣкъ, и будучи по-истинѣ человѣкомъ, по дѣламъ Своимъ явился Богомъ.

Глава II.

Если кто называетъ плоть Христа единосущной Божеству, и не исповѣдуетъ, что Онъ—въ образѣ Божіемъ Сый,

предвѣчный Богъ и уничижилъ Себя и принялъ образъ раба, какъ написано [1]), анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Какимъ образомъ явившуюся во времени плоть можно называть единосущною безлѣтному Божеству? Ибо единосущнымъ называется совершенно тожественное по естеству и по вѣчности.

Глава III.

Если кто говоритъ, что Христосъ [2]) воспринялъ совершеннаго человѣка, какъ одного изъ пророковъ, и не исповѣдуетъ, что Онъ Самъ, чрезъ воплощеніе отъ Дѣвы, содѣлался человѣкомъ, родился въ Виѳлеемѣ, воспитанъ въ Назаретѣ и показалъ преуспѣяніе въ возрастѣ, подлежалъ счисленію времени [по лѣтамъ], крестился въ Іорданѣ и былъ засвидѣтельствованъ Отцемъ: «Сей есть Сынъ Мой возлюбленный», какъ написано [3]), анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Какъ можно утверждать, что Господь [4]) воспринялъ совершеннаго человѣка, какъ одного изъ пророковъ, когда Самъ Господь содѣлался человѣкомъ чрезъ воплощеніе отъ Дѣвы? Посему написано, что первый человѣкъ изъ земли перстный [5]); когда же онъ, созданный изъ земли, отошелъ въ землю, то второй, сдѣлавшись человѣкомъ восшелъ на небеса. И говорится: первый Адамъ и послѣдній Адамъ [6]). И какъ исповѣдуется, что второй отъ перваго по плоти,—посему Христосъ и человѣкъ и Сынъ человѣческій,—такъ и засвидѣтельствовано, что второй—Спаситель перваго, ради котораго Онъ и снисшелъ съ неба. Когда же Слово, снисшедшее съ неба и содѣлавшееся человѣкомъ, взошло на небеса, то вслѣдствіе этого и говорится: второй Адамъ—съ небесъ.

Глава IV.

Если кто говоритъ, что Христосъ родился отъ Дѣвы изъ сѣмени мужескаго, какъ и всѣ люди, и не исповѣдуетъ Его

---

[1]) Филип. II, 7.
[2]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ: Господь.
[3]) Мѳ. III, 17.
[4]) Христосъ.
[5]) 1 Кор. XV, 47.
[6]) 1 Кор. XV, 45.

воплотившимся и вочеловѣчившимся отъ Духа Святаго и отъ Святой Дѣвы Маріи изъ сѣмени Давидова, какъ написано [1]), анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Какъ можетъ кто-нибудь говорить, что Христосъ родился отъ Дѣвы изъ сѣмени мужескаго, когда на благовѣстіе святаго благовѣстника и ангела Маріами Дѣва сказала: «Какъ это будетъ со мною, когда я мужа не знаю»? Посему онъ (ангелъ) говоритъ: «Духъ Святый найдетъ на тебя, и сила Вышняго осѣнитъ тебя, посему и рождаемое Святое наречется Сыномъ Вышняго» [2]). И Іосифу говоритъ: «Не бойся принять Маріамь, жену твою; ибо родившееся въ ней есть отъ Духа Святаго. Родитъ же Сына и нарекутъ имя Ему Іисусъ. ибо Онъ спасетъ народъ Свой отъ грѣховъ его [3]).

Глава V.

Если кто говоритъ: иной прежде вѣковъ Сынъ Божій и иной явившійся въ послѣднія времена, и не исповѣдуетъ, что Сущій прежде вѣковъ тотъ же, что и явившійся въ послѣднія времена, какъ написано, анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Какъ можно говорить: иной сущій прежде вѣковъ Сынъ Божій и иной явившійся въ послѣднія времена, когда Самъ Господь говоритъ: прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь» [4]), и «потому что Я исшелъ отъ Отца и пришелъ, и опять иду къ Отцу Моему» [5]).

Глава VI.

Если кто говоритъ: иной пострадавшій и иной не пострадавшій, и не исповѣдуетъ, что Самъ безстрастный и непреложный Богъ Слово непреложно пострадалъ Своею собственною плотію, какъ написано, анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Какъ можно говорить: иной пострадавшій и иной не пострадавшій, когда Самъ Господь говоритъ: «должно Сыну Человѣческому много пострадать и быть убиту

[1]) Лук. I, 34—35; Рим. I, 3. [2]) Лук. I, 34 слѣд. [3]) Мѳ. I, 20 слѣд.
[4]) Іоан. VIII, 58. [5]) Іоан. XVI, 28.

и въ третій день воскреснуть изъ мертвыхъ»[1]), и: когда узрите Сына Человѣческаго, сидящаго одесную Отца[2]): и, когда пріидетъ Сынъ Человѣческій во славѣ Отца Своего?[3]).

Глава VII.

Если кто называетъ Христа спасаемымъ и не исповѣдуетъ Его Спасителемъ міра и свѣтомъ міра, какъ написано[4]), анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Какъ можетъ кто-нибудь называть Христа спасаемымъ, когда Самъ Господь говоритъ: Я есмь жизнь[5]) и: Я пришелъ для того, чтобъ имѣли жизнь[6]), и: вѣрующій въ Меня не увидитъ смерти, но узритъ жизнь вѣчную[7]).

Глава VIII.

Если кто говоритъ, что Христосъ есть совершенный человѣкъ—отдѣльно и Богъ Слово—отдѣльно, и не исповѣдуетъ единаго Господа Іисуса Христа, какъ написано, анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Какъ можетъ кто-нибудь говорить, что Христосъ—отдѣльно совершенный человѣкъ и отдѣльно Богъ Слово, когда Самъ Господь говоритъ: что вы ищете убить Меня, Человѣка, сказавшаго вамъ истину, которую Я слышалъ отъ Отца[8]). Ибо не человѣка далъ за насъ, но Самого Себя предалъ за насъ Богъ Слово, содѣлавшійся человѣкомъ ради насъ. Посему Онъ говоритъ: разрушьте храмъ сей, и Я въ три дня воздвигну его. Онъ же говорилъ о храмѣ тѣла Своего[9]).

Глава IX.

Если кто говоритъ, что Христосъ преложимъ или измѣняемъ, и не исповѣдуетъ Его непреложнымъ по духу и тлѣннымъ[10]) по плоти, анаѳема да будетъ.

---

[1]) Мрк. VIII, 31; Лук. IX, 22. [2]) Мѳ. XVI, 28; XXVI, 64.
[3]) Мрк. VIII, 38; Лук. IX, 26. [4]) Іоан. III, 17; IV, 42; VIII, 12.
[5]) Іоан. XI, 25. [6]) Іоан. X, 10. [7]) Іоан. VIII, 51.
[8]) Іоан. VIII, 40. [9]) Іоан. II, 19. 21.
[10]) У Миня (Patr. s. gr. t. X, col. 1132) въ скобахъ поставлено ἀφθάρτον—нетлѣннымъ.

Изъясненіе.

Какъ можетъ-кто нибудь говорить, что Христосъ преложимъ или измѣняемъ, когда Самъ Господь говоритъ: Я есмь и не измѣняюсь [1]). И еще: не оставлена душа Его во адѣ, и плоть Его не видѣла тлѣнія? [2])

Глава X.

Если кто говоритъ, что Христосъ воспринялъ часть человѣка, и не исповѣдуетъ Его по подобію нашему во всемъ, кромѣ грѣха, анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Какъ кто-нибудь можетъ сказать, что Христосъ воспринялъ часть человѣка, когда Самъ Господь говоритъ: душу Мою полагаю за овецъ, чтобы опять принять ее [3]), и: плоть Моя истинно есть пища, и кровь Моя истинно есть питіе, и: ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную [4]).

Глава XI.

Если кто говоритъ, что тѣло Господа безъ души или безъ ума, и не исповѣдуетъ Его совершеннымъ во всемъ человѣкомъ, единымъ и тѣмъ же, да анаѳемствуется.

Изъясненіе.

Какъ же можетъ кто-нибудь говорить, что тѣло Христа безъ души и безъ ума? Ибо возмущеніе, и печаль, и туга являются указаніемъ ни на тѣло безъ души, ни на душу безъ ума, ни на непреложное Божество, ни на призрачность, ни на недостатки человѣческой немощи; но Слово въ Себѣ Самомъ дало доказательство нашихъ страстей, принявши на Себя страстное, какъ написано, что Самъ Онъ принялъ немощи наши и понесъ болѣзни наши [5]). Ибо возмущеніе и печаль и туга—болѣзни души; а утомленіе и сонъ и пораненіе тѣла—немощи плоти.

Глава XII.

Если кто говоритъ, что Христосъ явился міру призрачно, и не исповѣдуетъ Его пришедшимъ во плоти, анаѳема да будетъ.

---

[1]) Мал. III, 6. [2]) Дѣян. II, 31; Пс. XV, 10. [3]) Іоан. X, 15. 17.
[4]) Іоан. VI, 55. 56. [5]) Иса. LIII, 4; Мѳ. VIII, 17.

Изъясненіе.

Какъ можетъ кто-нибудь сказать, что призрачно явился міру Христосъ, въ Виѳлеемѣ родившійся и подвергшійся обрѣзанію плоти, и Симеономъ носимый, и двѣнадцать лѣтъ воспитываемый, и родителямъ повиновавшійся, и во Іорданѣ крестившійся, и на крестѣ пригвожденный и изъ мертвыхъ возставшій?

Поэтому если говорится: возмутился духомъ [1]), опечалился душею [2]), изъязвленъ тѣломъ [3]), то Онъ употребляетъ эти названія сообразно съ нашимъ подверженнымъ страстямъ устройствомъ, и чтобы показать, что Онъ родился въ мірѣ какъ человѣкъ, и обращался между людьми [4]), по подобію, кромѣ грѣха. Ибо Онъ родился въ Виѳлеемѣ по плоти, но богоприлично, такъ какъ небесные ангелы признали въ Немъ Своего Владыку и воспѣвали въ ясляхъ повитаго Бога и говорили: слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣкахъ благоволеніе [5]). Воспитанъ былъ въ Назаретѣ богоявленно, возсѣдалъ среди учителей и поражалъ ихъ Своею мудростью, которая не соотвѣтствовала Его тѣлесному возрасту, какъ исчисляетъ (этотъ возрастъ) евангельское слово [6]). Крестился въ Іорданѣ, но къ этому побуждаемъ былъ не тѣмъ, чтобы [Самому] принять освященіе, а чтобы [другимъ] даровать участіе въ освященіи [7]). Въ пустынѣ былъ искушаемъ не потому, чтобы Самъ подлежалъ искушенію, но чтобы наши искушенія противопоставить вызовы искусителя, дабы показать тщету искусителя. Посему Онъ говоритъ: дерзайте: Я побѣдилъ міръ [8]), опять выставляя не божественное начало, но являя Свою собственную плоть побѣдительницей страданія, смерти и тлѣнія, чтобы посредствомъ плоти, чрезъ которую грѣхъ вошелъ въ міръ, и чрезъ грѣхъ смерть царствовала надъ всѣми людьми [9]), чрезъ ту же плоть по подобію осудить грѣхъ во плоти [10]), побѣдить начальника грѣха-искусителя, упразднить смерть, чтобъ ей не царствовать, во гробѣ тѣла уничтожить тлѣніе, явить Собою начатокъ воскресенія, чтобы затѣмъ господствовало въ мірѣ начало правды и чтобы царство небесное благовѣствовалось людямъ и совершилось общеніе Бога съ людьми.

---

[1]) Іоан. XI, 33; XIII, 21. [2]) Мѳ. XXVI, 38. [3]) Иса. LIII, 5.
[4]) Вар. III, 38. [5]) Лук. II, 14. [6]) Лук. II, 46 сл.
[7]) Мѳ. III, 13 сл. [8]) Іоан. XVI, 33. [9]) Рим. V, 12 сл. [10]) Рим. VIII, 3.

За эту благодать прославимъ Отца, давшаго Сына Своего Единороднаго за жизнь міра [1]). Прославимъ Духа Святаго, дѣйствующаго, оживотворяющаго насъ, подающаго дарованія для общенія съ Богомъ, и не будемъ напрасно трудиться, чтобы евангельское слово передѣлать въ утонченныя выраженія, посѣвая кругомъ безконечныя стязанія и словопренія [2]). и дѣлая жесткимъ ясное и простѣйшее слово вѣры, но болѣе будемъ совершать дѣло вѣры, возлюбимъ миръ, покажемъ единомысліе, сохранимъ единеніе, возрастимъ въ себѣ любовь, которою благоугождается Богъ.

Какъ не наше дѣло разумѣть времена и лѣта, которыя Отецъ положилъ въ Своей власти [3]), а должно вѣровать, что будетъ скончаніе времени и послѣдуетъ явленіе грядущаго вѣка, откровеніе суда, пришествіе Сына Божія, воздаяніе за дѣла и наслѣдованіе царства небеснаго,—такъ точно не наше дѣло знать и то, какъ Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ, ибо тайна эта велика, какъ написано: родъ Его кто разъяснитъ, ибо вземлется отъ земли жизнь Его [4]). Но должно вѣровать, что Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ по Писаніямъ, и что Онъ былъ видимъ на землѣ, и обращался между людьми по Писаніямъ, по подобію, кромѣ грѣха, и что Онъ умеръ за насъ и воскресъ изъ мертвыхъ, какъ написано, и что Онъ вознесся на небо и сѣлъ одесную Отца, откуда придетъ судить живыхъ и мертвыхъ, какъ написано, чтобы, изъ-за того, что мы занимаемся словопреніемъ другъ съ другомъ, кто-нибудь не похулилъ самаго ученія вѣры, и чтобы не сбылось надъ нами сказанное: ради васъ имя Мое (Божіе) постоянно хулится во языцѣхъ [5]).

---

[1]) Іоан. III, 16 сл. [2]) I Тим. I, 4; Тит. III, 9.
[3]) Дѣян. I, 7. [4]) Иса. LIII, 8. [5]) Иса. LII, 5.

б) Подробное изложеніе вѣры.

Основательными изслѣдованіями норвежскаго ученаго *C. P. Caspari* [1]) и проф. *А. А. Спасскаго* [2]) установлено, какъ безспорный фактъ, что сочиненіе Ἡ κατὰ μέρος πίστις, которое въ древности не только монофиситами, но и многими православными считалось произведеніемъ св. Григорія Чудотворца, въ дѣйствительности написано Аполлинаріемъ Лаодикійскимъ (младшимъ),—онъ даетъ въ немъ отчетъ въ своей вѣрѣ и защищаетъ ее. Послѣдователи Аполлинарія, чтобы предохранить это произведеніе отъ уничтоженія и обезпечить ему распространеніе, надписали его именемъ св. Григорія Чудотворца, извѣстнаго своимъ символомъ, излагающимъ ученіе о Св. Троицѣ, подобно тому, какъ другія его произведенія приписаны были св. Аѳанасію Александрійскому и Юлію, епископу Римскому. Каспари находитъ невозможнымъ признать правильность и того взгляда (Horner, Leo Allatius), что основная часть произведенія принадлежитъ св. Григорію Чудотворцу и что къ ней потомъ разными авторами сдѣланы многочисленныя прибавки: не смотря на нѣкоторую нестройность и повторенія, произведеніе по языку и содержанію отъ начала до конца имѣетъ одинъ и тотъ же характеръ и должно быть написано однимъ авторомъ.

Произведеніе представляетъ тринитарно-христологическій трактатъ съ значительнымъ преобладаніемъ ученія о Св. Троицѣ. Въ тринитарной части Аполлинарій стоитъ на почвѣ Никейскаго символа и защищаетъ его основныя по-

---

[1]) Alte und neue Quellen zur Geschichte des Taufsymbols und der Glaubensregel. Christiania 1879, S. 65—146.

[2]) Историческая судьба сочиненій Аполлинарія Лаодикійскаго съ краткимъ предварительнымъ очеркомъ его жизни. Сергіевъ Посадъ 1895, стр. 134—170.

ложенія: „изложенное имъ ученіе о Троицѣ православно, чисто и носитъ на себѣ печать близкаго знакомства съ воззрѣніями и языкомъ св. Аѳанасія“ [1]). Но христологическія части произведенія безспорно выражаютъ основныя положенія еретическаго ученія Аполлинарія, хотя, должно замѣтить, что здѣсь „они не выступаютъ во всей силѣ и яркости“, чѣмъ, конечно, и объясняется, что произведеніе многими православными принималось за подлинное произведеніе св. Григорія Чудотворца: его мысли и ученіе могли быть поняты въ смыслѣ православномъ [2]).

Для перевода греческій текстъ взятъ у H. Lietzmann, Apollinaris von Laodicea und seine Schule. Tübingen 1904, S. 167—185.

Весьма враждебны и чужды апостольскаго исповѣданія тѣ, которые утверждаютъ, что Сынъ—изъ несущихъ и впослѣдствіи привзошелъ къ Отцу изъ вторичнаго начала (ἀποστελλομένης ἀρχῆς), и которые то же самое думаютъ о Святомъ Духѣ, утверждая, что Сынъ обожествляется и Духъ Святый освящается по дару и благодати, которые имя Сына дѣлаютъ общимъ [у него] съ рабами и такъ объясняютъ «перворожденный изъ твари», какъ будто и Онъ подобнымъ же образомъ изъ несущаго и какъ будто Онъ первымъ сотворенъ, и которые не исповѣдуютъ что Единородный Сынъ—единственный у Отца, а только далъ Самого Себя быть сопричисленнымъ къ смертнымъ и въ такомъ смыслѣ считается первороженнымъ, которые рожденіе Сына отъ Отца описываютъ человѣкообразно, отмѣривая извѣстный промежутокъ, и не исповѣдуютъ безначальнымъ вѣка родителя и рожденія, которые вводятъ три не имѣющихъ между собою общенія и чуждыхъ поклоненія, тогда какъ единственное правильное богопочитаніе то, которое мы имѣемъ, получивши его отъ начала изъ закона и пророковъ, которое утверждено Господомъ и проповѣдано апостолами. Не менѣе чужды и тѣ, которые исповѣдуютъ Троицу не по-истинѣ изъ трехъ Лицъ, но нечестиво измышляютъ въ единицѣ тройственность по сложенію и Сына считаютъ мудростью въ Богѣ, подобно человѣческой въ человѣкѣ, въ силу которой человѣкъ является

[1]) Проф. *А. А. Спасскій*, Историч. судьбы сочин. Аполлинарія Лаод., стр. 157.

[2]) Тамъ же, стр. 162.

мудрымъ, и Слово объясняютъ подобно слову, которое произносится или составляется въ мысли, но не имѣетъ ни отдѣльной ипостаси, ни продолжающагося существованія.

2. Исповѣданіе же церковное и спасительное для міра есть вѣра въ воплощеніе Слова, предавшаго Самого Себя человѣческой плоти, которую Оно приняло отъ Маріи, оставшись однако тѣмъ же и не подвергшись никакому превращенію или измѣненію въ Божествѣ, но сочетавшись съ плотью по подобію человѣческому, такъ что плоть соединилась съ Божествомъ, при чемъ Божество восприняло страстность плоти во время исполненія таинства. Послѣ же разрушенія смерти пребываетъ въ святой плоти постоянное безстрастіе и нетлѣнное безсмертіе, такъ какъ силою Божества воспринята первоначальная человѣческая красота и предоставлена всѣмъ людямъ чрезъ усвоеніе вѣрою.

3. Если же нѣкоторые и здѣсь извращаютъ священную вѣру, или усвояя Божеству человѣческое (преуспѣяніе и страсти и возрастающую славу), или отдѣляя отъ Божества преуспѣвающее и страждущее тѣло, какъ существующее собственною жизнью, то и таковые внѣ церковнаго и спасительнаго исповѣданія.

4. Итакъ, никто не можетъ знать Бога, если не познаетъ Сына, ибо Сынъ есть Премудрость, которою все создано; твореніе же возвѣщаетъ премудрость, и Богъ познается въ премудрости. Премудрость же Божія не такая, какую имѣетъ человѣкъ, но совершенная, происходящая отъ совершеннаго Бога и всегда пребывающая, не такъ, какъ человѣческая мысль, которая преходитъ, и слово, которое произносится и больше не существуетъ. Поэтому Онъ не только Премудрость, но и Богъ, не только Слово, но и Сынъ. Итакъ, мыслитъ ли кто о Богѣ на основаніи созданія или же научается изъ божественныхъ писаній, онъ не можетъ знать или слышать о Немъ безъ Его Премудрости, и право призывающій Бога призываетъ чрезъ Сына, и достойно приходящій приходитъ чрезъ Христа. Придти же къ Сыну невозможно иначе, какъ чрезъ Духа, ибо Духъ есть и жизнь и святое образованіе всего, и посылая Его чрезъ Сына, Богъ уподобляетъ Себѣ созданіе.

5. Итакъ, единъ Отецъ Богъ, единъ Сынъ Слово, единъ Духъ Жизнь, освященіе всего, и ни Богъ иной, какъ Отецъ, ни Сынъ иной, какъ Слово Божіе, ни Духъ иной, какъ житворяющій и освящающій, а если и святые называются и богами и сынами и духами, то они ни Духомъ не исполняются, ни

Сыну и Богу не уподобляются. 6. Если же кто станетъ утверждать, что Сынъ есть Богъ, какъ исполненный Божества, а не какъ рожденный изъ Божества, тотъ отрекся отъ Слова, отрекся отъ Премудрости, потерялъ знаніе о Богѣ, писпалъ въ почитаніе созданія, держится нечестія эллиновъ и къ нему возвратился, сдѣлался подражателемъ невѣрію іудеевъ, которые, полагая, что Слово отъ Бога есть сынъ человѣческій, не увѣровали, что Онъ—Богъ и не исповѣдали Сыномъ Божіимъ. Но нечестиво мыслить Слово Божіе какъ человѣческое, и совершенныя Имъ дѣла пребывающими, когда Онъ Самъ не пребываетъ. 7. Если же кто скажетъ, что Христосъ совершаетъ все по повелѣнію Слова, тотъ и Слово Божіе сдѣлаетъ недѣятельнымъ, и установленный Господомъ порядокъ обратитъ въ рабство; ибо рабъ всякій, кому приказываютъ, и созданіе не способно создавать, поелику оно никакимъ образомъ не можетъ сравняться съ создавшимъ, чтобы какъ само создано Имъ, такъ же могло создавать и другое. 8. Но далѣе, если кто скажетъ, что и Духъ Святый есть освященная тварь, то уже не сможетъ мыслить все освящаемымъ въ Духѣ, ибо освятившій одно освящаетъ и все. Итакъ, отрекается отъ источника освященія, Духа Святаго, тотъ, кто отнимаетъ у Него силу освящать, и этимъ закроетъ для себя возможность сочислять Его Отцу и Сыну; онъ отвергаетъ и святое крещеніе и уже не можетъ исповѣдывать Троицу святою и достопоклоняемою. 9. Ибо или всю Троицу должно мыслить въ естественной и истинной славѣ, или мы будемъ принуждены говорить объ Единицѣ, но уже не Троицѣ, или не должно сочислять Создателю созданныхъ тварей, ни Владыкѣ всего—созданій, ни Освящающему—освящаемаго, подобно тому, какъ и Троицѣ не сочисляется ничто изъ тварнаго. Но во имя Святой Троицы [совершается] крещеніе и призываніе и служеніе; ибо если три славы, то должно быть и три служенія у тѣхъ, кто нечестиво почитаетъ созданія. Если раздѣляется природа, которой воздается поклоненіе, то у нихъ должно быть раздѣлено и поклоненіе. Но съ вѣчнымъ не должно воздавать поклоненія тому, что является новымъ, ибо ново все, что получило начало, тогда какъ давній и неизмѣримъ Тотъ, Кто прежде вѣковъ. 10. Поэтому полагающій какое-либо начало времени жизни Сына и жизни Святаго Духа, тѣмъ самымъ отдѣляетъ Сына и Святаго Духа отъ сочисленія съ Отцемъ. Ибо, подобно тому, какъ мы исповѣдуемъ единую славу, такъ должно

исповѣдывать и единое существо или Божество и единую вѣчность Троицы. 11. Главное же въ нашемъ спасеніи—воплощеніе Слова. Итакъ, мы вѣруемъ, что воплощеніе Слова совершилось для обновленія человѣчества такъ, что Божество пребыло неизмѣннымъ; ибо не произошло ни измѣненія, ни превращенія, ни ограниченія въ духѣ по отношенію къ (святой) Силѣ Божіей, но продолжая оставаться тою же, она и исполнила дѣло воплощенія во спасеніе міра, и Слово Божіе, жительствуя на землѣ по-человѣчески, равнымъ образомъ сохранило свое божественное присутствіе во всемъ, все наполнивъ, при совершенно особенномъ срастореніи съ плотью, и когда происходили страданія по плоти, Сила [т. е. Божество] сохранила свойственное ей безстрастіе. 12. Итакъ, нечестивъ тотъ, кто страданіе относитъ къ Силѣ, ибо Господь славы явился въ человѣческомъ образѣ, воспринявъ человѣческое домостроительство на землѣ, и Своими дѣлами исполнилъ законъ за людей, а Своими страданіями разрушилъ страданія, и смертію упразднилъ смерть, воскресеніемъ же возсіялъ жизнь. Ожидаемъ и славнаго пришествія Его съ небесъ ради жизни всего и суда, грядущаго воскресенія мертвыхъ для воздаянія всѣмъ по заслугамъ.

13. Страшное же дѣло замышляютъ нѣкоторые противъ Святой Троицы, утверждающіе, что нѣтъ трехъ Лицъ, какъ бы вводя безъипостасное Лице. Посему мы бѣжимъ отъ Савеллія, говорящаго, что одинъ и тотъ же есть Отецъ и Сынъ; онъ утверждаетъ, что Отецъ есть глаголющій, а Сынъ есть Слово, пребывающее въ Отцѣ и открывшееся во время творенія, потомъ же, по исполненіи его, возвращающееся въ Бога. (То же самое онъ говоритъ и о Святомъ Духѣ). 14. Мы же вѣруемъ, что три Лица, имѣя единое Божество, являются какъ Отецъ и Сынъ и Святый Духъ; ибо Божество, свидѣтельствуемое естественно единымъ въ Троицѣ, утверждаетъ единство естества, поелику это [т. е. божественное естество] является собственнымъ Отцу согласно написанному: единъ Богъ Отецъ [1]), прирождено (πατρῷον) и Сыну, по сказанному: Слово было Богъ [2]), по естеству присуще и Духу быть Духомъ Божіимъ, какъ говоритъ Павелъ: вы—храмъ Божій, и Духъ Божій живетъ въ васъ [3]). 15. Ибо Лице каждаго показываетъ, что оно существуетъ са-

[1]) 1 Кор. VIII, 6. [2]) Іоан. I, 1. [3]) 1 Кор. III, 16.

мостоятельно и иностасно; Божество же является собственнымъ Отцу, и когда бы ни говорилось объ единомъ Божествѣ трехъ, этимъ свидѣтельствуется, что свойственное Отцу присуще Сыну и Духу; такъ что если будетъ сказано, что въ трехъ лицахъ единое Божество, то этимъ и тропичность утверждается, и единство не разсѣкается, и единство Сына и Духа съ Отцемъ по естеству исповѣдуется. Если же кто говоритъ, что и Лице одно, какъ и Божество одно, то невозможно, что бы два въ единомъ были [только] какъ бы единымъ. 16. Ибо Павелъ возглашаетъ единымъ по Божеству Отца и называетъ единымъ по господству Сына: единъ Богъ Отецъ, изъ Котораго все, и мы для Него, и единъ Господь Іисусъ Христосъ, Которымъ все и мы Имъ [1]. Итакъ, (если) единъ Богъ, и Господь единъ, едино же Лице, посколько Божество единаго господства, то какимъ образомъ въ нашей вѣрѣ оказывается «изъ Котораго» и «Которымъ», какъ раньше сказано? 17. Но мы утверждаемъ, не отсѣкая господства отъ Божества и не отчуждая одного отъ другого, но такъ соединяя, какъ этого требуетъ дѣло и истина, и Сына называемъ Богомъ вслѣдствіе того, что Онъ собственный Отцу, какъ образъ и рожденіе, Отца же называемъ Господомъ, именемъ единаго Господа, какъ Начало Его и Родителя. Тоже и относительно Духа, имѣющаго такое единство съ Сыномъ, какое Сынъ имѣетъ съ Отцемъ; такъ что пусть познается Ипостась Отца по именованію [Его] Богомъ, но пусть не отдѣляется отъ сего наименованія Сынъ, какъ сущій отъ Бога; пусть познается и лице Сына по наименованію [Его] Господомъ, но да не отлучается отъ сего наименованія Богъ, Который есть Господь, какъ Отецъ Господа. Посколько Сыну принадлежитъ господство,— Ему, Который чрезъ Себя Самого сотворилъ и господствуетъ надъ сотвореннымъ, а Отцу это еще въ высшей степени присуще, какъ Отцу Господствующаго; 18. такъ и Богомъ единымъ мы называемъ Троицу, но не въ томъ смыслѣ, будто мы познаемъ единаго изъ сложенія трехъ (ибо все, что составляется изъ сложенія, несовершенно), а такъ: что̀ есть Отецъ въ смыслѣ начала и рожденія, это есть и Сынъ, образъ и рожденіе Отца. Такъ что, если кто скажетъ: какимъ образомъ единъ Богъ, если и Сынъ есть Богъ отъ Бога, то мы скажемъ, что [это должно понимать] въ смыслѣ начала, посколько Отецъ—

[1]) 1 Кор. VIII, 6.

единое начало: а если кто (снова) спроситъ: какъ единъ Господь, если Отецъ—Господь; мы снова отвѣтимъ: [Отецъ есть Господь] поскольку Отецъ—Сынъ Господа,—и намъ уже больше не встрѣтится это затрудненіе. 19. И опять, если нечестивые скажутъ: какъ не будутъ тремя богами три Лица, если Они имѣютъ Божество единымъ? Мы скажемъ: потому что Богъ есть начало и Отецъ Сына, а Сей есть образъ и рожденіе Отца и не братъ Его, и Духъ равнымъ образомъ есть Духъ Бога, какъ написано: Духъ есть Богъ [1]). 20. И издревле изъ пророка Давида ясно было, что Словомъ Господнимъ небеса утверждены и Духомъ устъ Его вся сила ихъ [2]). И въ началѣ [книги] міротворенія написано такъ: и Духъ Божій носился вверху воды [3]). Павелъ же въ посланіи къ Римлянамъ, говоритъ: вы же не въ плоти, а въ Духѣ, если только Духъ Божій живетъ въ васъ [4]). 21. И снова онъ говоритъ: если же Духъ Того, Кто воскресилъ Іисуса изъ мертвыхъ, живетъ въ васъ, воскресившій Христа изъ мертвыхъ оживитъ и ваши смертныя тѣла живущимъ въ васъ Духомъ Своимъ [5]). И снова: всѣ, кто водится Духомъ Божіимъ, эти суть сыны Божіи; потому что вы не приняли духа рабства снова въ боязнь, но приняли Духа усыновленія, Которымъ взываемъ: Авва, Отче! [6]). И опять: истину говорю во Христѣ, не лгу, когда свидѣтельствуетъ мнѣ совѣсть моя въ Духѣ Святомъ [7]). И снова: Богъ же надежды да исполнитъ васъ всякой радости и мира въ вѣрѣ, чтобы обогатиться вамъ въ надеждѣ силою Духа Святаго [8]). И снова говоритъ, когда пишетъ къ тѣмъ же Римлянамъ: смѣлѣе писалъ вамъ, отчасти какъ бы напоминая вамъ, по благодати данной мнѣ отъ Бога, чтобы быть мнѣ служителемъ Іисуса Христа для язычниковъ, совершая благовѣстіе Божіе, дабы это приношеніе язычниковъ было благопріятно, освященное Духомъ Святымъ. Итакъ я имѣю похвалу во Христѣ Іисусѣ—то, что относится къ Богу; ибо я не осмѣли-

---

[1]) Іоан. IV, 24. [2]) Пс. XXXII, 6. [3]) Быт. I, 2.
[4]) Рим. VIII, 9. [5]) Рим. VIII, 11. [6]) Рим. VIII, 14–15.
[7]) Рим. IX, 1. [8]) Рим. XV, 13.

ваюсь сказать чего либо такого, чего не совершилъ Христосъ чрезъ меня, въ покореніе язычниковъ словомъ и дѣломъ, силою знаменій и чудесъ, Силою Духа Божія [1]). И снова: умоляю же васъ, братья, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и любовію Духа [2]). 23. Это написано въ посланіи къ Римлянамъ; въ посланіи же къ Коринѳянамъ онъ снова говоритъ: слово мое и проповѣдь моя не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы, чтобы вѣра ваша была не въ мудрости человѣческой, но въ силѣ Божіей [3]). И снова говоритъ: какъ написано: того глазъ не видѣлъ и ухо не слышало и на сердце человѣка не взошло, что Богъ уготовалъ любящимъ Его, а намъ Богъ открылъ Духомъ Своимъ; ибо Духъ все проницаетъ и глубины Божіи. Ибо кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, сущаго въ немъ? Такъ и Божьяго никто не знаетъ, кромѣ Духа Божія [4]). И опять говоритъ: душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія [5]). 24. Видишь, что всюду въ Писаніи Духъ проповѣдуется Божіимъ, и нигдѣ не называется созданнымъ. Что же могутъ сказать нечестивые, когда Господь послалъ ученикомъ крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа [6])? Безспорно, что здѣсь имѣется общеніе и единеніе, согласно которому должно исповѣдывать не три Божества и не три господства и не три святыни, но истинно, когда три Лица твердо пребываютъ,—единство трехъ; ибо такъ надлежащимъ образомъ можетъ быть выражена вѣра и въ посылающее и въ посылаемое, поскольку Отецъ послалъ Сына, и Сынъ посылаетъ Духа,—одно же лицо не можетъ посылать самого себя. Вѣдь никто не можетъ назвать Отца воплотившимся, ибо то, что заключается въ исповѣданіи вѣры, не совпадаетъ съ худымъ, еретическимъ ученіемъ; но должно, чтобы наши мысли слѣдовали божественнымъ и апостольскимъ догматамъ, а не такъ, чтобы наши немощныя измышленія осиливали догматы божественной вѣры. 25. Если же скажутъ: какъ три Лица и какъ единое Божество?

---

[1]) Рим. XV, 15—19. [2]) Рим. XV, 30. [3]) 1 Кор. II, 4. 5.
[4]) 1 Кор. II, 9—11. [5]) 1 Кор. II, 14. [6]) Мѳ. XXVIII, 19.

Мы скажемъ имъ, что три Лица, поскольку одно—Бога Отца, одно—Господа Сына и одно—Святаго Духа; едино же Божество, поскольку Сынъ есть образъ Бога Отца, Который единъ, т. е. Богъ отъ Бога, и Духа равнымъ образомъ называемъ Божіимъ, и это естественно по тожеству сущности, а не по причастію Бога. И едина сущность Троицы, чего нельзя сказать относительно тварей. 26. Ибо не одна сущность Бога и тварей, потому что ничто изъ послѣднихъ по своей сущности не есть Богъ, но ничто изъ нихъ по существу и не Господь, но единъ Богъ Отецъ и единъ Господь Сынъ и единъ Духъ Святый, и мы утверждаемъ, что Троица — единое Божество, единое господство и единая святыня, потому что Отецъ есть начало Господа, вѣчно Его родившее, и Господь—первообразъ Духа,—такимъ образомъ, и Отецъ—Господь и Сынъ—Богъ и о Богѣ сказано, что «Духъ есть Богъ».

27. Итакъ, исповѣдуемъ единаго Бога истиннаго, единое начало, и единаго Сына, истиннаго Бога отъ истиннаго Бога, естественно имѣющаго Отчее Божество, т. е. единосущнаго Отцу, и единаго Духа Святаго, по естеству и по-истинѣ освящающаго и обожествляющаго всѣхъ, имѣющаго бытіе изъ сущности Бога; а утверждающихъ, что или Сынъ или Духъ Святый—созданіе, анаѳематствуемъ; все же прочее исповѣдуемъ сотвореннымъ и рабскимъ, созданнымъ Богомъ чрезъ Сына (и) въ Духѣ Святомъ освященнымъ. 28. Еще исповѣдуемъ, что Сынъ Божій содѣлался сыномъ человѣческимъ, не по имени, но во-истину, принявши плоть отъ Маріи Дѣвы, и что Онъ есть совершенный Сынъ Божій и Онъ же—сынъ человѣческій, единое лице и единое поклоненіе Слова и плоти, которую Оно восприняло. И анаѳематствуемъ творящихъ различныя поклоненія, одно божеское и одно человѣческое, и поклоняющихся человѣку изъ Маріи, какъ иному по сравненію съ Богомъ отъ Бога. Ибо мы знаемъ, что въ началѣ было Слово, и Слово было къ Богу и Слово было Богъ [1]); когда же Онъ содѣлался человѣкомъ ради нашего спасенія, мы покланяемся не какъ содѣлавшемуся равнымъ [намъ] въ равной [съ нами] плоти, но какъ Господу, принявшему образъ раба. Исповѣдуемъ страданіе Господа по плоти, воскресеніе силою Его Божества, восшествіе на небо, славное пришествіе Его, грядущаго на судъ живыхъ и мертвыхъ и вѣчную жизнь святыхъ.

[1]) Іоан. I, 1.

30. И такъ какъ нѣкоторые отягчили насъ, пытаясь извратить нашу вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа, исповѣдуя Его не Богомъ воплотившимся, а человѣкомъ, соединеннымъ съ Богомъ,—ради этого мы и излагаемъ исповѣданіе относительно высказанной ранѣе вѣры, отрекаясь отъ непадежнаго словопренія. Ибо Богъ, воплотившійся въ человѣческой плоти, имѣетъ чистое собственное дѣйствіе, будучи умомъ, неодолѣваемымъ душевными и человѣческими страстями и направляя плоть и плотскія движенія божественно и безгрѣшно, и не только не удержанъ смертью, но и разрушаетъ смерть. 31. И Безплотный во плоти явившійся есть Богъ истинный, совершенный истиннымъ и божественнымъ совершенствомъ, не два лица и не два естества; ибо мы не утверждаемъ, что покланяемся четыремъ—Богу, Сыну Божію, человѣку и Духу Святому. Посему мы и анаоематствуемъ такъ нечествующихъ, которые человѣка полагаютъ въ божественномъ славословіи; ибо мы говоримъ, что Слово Божіе содѣлалось человѣкомъ для нашего спасенія чтобы мы получили уподобленіе небесному и обожествились до подобія истинному по естеству Сыну Божію, по плоти же сыну человѣческому, Господу нашему Іисусу Христу.

32. Итакъ, вѣруемъ въ единаго Бога, т. е. въ единое начало, Бога закона и Евангелія, праведнаго и благого, и въ единаго Господа Іисуса Христа, Бога истиннаго, т. е. истинный Образъ единственно истиннаго Бога, Творца всего видимаго и невидимаго, Сына Божія и единородное рожденіе и вѣчное Слово, живое и ипостасное и дѣйственное, всегда соприсущее Отцу, и въ единаго Святаго Духа, и въ славное пришествіе Сына Божія, принявшаго плоть отъ Дѣвы, за насъ претерпѣвшаго страданія и смерть, и воскресшаго въ третій день и вознесшагося на небеса, и въ грядущее славное (Его) пришествіе, и въ единую святую Церковь, оставленіе грѣховъ, воскресеніе плоти, жизнь вѣчную. 33) Исповѣдуемъ, что единосущенъ Отцу Сынъ и Святый Духъ и что едина сущность Троицы, т. е. едино Божество, при чемъ Отецъ естественно нерожденный, Сынъ рожденъ отъ Отца истиннымъ рожденіемъ, не твореніемъ изъ воли, Духъ же Святый, освящающій все созданіе, вѣчно ниспосланъ изъ сущности Отца чрезъ Сына. 34. Исповѣдуемъ же и воплотившееся Слово и явившееся въ плотскомъ рожденіи отъ Дѣвы, а не дѣйствовавшее [только] въ человѣкѣ. Имѣющихъ же общеніе съ от-

вергающими выраженіе «единосущный», какъ чуждое Писаніямъ, и съ утверждающими, что нѣчто изъ Троицы—созданное, и отдѣляющими отъ единаго естественнаго Божества, считаемъ чуждыми и ни съ кѣмъ изъ таковыхъ не имѣемъ общенія.

35. Единъ Богъ Отецъ, единственное Божество. Богъ же и Сынъ, истинный образъ единаго и единственнаго Божества по рожденію и по естеству, которое Онъ имѣетъ отъ Отца, единъ Господь—Сынъ, точно такъ же и Духъ, посылающій господство Сына на освящаемое созданіе. Сынъ обиталъ въ мірѣ, принявши отъ Дѣвы плоть, которую Онъ исполнилъ Святымъ Духомъ въ освященіе всѣхъ насъ; предавши же плоть смерти, Онъ разрушилъ смерть воскресеніемъ въ воскресеніе всѣхъ насъ и восшелъ на небеса, въ Себѣ возвышая и прославляя человѣковъ, и во второй разъ придетъ, чтобы возстановить вѣчную жизнь для насъ (вѣрующихъ и соблюдающихъ Его заповѣди). 36. Единъ Сынъ, одинъ и тотъ же и до воплощенія и по воплощеніи, человѣкъ и Богъ, то и другое—единое. И не иное Лице—Богъ Слово, а иное—человѣкъ Іисусъ, но одинъ и тотъ же предсуществующій Сынъ явился соединеннымъ съ плотью изъ Маріи, сталъ совершеннымъ и святымъ и безгрѣшнымъ человѣкомъ и совершаетъ домостроительство въ обновленіе человѣчества и спасеніе всего міра. 37. Богъ Отецъ, будучи совершеннымъ Лицемъ, имѣетъ совершенное Слово, истинно родившееся изъ Него, не какъ слово произносимое и не Сына по усыновленію, какъ называются сынами Божіими ангелы и люди, но Сына, по естеству Бога; [имѣетъ] и совершеннаго Духа Святаго, отъ Отца чрезъ Сына подаваемаго усыновляемымъ, живого и животворящаго, святаго и освящающаго сопричастниковъ Своихъ, не какъ дыханіе, вдыхаемое человѣкомъ, безъипостасное, но отъ Бога живущее, чрезъ которое именно Троица покланяема и славима и честна и достопочитаема, когда Отецъ умопостигается въ Сынѣ, поколику Сынъ изъ Него, Сынъ же прославляется въ Отцѣ, поколику Онъ изъ Отца, являемаго въ Духѣ Святомъ для освящаемыхъ.

38. А что Святая Троица досточестна, не отдѣляемая и не отчуждаемая, объ этомъ учитъ насъ Павелъ, говоря во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ такъ: благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любовь Бога и общеніе Святаго Духа со всѣми вами [1]). И опять въ этомъ

[1]) 2 Кор. XIII, 13.

посланіи показываетъ, говоря: утверждающій же насъ съ вами во Христа и помазавшій Богъ и запечатлѣвшій насъ и давшій залогъ Духа въ сердца наши [1]). Но еще яснѣе въ томъ же посланіи пишетъ такъ: когда они читаютъ Моисея, покрывало лежитъ на сердцѣ ихъ; когда же обращаются къ Господу, то покрывало снимается. Господь же есть Духъ, а гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода. Мы же всѣ, открытымъ лицемъ взирая на славу Господню, въ тотъ же образъ преображаемся отъ славы въ славу, какъ отъ Господня Духа [2]). 39. И опять Павелъ говоритъ: чтобы смертное было поглощено жизнью; создавшій же насъ на это самое Богъ, давшій намъ залогъ Духа [3]). И опять говоритъ: являя себя какъ служителей Божіихъ, въ великомъ терпѣніи, въ бѣдствіяхъ, въ нуждахъ, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ [4]) и слѣдующее затѣмъ; потомъ присоединяетъ, говоря: въ благости, въ Духѣ Святомъ, въ любви нелицемѣрной, въ словѣ истины, въ силѣ Божіей [5]). Вотъ и здѣсь также святый опредѣлилъ Святую Троицу, наименовавъ Бога и Слово и Духа Святаго. 40. И опять говоритъ: не знаете ли, что вы храмъ Божій, и Духъ Божій живетъ въ васъ? И если кто погубитъ храмъ Божій, того погубитъ Богъ [6]). И опять: но омылись, (но освятились), но оправдались именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего [7]). И опять: или не знаете, что тѣла ваши — храмъ сущаго въ васъ Святаго Духа, Котораго вы имѣете отъ Бога? Ибо думаю, и я имѣю Духа Божія [8]). 41. И опять, ведя рѣчь и о сынахъ Израилевыхъ, какъ крещенныхъ въ облакѣ и въ бурѣ, говоритъ, что всѣ пили одно и тоже духовное питіе, ибо пили изъ духовнаго послѣдующаго камня, — камень же былъ Христосъ [9]). И опять говоритъ: потому сказываю вамъ, что никто, говорящій Духомъ Божіимъ, не произноситъ анаѳемы на Іисуса, и никто не можетъ

[1]) 2 Кор. I, 21. 22. [2]) 2 Кор. III, 15—18. [3]) 2 Кор. V, 4. 5.
[4]) 2 Кор. VI, 4. [5]) 2 Кор. VI, 6. 7. [6]) 1 Кор. III, 16. 17.
[7]) 1 Кор. VI, 19. [8]) 1 Кор. VII, 40. [9]) 1 Кор. X, 4.

назвать Іисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ. Есть же раздѣленія дарованій, но Духъ одинъ и тотъ же, есть и раздѣленія служеній, но Господь одинъ и тотъ же; есть и раздѣленія дѣйствій, а одинъ и тотъ же Богъ, дѣйствующій все во всѣхъ; но каждому дается явленіе Духа на пользу. Ибо одному дается Духомъ слово премудрости, другому же слово знанія тѣмъ же Духомъ, иному же вѣра въ томъ же Духѣ, (иному даръ исцѣленій тѣмъ же Духомъ), иному же дѣйствія силъ, иному же пророчество, иному же различеніе духовъ, другому же роды языковъ, (иному истолкованіе языковъ). Все же это дѣйствуетъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя каждому особо, какъ хочетъ. И какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены тѣла, хотя ихъ много, суть одно тѣло, такъ и Христосъ. Ибо всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло [1]). И опять говоритъ: ибо если кто, пришедъ, проповѣдуетъ другого Іисуса, Котораго мы не проповѣдывали, или вы получаете иного Духа, Котораго вы не получили, или иное благовѣстіе, котораго не приняли, то вы справедливо потерпѣли бы [2]). Видишь, что Духъ неотдѣлимъ отъ Божества, и никто благочестно мудрствующій не можетъ считать Его созданіемъ. 42. Въ посланіи же къ Евреямъ онъ опять пишетъ такъ: какъ мы избѣжимъ, вознерадѣвши о толикомъ спасеніи, которое, получивши начало своего возвѣщенія отъ Господа, посредствомъ слышавшихъ утвердилось въ насъ, когда Богъ подтверждалъ знаменіями и чудесами и различными силами и раздаяніемъ Духа Святаго [3]). И опять въ томъ же посланіи говоритъ: почему, какъ говоритъ Духъ Святый, нынѣ когда услышите гласъ Его, не ожесточите сердецъ вашихъ, какъ во время ропота въ день искушенія въ пустынѣ, гдѣ искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня и видѣли дѣла Мои сорокъ лѣтъ. Посему я вознегодовалъ на родъ сей

[1]) 1 Кор. XII, 3—13. [2]) 2 Кор. XI, 4. [3]) Евр. II, 3—4.

и сказалъ: непрестанно они заблуждаютъ сердцемъ своимъ, вслѣдствіе чего не познали путей Моихъ, какъ клялся Я въ гнѣвѣ Моемъ, что они не войдутъ въ покой Мой [1]). И тутъ пусть послушаютъ Павла, никоимъ образомъ не отдѣляющаго Духа Святаго отъ Божества Отца и Сына, но ясно показывающаго, что глаголаніе Святаго Духа—было отъ Лица Божія, и такимъ образомъ изречено какъ бы отъ Бога, какъ изложено въ вышеприведенныхъ изреченіяхъ. Поэтому вѣруемъ, что Святая Троица—единъ Богъ и поклоняемся Ей согласно засвидѣтельствованному божественнымъ Писаніемъ, тѣмъ болѣе, что и всюду существуютъ для насъ въ божественномъ Писаніи безчисленныя наставленія, которыя согласно свидѣтельствуютъ апостольскую и церковную вѣру.

Н. Сагарда.

---

[1]) Евр. III, 7—11.

Новыя книги.

В. А. Мелиховъ: «Виргилій и его Георгики» (Харьковъ, 1913 г. Стр. 25. Ц. 20 к.) и другія сочиненія.

Считаемъ долгомъ отмѣтить названную и другія брошюры даровитаго, много-обѣщающаго и хорошо настроеннаго автора, изъ котораго,—насколько можно о немъ судить по его произведеніямъ,—могъ бы получиться хорошій профессоръ въ области исторіи римской литературы. Пока онъ еще съ нѣкоторою робостію и—опираясь на тѣ или иныя пособія (впрочемъ, далеко не всегда)—пробуетъ свои силы, но, если онъ и впредь столь же энергично станетъ трудиться въ той же сферѣ, то несомнѣнно скоро сдѣлается полнымъ въ ней хозяиномъ, плодотворнымъ и полезнымъ изслѣдователемъ, въ какихъ теперь—увы!—чувствуется большой недостатокъ.

Названная брошюра В. А. Мелихова, представляющая собою „очеркъ изъ исторіи римской поэзіи“, знакомитъ съ „изданіемъ Георгикъ», съ „предшественниками Виргилія и источниками его Георгикъ“,—передаетъ „содержаніе“ послѣднихъ и выясняетъ ихъ „литературное значеніе“. Литература предмета автору достаточно извѣстна,—латинскій языкъ для него, видимо, уже не чужой... Пишетъ онъ литературно и интересно. Жаль, конечно, что ему приходится обращаться, между прочимъ, и къ крайне ненаучной книгѣ *г. Зѣлинскаго*: *„Изъ жизни идей...“* Но, тѣмъ не менѣе, выводы автора о значеніи „Георгикъ“ въ ряду прочихъ произведеній Виргилія несомнѣнно вѣрны. Не можемъ при этомъ воздержаться отъ того, чтобы не отмѣтить одной характерной мелочи: авторъ пишетъ „Виргилій“, а не

„Вергилій“, какъ противоестественно въ послѣднее время пишутъ многіе наши доморощенные филологи, желающіе хоть этимъ (за неимѣніемъ другого „багажа“) показать свою оригинальность (заимствованную, впрочемъ, отъ „нѣмцевъ“ же).

Другая брошюра В. А. Мелихова посвящена выясненію *„Эклогъ“* Виргилія (Харьк. 1912 г., ц. 15 к.), носящему тотъ же вообще характеръ. Видимо, Виргилій его интересуетъ преимущественно, если припомнить его статью (въ „Гермесѣ“: 1912 г., № 20) о *„Взглядѣ Виргилія на божественность императора“*. Пусть бы, въ самомъ дѣлѣ, авторъ спеціально занялся изученіемъ этого знаменитаго представителя древнеримской классической литературы и далъ бы потомъ намъ солидную научную монографію, ему посвященную. Это было бы посерьезнѣе, чѣмъ издавать антинаучныя книги въ родѣ цитованной—г. Зѣлинскаго, или писать столь же ненаучныя предисловія къ тенденціознымъ и макулатурнымъ книгамъ, какое, напр., написалъ тотъ же г. Зѣлинскій къ книгѣ *А. Ревиля „Іисусъ Назарянинъ...“* Насколько душно въ обществѣ послѣдняго рода ученыхъ, явно берущихся не за свое дѣло,—настолько отрадно въ обществѣ г.г. Мелиховыхъ и подобныхъ имъ лицъ.

Изъ другихъ брошюръ г. Мелихова обращаетъ на себя вниманіе, прежде всего, выясняющая *„Культъ римскихъ императоровъ и его значеніе въ борьбѣ язычества съ христіанствомъ“* (Харьк. 1912 г., ц. 30 к.). Составленная на основаніи авторитетныхъ пособій, добросовѣстно указанныхъ авторомъ, брошюра (въ 46 стр.) особенно интересна въ виду двухъ послѣднихъ ея главъ (4-й и 5-й), знакомящихъ—одна—съ „гоненіями на христіанъ въ Римской имперіи“ въ связи съ „культомъ императоровъ“ и—другая—съ „Константиномъ Великимъ и пережитками“ названнаго культа (послѣдняя глава являлась кстати передъ „юбилейнымъ“ годомъ христіанства). Пріятно читать у свѣтскаго автора здравыя мысли (по религіознымъ вопросамъ),—что, напр., „Константинъ Великій былъ убѣжденнымъ христіаниномъ“ (стр. 43) и др. Пріятно встрѣчать ссылки на святоотеческія творенія, напр., на св. І. Златоуста (стр. 45),—тѣмъ болѣе, что нѣкоторые (и даже многіе) и богословски-образованные писатели—ренегаты явно стѣсняются апеллировать къ свв. отцамъ, боясь, какъ бы еврейскія редакціи, пріютившія ихъ къ себѣ, не изгнали ихъ вонъ...

Поучительна брошюрка г. Мелихова: „*Іудеи въ римской исторіи по изслѣдованію Э. Ренана*“ (1912 г., Харьк. Ц. 15 к.). Ужъ кажется г. Ренана не могли бы заподозрить въ лицемѣріи и черносотенствѣ даже и г.г. „Зоны“ и прочая „братія“, — но, тѣмъ не менѣе, россійскіе юдофилы не могли переварить и этого хулителя христіанства... И вотъ „Русская“ (??!) „Мысль“, конечно, ополчилась на г. Мелихова, но послѣдній обстоятельно отчиталъ юдофиловъ въ новой своей брошюрѣ: „*Отвѣтъ Русской Мысли на ея отзывъ объ Іудеяхъ въ римской исторіи по изслѣдованію Э. Ренана*“ (Харьк. 1913 г., ц. 10 к.).

Не упоминая уже о другихъ произведеніяхъ г. Мелихова (см., напр., его некрологъ „*Л. Н. Загурскаго, проф. Императорскаго Харьк. Ун-та*“: Харьк. 1912 г., ц. 15 к.), рецензентъ считаетъ своимъ долгомъ рекомендовать брошюры разсматриваемаго имъ автора вниманію читателей, ищущихъ книгъ, которыя освѣщали-бы тѣ или иные вопросы разумно, правдиво..., а не тенденціозно и невѣрно (чит., напр., преудивительную статью о „*Богословіи*“ *И. Андреева* въ новомъ изданіи „*Энциклопедическаго Словаря*“ *Брокгауза-Ефрона*: т. 7-й; чего только не наговорено здѣсь, кромѣ того, что̀ слѣдовало сказать!... И рѣчь ведется отъ имени, конечно, „науки“... Ахъ, оставьте ее лучше въ покоѣ... Она у Васъ не при чемъ вѣдь здѣсь...).

Профессоръ **А. Бронзовъ.**

Акты Велико-Устюжскаго Михаило-Архангельскаго монастыря, сост. **В. П. Шляпинымъ**. Ч. 2. Великій-Устюгъ 1913. III + 316 + III. Ц. 1 руб.

Продолжая свое полезное изданіе, В. П. Шляпинъ во 2-й части даетъ 20 жалованныхъ грамотъ (за время съ 29 апрѣля 1650 г., по декабрь 1746 г.), вкладныя и раздаточныя книги и три приложенія. Значеніе жалованныхъ грамотъ общеизвѣстно. Вкладныя книги показываютъ географическое распространеніе вліянія монастыря и нѣкоторыя бытовыя черты монастырской жизни. Раздаточныя книги живописуютъ, насколько монастырь былъ, по внѣшнему виду братіи, крестьянскій мочастырь. Внѣбогослужебное одѣяніе монаховъ здѣсь, какъ на ладони. Въ этихъ же книгахъ отразился монастырь и какъ хозяинъ. Все изданіе имѣетъ и общую важность своими конкретными данными изъ церковной и бытовой стороны.

Виленскій С. Г. Житіе св. Василія Новаго въ русской литературѣ. Часть I. Изслѣдованіе. Одесса 1913. VII+354 стр.

Винклеръ Г., проф. Вавилонъ. Его исторія и культура. Перев. Г. Г. Генкеля. Спб. 1913. 170 стр. Ц. 1 р.

Голубинскій Е. Е., проф. О реформѣ въ бытѣ Русской Церкви. Сборникъ статей. М. 1913. X+132 стр. Ц. 1 р.

Ефимовъ К. И. Преподобный Кириллъ Бѣлозерскій и его посланія. (Изъ этюдовъ по исторіи русскаго церковно-политическаго сознанія). Вып. II. Симбирскъ 1913. 12 стр

Каптеревъ Н. Ѳ., проф. Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI—XVII столѣтіяхъ. Сергіевъ Посадъ 1914. Изд. 2-е. 567+IX стр. Ц. 4 р.

Крамаренко М., свящ. Западно-русскія церковныя братства, ихъ происхожденіе и значеніе. Кіевъ 1913. 141 стр.

Лосскій Н. О. Интуитивная философія Бергсона. М. 1914. 116 стр. Ц. 70 к.

Мижуевъ Г. И. Главные моменты въ развитіи западно-европейской школы. Педагогическая Академія въ очеркахъ и монографіяхъ. (Воспитаніе въ семьѣ и школѣ). Подъ общей ред. проф. А. И. Нечаева. М. 1913. IV+216 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Новыя идеи въ философіи. Непериодическое изданіе подъ ред. Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборн. 13. Современные метафизики. Спб. 1914. 153. Ц. 80 к.

Пименъ, архим. Житіе блаженнаго Маръ-Евгена, начальника иноковъ въ странѣ Низибійской на горѣ Изла. Перев. съ сирійскаго. Сергіевъ Посадъ 1913. 60 стр.

Смирновъ С. И., проф. Древне-русскій духовникъ. Изслѣдованіе. М. 1913. VIII+287 стр.

— Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины. (Приложеніе къ изслѣдованію: Древне-русскій духовникъ). М. 1912. 568 стр.

Титовъ Ѳ. И., проф.-прот. Русскій царствующій Домъ Романовыхъ въ его отношеніяхъ къ Кіевской Духовной Академіи. Кіевъ 1913. 90 стр. съ 9 портр. и 9 гравюр. Ц. 2 р.

— Святитель Павелъ, митрополитъ Тобольскій и Сибирскій (1705—1770). Кіевъ 1913. 90 стр.

Флоренскій П., свящ. Столпъ и утвержденіе истины. Опытъ православной ѳеодицеи въ двѣнадцати письмахъ. М. 1914. 812 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Поименованныя книги въ конторѣ журнала не продаются, и контора не принимаетъ на себя комиссіи по пріобрѣтенію ихъ въ книжныхъ магазинахъ.

Авторы и издатели, желающіе, чтобы о вновь выходящихъ книгахъ помѣщено было въ „Христіанскомъ Чтеніи“ сообщеніе или отзывъ, благоволятъ присылать въ редакцію журнала (Невскій проспектъ, д. 182, кв. 10) по одному экземпляру каждой книги.

СОДЕРЖАНІЕ БОГОСЛОВСКИХЪ АКАДЕМИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ:

БОГОСЛОВСКАГО ВѢСТНИКА.

ДЕКАБРЬ 1913.

Содержаніе „Богословскаго Вѣстника“ за сент.—дек.—1913 г.

Св. Максима Исповѣдника житіе. Переводъ, изданіе и примѣчанія ***М. Д. Муретова.***

Русскіе духовники и расколъ старообрядства. ***С. И. Смирнова.***

Менделизмъ. ***С. С. Глаголева.***

О значеніи классицизма для духовной школы. ***Д. П. Шестакова.***

Древне-церковно-славянскій языкъ и его возможное жизненное примѣненіе. ***Свящ. І. М. Смирнова.***

Протіерей Новгородскаго Никольскаго Собора Алексѣй Родіоновъ. ***Н. Сахарова.***

Литургія въ первые вѣка христіанства. (Изъ лекцій † проф. ***А. П. Голубцова***).

Мои замѣтки и воспоминанія. ***Леонтія Митрополита Московскаго.***

Критика: I. Смотръ современникамъ. W. Schmidt, S. V. D.,—Der Ursprung der Gottesidee. Eine historisch-kritische und positive Studie. I. Historisch-kritischer Teil. (Münsteri W. 1912, 8⁰, стр. XXIV+510). ***Евг. Ег. Кагарова.***

II. Философія общаго дѣла. Статьи, мысли и письма Николая Ѳеодоровича Ѳедорова, изданныя подъ редакціей В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Т. 1, Вѣрный—1907 г., Т. 2, Москва—1913 г. ***С. А. Головановенко.***

III. С. Булгаковъ. Философія хозяйства. Ч. I. Міръ, какъ хозяйство. Москва—1912 г. Книгоизд. „Путь“. ***С. А. Головановенко.***

IV. Нѣсколько словъ о „философствованіяхъ“ проф. Мечникова. ***Н. М. Соловьева.***

V. Жюль Таннери.—Курсъ теоретической и практической ариѳметики. Пер. съ послѣдн. франц. изд. А. А. Котляревскаго, подъ редакц. Д. Л. Волконскаго. Москва, 1913 г., XX+672 стр. Ц. 2 р. 60 к. Священника ***Павла Флоренскаго.***

Изъ текущей жизни: I. Альфредъ Россель Уоллэсъ. ***С.***—II. Свѣтлой памяти С. Н. Фишеръ. Воспоминанія о ней протоіерея ***І. М. Фуделя*** и ученицъ ея ***М. Ф., Л.*** и ***С.***

Изъ академической жизни: Обновленіе академическаго храма и постриженіе въ монашество. Рѣчь о. инспектора Академіи архимандрита Иларіона. ***Архимандрита Иларіона.***

Новыя книги, полученныя въ Редакцію.

Содержаніе богословскихъ академическихъ журналовъ.

Журналы собраній Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи за 1913 г.

Отчетъ о состояніи Братства Преподобнаго Сергія для вспомоществованія нуждающимся студентамъ и бывшимъ воспитанникамъ Императорской Московской Духовной Академіи за 1912 годъ.

Объявленія.

Изслѣдованія Апокалипсиса. ***А. М. Бухарева (Архимандрита Ѳеодора).***

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА.

ОКТЯБРЬ 1913.

Проф. Н. И. Ивановскій.

Космополитизмъ. ***В. А. Никольскаго.***

Въ области самарянской литературы. ***В. И. Протопопова.***

О средствахъ и методахъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія на учащихся на основаніи данныхъ новѣйшей педагогической литературы. Протіерея ***А. И. Дружинина.***

Историко-литературная почва перваго славянофильства. ***А. Лушникова.***

Слово надъ гробомъ почившаго Экзарха Грузіи, Архіепископа Иннокентія. ***Алексія, Епископа Тобольскаго.***

Сынъ Божій и церковь Христова. ***Его же.***

О времени второго пришествія Христова (противъ толкованій Бейнингена и его послѣдователей). ***І. Боркова.***

Очерки изъ исторіи христіанскаго вѣроученія патристическаго періода. Вѣкъ мужей апостольскихъ. ***Л. И. Писарева.***

На чемъ основывается религіозная убѣжденность христіанина? Свящ. ***Н. В. Петрова.***

Типикъ Святителя Варсонофія, Казанскаго Чудотворца. Іеромонаха ***Аванасія.***

Библіографическая замѣтка. ***П. Д. Лапина.***

Лѣтопись академической жизни за 1913 уч. годъ.

Сергѣй Павловичъ Преображенскій († 30 декабря 1912 г.). ***Н. Шангина.***

Памяти Сергѣя Павловича Преображенскаго. ***А. А. Невчаева.***

Содержаніе: 1) Іюньской книжки „Богословскаго Вѣстника“ и 2) Іюль-августовской книжки „Христіанскаго Чтенія за 1913 годъ.

Объявленіе отъ редакціи „Боголовскаго Вѣстника“.

Инородческое Обозрѣніе, приложеніе къ журналу „Православный Собесѣдникъ“ за мартъ 1913 года. Книга 2-я.

Приложенія къ Протоколамъ Совѣта Казанской Духовной Академіи за 1911 г.

ТРУДОВЪ
ИМПЕРАТОРСКОЙ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ДЕКАБРЬ 1913.

I. Полемическія сочиненія Тертулліана. Переводъ *Н. Н. Щеглова.*

II. О значеніи Церкви. Архим. *Василія.*

III. Степень неизмѣнности догмата. Свящ. *А. И. Чекановскаго.*

IV. Религіозная жизнь въ современной Испаніи. *В. Д. Попова.*

V. Кіево-Выдубицкій монастырь (до-монгольское время). *С. Т. Голубева.*

VI. Нѣкоторыя свѣдѣнія о католикосѣ Имеретинскомъ и Абхазскомъ Максимѣ II. *Н. Н. Пальмова.*

VII. Къ исторіи византійскихъ богомиловъ 12 вѣка. Прот. *Н. С. Гроссу.*

VIII. Значеніе Іерусалимскаго храма въ ветхозавѣтной теократіи. *Г. Г. Поповича.*

IX. Содержаніе академическихъ богословскихъ журналовъ.

Въ приложеніи:

X. Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Императорской Кіевской дух. Академіи за 1912—1913 учебный годъ.

XI. Оглавленіе III тома „Трудовъ Императорской Кіевской Духовной Академіи“ за 1913 годъ.

XII. Объявленія.

Редакторъ, профессоръ Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи *Николай Сагарда.*